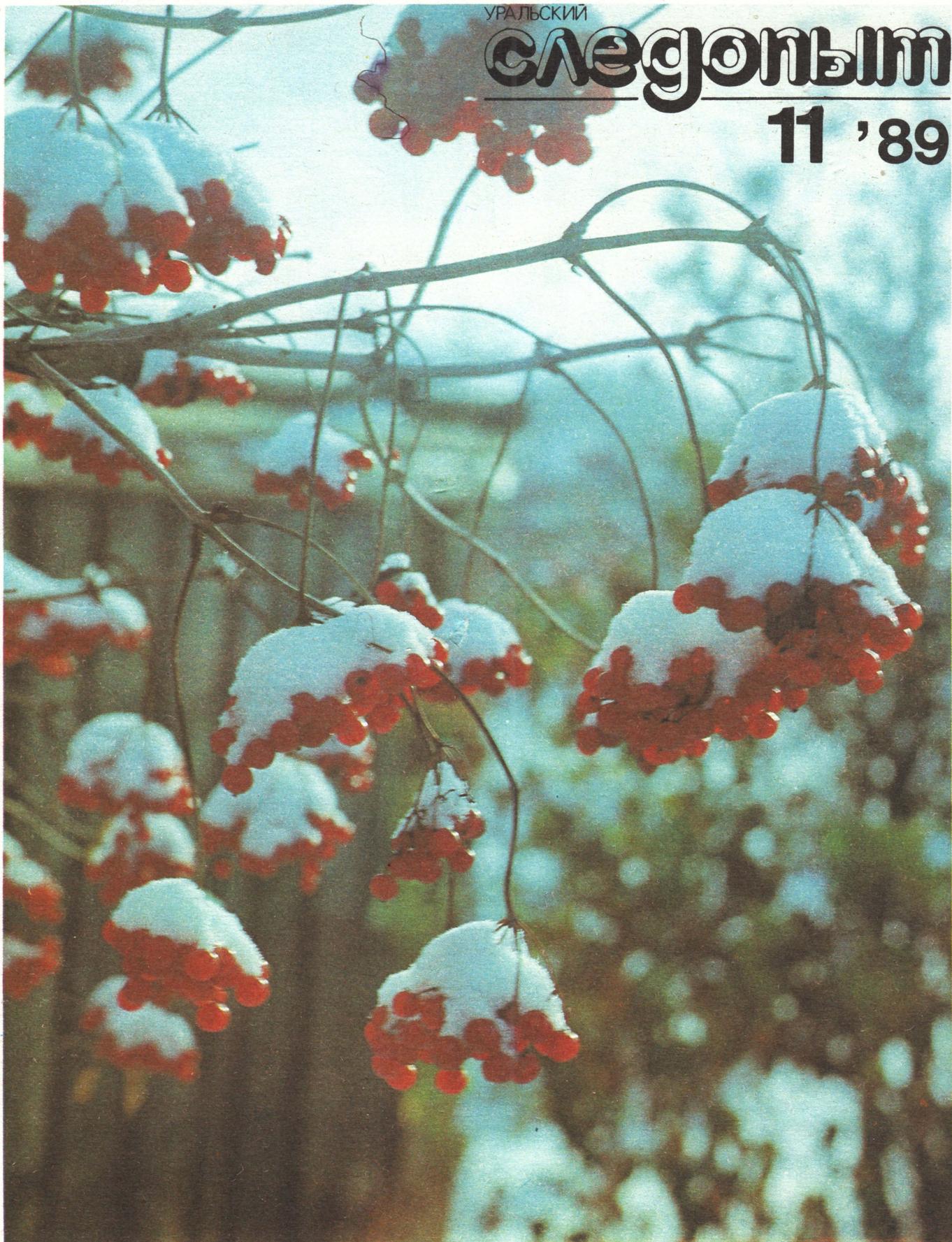

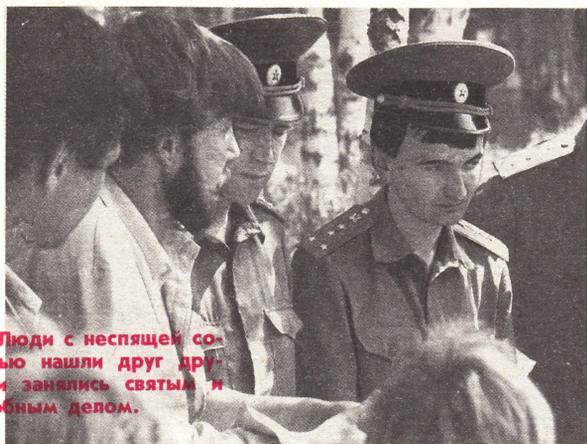
УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

11 '89

7.91

...Люди с неспящей совестью нашли друг друга и занялись святым и скорбным делом.

Это место зовется Золотой горой — несколько километров от Челябинска, у околицы села Шершны...

ПРОЗРЕНИЕ на Золотой горе

АНАТОЛИИ НОВОСЕЛОВ

Читайте стр. 2.

Так это выглядит...

ЭТО НУЖНО УВИДЕТЬ. В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ — ПОКЛОННИКАМ ГЕНЕРАЛИССИМУСА, ИЗ БЫВШИХ. УВИДЕТЬ, ЧТОБЫ ОНИ ЗАМОЛЧАЛИ ПЕРЕД ДЕЛОМ РУК СВОИХ.

ЭТО НАДО УВИДЕТЬ ТЕМ, КТО ВЕРИТ В СТАЛИНСКИЕ МИФЫ, КТО ИНСТИНКТИВНО, ПО НЕОСОЗНАННОЙ ИНЕРЦИИ ЧТИТ «ОГНА НАРОДОВ», — ЛЮДЯМ «ПРОСТЫМ» И «ИДЕЙНЫМ».

УВИДЕТЬ, ЧТОБЫ ПРОЗРЕТЬ.

НАДО УВИДЕТЬ И ТЕМ, КОМУ БЕЗРАЗЛИЧНА «ВСЯ ЭТА ПОЛИТИКА». УВИДЕТЬ, ЧТОБЫ ПОНЯТЬ — ТАКАЯ «ПОЛИТИКА» МОЖЕТ КОСНУТЬСЯ КАЖДОГО.

УВИДЕТЬ ТЕМ, КТО ПРИЗНАЕТ «ЧАСТИЧНО» И «ЧАСТИЧНО» ОСУЖДАЕТ. ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕЛЬЗЯ ОСУЖДАТЬ «ЧАСТИЧНО». «ЧАСТИЧНО» — ЗНАЧИТ СОЧУВСТВОВАТЬ МОРАЛЬНО.

ЗДЕСЬ ПРОЗРЕВАЕТ КАЖДЫЙ...

В НОМЕРЕ:

А. Новоселов ПРОЗРЕНИЕ НА ЗОЛОТОЙ ГОРЕ	2
АУ, БУМАГА!	3
О. Калинцева «ВРАГИНЯ-КНЯГИНЯ»	4
М. Секрет ЛЕГЕНДАРНАЯ СТАНЦИЯ	11
Г. Сабитов, В. Ванюшев, П. Поздеев ИЗ ПОНИМАНИЯ ДОБРА. Стихи.	12
В. Акимов ЗИНКА. Рассказ	14
М. Вилисов ЕГОРКИНА БЕРЛОГА	23
Л. Граматчикова «ГЛАДКОЕ ПИСЬМО» АЛЕКСАНДРА ИСАЧЕВА	24
В. Альтов ПОДПОЛЬЩИК-ТЕЛЕГРАФИСТ	25
В. Агафонов «НА ВОСТОКЕ ТУЧИ ХОДЯТ ХМУРО...»	26
Н. Зубьяков РАСТЕТ В ПОЛЕ ЯСЕНЬ	29
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	30

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»

П. Калмыков ШКОЛА МУДРЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ. Повесть, начало	31
Заочный КЛФ	49

Н. Аляшева АЙСЕДОРА	53
В. Юдина СТИХИ	55
В. Кабанов 150 000 — НА ВЫСТАВКУ	56
В. Кобылин ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА РЕКЕ ЛЕСНОЙ. Рассказ	57
Г. Самарин ВОСПОМИНАНИЯ О ЧАЙКАХ	63
А. Чибилев ПЕРНАТЫЕ СИМВОЛЫ УРАЛА	65
В. Николаев КОЛОДЕЦ. Рассказ	66
А. Сигов ЗОЛОТО ВСЕВОЛОЖСКИХ	70
Е. Ищенко СУД НАД МЕРТВЫМ	71
А. Майер ОТЛИВАЛ КОЛОКОЛА В САРАПУЛЕ	72
МИР НА ЛАДОНИ	73
О. Щербинина ВИСИМ СТАРИННЫЙ, ПЕСЕННЫЙ	74
В. Клочков ИГРЫ ПРЕДКОВ	76
М. Рафиков ЗОЛОТОРУКИЙ ТОКАРЕВ	80

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

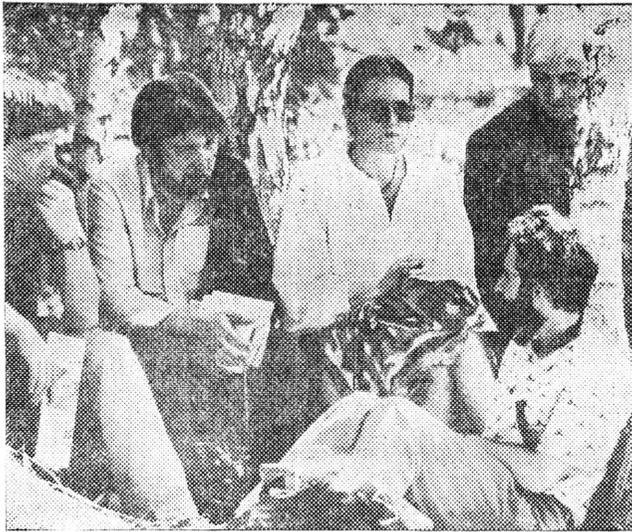
Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-36-62 (прозы и поэзии).
22-45-01 (краеведения,
фантастики).
22-10-74 (публицистики,
молодежных проблем).
22-04-81 (науки и техники,
писем, секретариат)

Рукописи принимаются перепечатанными на машинке через 2 интервала, 60 знаков в строке. 28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки обращаться в районные отделения «Союзпечати». Бракованные экземпляры отправлять в типографию издательства «Уральский рабочий».

Сдано в набор 09.08.89.
Подписано к печати 26.09.89.
НС 15145.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 2.
Высокая печать.
Усл.-печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 13,0.
Усл. кр.-отт. 11,76.
Тираж 494 000.
(1-й завод: 1—250 000).
Заказ 459.
Цена 40 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»
620219, г. Свердловск,
пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки «Калина», фотоэтой Олега Капорейко.

Открывшаяся картина была жестокой. Только в верхнем, неглубоком слое — более двухсот останков. Провели бурение в четырех шахтных стволах из тридцати: в трех — кости, Люди, лежащие вповалку... Сохранились позы — навзничь, раскинуты руки. Ничком. Согнутые тела... И — черепа. Везде черепа. Пробитые пулями насквозь...

Стреляли в упор.

Думалось, хотелось верить, что «наши» палачи не такие, как «те», что как-то все гуманнее было — не могло быть так, как у «тех»... Нет, было так же. И еще гнусней, потому что стреляли по «своим». Своим по крови, по месту рождения.

Но были ли «своими» те, кто стоял у края шахт с наганями? Выстрелы в затылок, в висок... Стрельба в упор в склоненных людей. Было жестокое добивание — обо всем этом неопровержимо говорят следы ран. Следы преступлений... Рядом с большими черепами — маленькие. Женщины? Подростки? Об этом скажет позже экспертиза.

Земля рассказывает свою скорбную повесть. Много слоев много останков — расстрелы шли не один год. Обугленные остатки личных вещей, оплавленное стекло — мертвых заваливали горячим шлаком. Многие кости, черепа вмяты, раздавлены — утрамбовывали чем-то тяжелым.

ПРОЗРЕНИЕ на Золотой горе

Анатолий НОВОСЕЛОВ

...Всегда неугомонные, крикливые мальчишки молчат, переговариваются шепотом, сидя на краю страшного обрыва. Авторитетный, всезнающий отец семейства стоит, опустив голову, не зная, что сказать стоящим рядом детям своим. Люди мужественной военной профессии растерянно ходят среди ослепительно белоствольных берез...

Что же здесь?

Это место зовется Золотой горой — несколько километров от Челябинска, у околицы села Шершни.

Заброшенные копи старателей. Три десятка шахтных стволов. И — темные слухи по городу: там — страшное место, там — казни. Даже подходить боязно — не по себе становится... Однако везде есть люди с неспящей совестью. Нашли они друг друга и в Челябинске. Нашли и занялись скорбным и святым делом.

Олег Вепрев. Все свои сознательные годы занимается сбором сведений о жертвах сталинского террора.

Григорий Маламуд. Историк, археолог, человек, которому не дают покоя раны старой и новой истории.

Лариса Субботина. Обладающая чувством повышенной нравственной ответственности за все происходящее. Координатор Народного фронта Челябинска.

Десятки и десятки других людей, обеспокоенных тем, чтобы не ожгло страшное прошлое. Они объединились в группу «Реквием», входящую в общество «Мемориал», и стали инициаторами раскопок на Золотой горе. Они добились открытия работ, они ведут их — упорно, самоотверженно, преодолевая препятствия, скрытое и открытое противодействие.

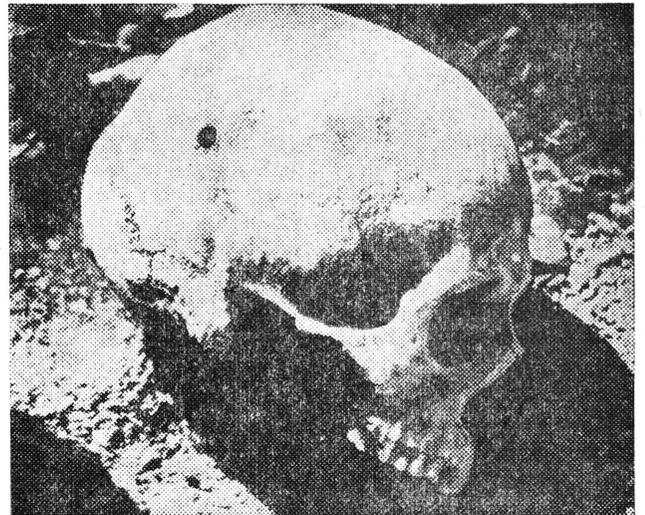
И земля открыла свои страшные тайны.

Снято несколько слоев грунта. Сняты бережно, аккуратно. Ребятам сначала предлагали: давайте поднимем экскаваторами останки, зафиксируем факт юридически — и зароем обратно... И уже приступили. Но ребята, отогнав экскаватор, решили работать лопатами, совками, метелками.

Трактором? Жертвы не вмещались в шахтный ствол? Подготавливалось предусмотрительно место для новых?.. Для пока еще живых людей?

Найдены костыли, трости, деньги, записные книжки, флакончики одеколона. Значит, везли не из тюрьмы — там все было бы отобрано. Значит, сюда — прямо из домов...

Рядом с черепами — очки, пенсне. Интеллигенция. Ее палачи ненавидели более всего. Люто. Костыли, трости... Инвалиды? — гражданской или революции? Просто старики, не так говорившие и думавшие?

Меж останков — бутылки из-под водки, граненые стаканы. Водку в тюрьмах заключенным не давали, это палачи «снимали напряжение» на трупах...

Свидетельствуют братья Огневые — Леонид Иванович и Михаил Иванович, бывшие старатели-золотодобытчики, ветераны Великой Отечественной: «С 36-го года на Золотой горе, или, как ее тогда звали, Лысой, было оцепление. По ночам слышались выстрелы. К соседке как-то приполз раненый с шахт. Отлежался у нее, выздоровел, она дала ему одежду и поехать с собой. Он обещал обязательно вернуться...»

Оцепление держали до 43-го.

В начале 50-х от городских властей поступило распоряжение: устроить на горе городскую свалку промышленных отходов. Кто-то очень боялся того, что лежало в недрах горы... Завалить дрянью, загадить могилы жертв... Видно, боялись их, своих жертв. Группа вскрыла подкопы в захоронения, через которые в шахту наталкивали известь — кто-то хотел все сжечь. Неужели и сейчас боятся?

Не из-за этого ли археологическими методами ребятам из «Реквиема» приходится устанавливать то, что подробно зафиксировано в архивных документах? Ведь археологическим путем устанавливаются события до XV века, а события начала и середины XX века, предполагается, означены в архивах? Почему же «Реквиему» недоступны эти архивы? По каким «высшим соображениям»?

По каким «высшим соображениям» усиленно запускается «в народ» слух, что в шахтах — жертвы белочехов? В то время как у жертв находят монеты 36—38 годов, галюши фабрики «Красный треугольник», флакончики довоенных одеколонов?..

Ребятам из «Реквиема» очень нужна помощь. Их мало. Нередко до раскопа им приходится добираться пешком — нет транспорта. Олег Вепрев так и живет у шахт, в палатке. Работа останавливается — не хватает нужных реактивов для очистки и консервации останков. Порой нечего поесть — хорошо, если что-то привезет Субботина...

А однажды из палатки таинственно пропал подробный план раскопа. А еще двое неизвестных, ссылаясь на полномочия, упорно и обстоятельно допытывались о ходе работ...

Сейчас к раскопу пошли люди. Десятки, сотни людей. Помочь разобраться в трагедии — моральная потребность и долг. Но захоронение нуждается хотя бы в простейшей охране — уже найдено несколько золотых коронок, они переданы на хранение в горком, но от мародеров, оксверителей праха наше общество пока не избавлено. И, не дай бог, пропадет такая находка — обвинения может призвучать в адрес подвижников.

Ребятам из «Реквиема» нужно помочь. Может, помогут военные — несколькими солдатами для охраны, полевой кухней? От них сейчас помощь есть, но все это неофициально, с оглядкой... Может, подсобят всеисильные городские организации и предприятия — ведь в дефиците, в «фондах» даже фанера — и не в чем готовить останки к перезахоронению... Честь самостоятельному объединению «Наука» — оно выделило группе, обществу «Мемориал» пятнадцать тысяч!

Может, кто-то еще поможет? Счет «Мемориала», в который входит «Реквиём», — № 700271 в Челябинском отделении Жилсоцбанка, целевое назначение «Золотая гора».

Нужно помочь павшим успокоиться, найти достойный последний приют. Не могут быть живые спокойны, пока мертвые спят неспокойно...

НА СНИМКАХ:

Ольга Субботина и ее товарищи по «Реквиему». Вот так выглядит эта «археология» XX века...

Снимки В. Боброва

Ау, бумага!

Уж облетели с деревьев листья, но, увы, по прежнему летят в редакцию письма с жалобами наших читателей на недоставку еще осенних номеров «Уральского следопыта». Напоминаем, что по странному распределению сыщете прав и обязанностей, редакция не имеет не только лишних, но, подобно бедному сапожнику, даже необходимых для работы экземпляров своего журнала: все под метелку забирает почта. К ней, к «Союзпечати», и должны адресоваться обиженные подписчики. Но у почты свои проблемы — о них в № 8 «Следопыта» рассказала заместитель начальника Свердловского ОПТУС И. У. Жидких. Есть и иные причины, по которым задерживается журнал. Одну из них, пожалуй, изначально, объясняет заместитель директора Средне-Уральского книжного издательства Леонид Михайлович ШУНЯЕВ:

— Для начала процитирую телеграмму, которую я вынужден был отправить 5-го июля в город Краснокамск Пермской области, на Камский целлюлозно-бумажный комбинат, директору Г. Ю. Тольману, и. о. коммерческого директора М. А. Урикову: «Выпуску журнала «Уральский следопыт» срочно требуется книжно-журнальная зпт типографская бумага количеством 70 тонн тчк. Что сообщить полумиллиону подписчиков задержке выпуска журнала» — и далее я поставил бы многомного вопросов, но не приходится платить за каждый, а мы и так уже истратили на командировки наших представителей (прежде их называли точнее — «толкачи»), на телеграммы и телефонные переговоры столько, что хватило бы на выпуск дополнительного тиража «Уральского следопыта»...

Но нет нам ответа! Да бог с ними, извинениями и оправданиями, комбинат и раньше отвечал дежурными отговорками, какие есть в запасе у любого производителя: сегодня нехватка вагонов, завтра недопоставка сырья... кирпич «бар» — раствор «ёк»... Лучший ответ — молча, по-мужски, вернуть долг. Хотя и немалый. На конец августа Камский орден Трудового Красного Знамени ЦБК задолжал нам (т. е. издательству, журналу, вам, подписчики) 271 тонну бумаги — это на 2,5 тиража «Уральского следопыта».

Смешно напоминать об этом нашим поставщикам, но мы ведь не дополнительные фонды выпрашиваем, а то, что положено нам по госзаказу. То, что оплачено подписчиками год тому назад. Кстати, издательство могло бы оплатить весь годовой фонд бумаги для журнала заранее, авансом, лишь бы иметь твердые гарантии своевременных поставок.

«Подписчик всегда прав», — заявила в своем интервью Ирина Уварова Жидких. Верно. Подписчик не должен страдать из-за ведомственного разгильядия. Наше издательство пытается сделать все, чтобы читатель вовремя получил любимый журнал: перебрасываем бумагу с других изданий, отодвигаем сроки их выпуска, слезно молим типографию издательства «Уральский рабочий» отпечатать «Следопыт» на других сортах бумаги, вплоть до газетной и бланочной, ведь и наши запасы не беспредельны. Полиграфисты, спасибо им, идут навстречу. Но при этом ухудшается оформление журнала.

«Уральский следопыт», вообще, следовало бы печатать на бумаге повышенного качества, ведь он распространяется по всему Союзу, идет за рубеж, прославляя родной Урал, на котором, между прочим, живут и работники Камского ЦБК — где же их гордость за нашу уральскую марку?! Мало того, что бумага от них поступает низкого качества, еще велики технические отходы из-за плохой упаковки...

Не хотелось бы, честно говоря, просто пожаловаться Министерству лесной промышленности СССР на нерадивость их подчиненных, поэтому я прямо обращаюсь к совету трудового коллектива ранее славного, орденосного бумкомбината: не омрачайте любви миллионов читателей к их журналу! В технологической цепочке от писателей и журналистов до читателя вы — первое звено, с вас начинается трудный путь «Уральского следопыта» в дальние и близкие края.

Вы могли бы сделать и большее. При издательстве и журнале создан кооператив «Свиток», помогающий нам и «Следопыту» выпускать в виде книг, брошюр, буклетов любившиеся многим фантастику и детективы, исторические, краеведческие, туристские материалы. Помогите нам сверхплановыми, возможно, выработанными на молодежных субботниках тоннами бумаги, — вам сторицею воздастся (уж мы не преминем назвать «виновников» такой радости) горячая, искренней благодарностью читателей-земляков, книголюбов всей нашей страны.

«ВРАТИНЯ-КНЯТИНЯ»

(Из рассказов АИ)

Ольга КАЛИНЦЕВА

ПРЕДЛАГАЕМАЯ ЧИТАТЕЛЮ ПУБЛИКАЦИЯ — ТОЛЬКО ГЛАВА ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ, КОТОРУЮ УЖЕ МНОГО ЛЕТ КРОПОТЛИВО И БЕРЕЖНО ВЕДЕТ ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА КАЛИНЦЕВА. В ХРОНИКЕ ОТРАЖЕНА ЧАСТЬ ЖИЗНИ ЕЕ БЛИЗКИХ И ДАЛЬНИХ РОДСТВЕННИКОВ, ЧАСТЬ, В КОТОРОЙ, КАК В КАПЛЕ ВОДЫ, ОТРАЗИЛИСЬ СУДЬБЫ СТАРШИХ ПОКОЛЕНИЙ.

В ПОЛНОМ ОБЪЕМЕ КНИГА О. КАЛИНЦЕВОЙ ВЫИДЕТ В 1991 ГОДУ В СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОМ КНИЖНОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ. НАЗЫВАТЬСЯ ОНА БУДЕТ КРАТКО И СИМВОЛИЧНО — «НАШИ».

Анастасия Илларионовна, мне она очень и очень дальняя родня, как говорят, «седьмая вода на киселе», но зато сложным образом родня и по отцу, и по матери. Имя и отчество у нее длинные. Дома у нас называли ее Настенькой, но теперь, в старости, это неудобно. Я буду называть ее инициалами, но без точек — АИ, так я ей и в письмах пишу. Объяснение этому тоже впереди.

В 1973 году, летом, АИ гостила у нас в Свердловске и много рассказала за это время. Она знала, что я пишу семейную хронику, и хотела помочь. Разговоры у нас были, в основном, об истории страны и нашей родни.

Записывала я по ночам. Для облегчения работы писала от первого лица, так, как она говорила. Она образованней меня, и память у нее лучше, но десять лет каторги, а потом одиночество дают себя знать, письма ее читать очень трудно, а клочковатые рассказы мне пришлось объеднять по темам.

КУБАНЬ

— Ты хоть знаешь, как заселялась Кубань? Это ж Екатерина поселила там украинцев, вырученных из турецкого плена, обмененных ею после русско-турецкой войны. На Кубань бежали и крепостные с Украины. Эти беглые сперва батрачили у богатых казаков, потом, собравшись с силами, арендовали землю у помещиков. Мой прадед Малафий — беглый «крипак» с Украины. Рассказывали, он был очень красив. И женился вскоре тоже на очень красивой казачке. За ней дали землю, и ему уже не надо было арендовать.

На Кубани, в плавнях, комары кишели страшно, и малярия-лихорадка трепала всех нещадно. Выживали самые выносливые. Мать родила меня во время приступа лихорадки. Ехала на возу полумертвая, со свекром, из степи, где работала до самых схваток. Тогда ведь всех стеснялись, тем более свекра. Она и молчала, пока молчалось, а потом молчала, потому что была без памяти. А я чуть пищала, и пока доехали до дому, тоже замоклка. Думали умерла, но надо ж точно знать, чтоб греха на душу не принять, вот и не поспешили зарыть. Так и дальше жила — все ждали, что умру: последняя была и самая хиленькая. Но выросла. Пригляделся как-то отец и сказал маме: «Чуешь, Дарья, а Настуся, здается мэни, гарнэнька...»

ОТЕЦ

Богатыми мы не были. Правда, из богатой семьи была наша мама. Ее сундук с приданым выручал нас, девчонок, еще долгие годы. Белья уже давно не было, а когда-то

добротные мамины платья все перешивались и перешивались, и всегда у нас был хороший вид. Ну, и учились все — это тоже вызывало зависть...

Работников отец не держал, со всем мы управлялись сами — семья была большая. Правда, одно время, когда я была еще маленькая, жил у нас пленный австриец, они тогда чуть не в каждом дворе жили.

Отец был любознательный человек, особенно его интересовали всякие механизмы и приспособления для обработки земли. Помню, он все спрашивал австрийца, что у них в Австрии сеют, чем и как боронят, чем косят, все досконально хотел знать. Для него молотилка была мечтой всей жизни, мы потому и жили так бедно, что отец копил деньги на молотилку. И он ее купил, на нашу беду. И тут же заинтересовался, что получится, если вообще хозяйствовать по-новому. И сговорил мужей трех своих сестер. Они, первые в станице, еще до всякой коллективизации, создали ТОЗ — модное тогда начинание. Товарищество по совместной обработке земли. Лентяев они в свой ТОЗ не принимали, говорили примерно так: «Цэй нам нэ пиийдэ, вин — лэдэр, знаем же його, як облуплэнно-го. Вин — абы дэнь до вэчора, абэ нэ робыть, будэ тильки ряднушку з пид сэбэ пэрэтягаты вид сонця та витру у затышок-холодок». Все хозяйство свое, а главное молотилку, отец передал в ТОЗ. У него не было никогда ни жадности, ни пристрастия к собственности, он был большим энтузиастом нового дела. Вот для этого самого ТОЗа он и поехал в Ейск за картошкой. Купил семь мешков и вез, а его в городе забрали и посадили. Я тогда уже жила в Ейске, училась в единой трудовой школе (бывшей Ксенинской гимназии), так как в станице ничего, кроме высшего начального училища, не было. И вот, проходя мимо одного дома, я услышала, как из-под земли, голос отца: «Настусю! Дону!» Голос шел из подвала. Так мы и узнали, куда он исчез. Умер он вскоре от сердечного приступа. Раскулачен не был, и голоса его не лишали. После его смерти мама не долго прожила. Сестер и братьев моих скосили голод 1933 года, чахотка, малярия. Я оказалась самая выносливая.

ДОЧЬ СЕРЕДНЯКА

Окончив школу, из Ейска я поехала в Краснодарский пединститут. В анкетах писала всегда — «дочь середняка», но очень боялась из-за молотилки. Это тогда был страшный криминал, мог вдруг явиться какой-нибудь земляк и донести, а знаешь, что тогда значило «скрыла свое кулацкое происхождение»? Но обошлось. Назначение у меня было в Кузнецк учительницей в школу-девятилетку. Там меня и нашел краснодарский сокурсник, «влюбленный на всю жизнь», и перетащил в Бийск. Там я стала преподавать в школе имени Толстого. С родными в Ейске я переписывалась, и когда твоя мама и тетя Ольга проезжали в 1930 году через Бийск, они меня там нашли. У Ольги было назначение врачом в алтайское село Ая, а твою маму Дуню они везли туда лечиться от туберкулеза. Они задержались в Бийске на целый месяц из-за того, что не ходили еще паромы по реке Бие.

ЕГОРЫЧ

Я рассказала им о своем новом здешнем знакомстве, и Дуня меня отругала: «Ты, Настя, ничего в этом не понимаешь и пропадешь ни за что». А знакомство было такое — мы столовались у одной тетки вместе с небольшой группой из покаявшихся и высланных из Москвы троцкистов. Они жили и работали в Бийске, некоторые учительствовали. В связи с «покаянием» запомнилась мне одна случайно оброненная одним из них фраза: «Как будто я проглотил таракана и долго еще буду страдать несварением желудка». Все они лично знали Ленина, были профессиональными революционерами и прекрасными людьми. Я всегда очень гордилась знакомством с ними. Имела глупость это потом и следователю сказать. Я была самоуверенно наивным человеком, и в 1937 году не стала разумнее, и своему следователю говорила то же, что и Дуне с Ольгой: это прекрасные, честные, умные люди, они работали с Лениным, много сделали для революции, много страдали за нее, я их очень уважаю и ничего дурного о них не слышала, и ни о какой их подрывной деятельности не знала.

Один из этих людей был особенно интересной личностью, может, даже исторической. Партийная кличка у него была «Егорыч». Он спасал золотой запас России, ему же выпало участвовать в решении участи царской семьи в Екатеринбурге. Была телеграмма от Ленина, и, конечно же, они понимали, что судить царя открытым судом и палачей, и лучше, и на душе спокойней, но события тех дней не давали выбора.

МАХАЧЕВ

В Бийске я жила недолго. Уже в начале 30-х мы с мужем были приглашены в Дагестан создавать первые словари: аварско-русский, лакско-русский. Мы с Сашей взялись составить аварско-русский словарь, Саше вообще очень легко давались языки. Во главе института стоял Махачев, выходец из богатой аварской семьи. Махачев учился сперва в Турции, а затем в Париже окончил Сорбонну. Князья, богачи, предки Махачева, властвовали здесь безраздельно. В то время в горном Дагестане, по сути, еще и не было Советской власти, в глуши так и оставались его обширные владения и покорные ему, темные люди. И здесь, в долине, и на плоскогорье всегда возможны были набеги, и на ночь запирались ворота города. Смешно сказать, но вооруженная охрана города, по сути, охраняла Махачева от него самого. Это я потом поняла. Ты бы знала, что это была за лиса! С нами, русскими, он был особенно ласков, хотя и ненавидел, наверно. Он был очень хорошо воспитан и широко образован. Кроме родного аварского, знал персидский, турецкий, хорошо владел английским и французским, но плохо говорил по-русски. Вот мой муж и занимался с ним русским, конечно, помимо работы в институте. Саша думал, что, помогая Махачеву совершенствоваться в русском, сам тем временем овладеет аварским. Он понимал эти занятия как товарищескую взаимопомощь, а Махачев был очень хитер. Тогда мы с мужем не подозревали ничего, но теперь я думаю, что он хотел Сашу как-то использовать, плел сети. Да, я думаю, что группа Махачева была. Мы несли в эту страну свет, образование, а национальные верхи и муллы очень сопротивлялись. До Советской власти им было легче обирать людей. Муллы там были очень сильны, они приказывали, проклинали, и матери губили своих дочерей. Когда мулл выселили, все изменилось.

АРЕСТЫ

Мы только начали составлять словарь, когда Сашу арестовали, а через четыре месяца взяли и меня. Все это делалось как-то тихо и странно. Первым, еще в 1936 году, взяли Махачева. За ним пришли прямо в институт. Я как раз сидела в его кабинете и сказала, что Махачев сейчас на лекции. Прямо с лекции его и забрали. Потом брали людей вокруг и в институте еще и еще. Шел 1937 год, но

мы-то тогда не знали, что это такое. Сашу моего вовсе как бы и не арестовали, я тогда и не поняла, что это арест. Володя Маслов был наш знакомый. Молодой парень. Очень приятное и всегда грустное лицо. Он, видно, тяготился своей работой в НКВД, и это у него даже проскальзывало иногда. Он был мобилизован со второго курса сельхозинститута на эту работу как комсомолец и человек с очень чистой родословной, с «пролетарским происхождением». У нас он бывал. И в этот день зашел. Я думала, он зашел, как всегда, так просто посидеть, и, пока они с Сашей о чем-то разговаривали, я продолжала возиться на кухне. Потом они вместе, продолжая о чем-то на ходу разговаривать, ушли. Маслов со мной попрощался кивком. Ничего особенного я не заметила и поняла все гораздо позже. Ночь просидела у окна, опершись на локти. Утром пошла на работу. Обстановка там была напряженная. Мне предложили уволиться по собственному желанию. Увольняться я не стала.

Саша уже просидел четыре месяца, когда мне на работу позвонили и сказали, что следствие по его делу окончено, и нам разрешено свидание. Сказали куда явиться. Я, в чем была на работе, не заходя домой, так и побежала. И... на десять лет. Так делали тогда. Никакого свидания с мужем не дали. Это был обман, ловушка.

Так тихо и постепенно арестовали почти весь институт. Да что институт! Во двор следственной тюрьмы арестованных возили машинами. Сперва я не верила, когда мне говорили, что это так, но однажды (я ведь долго была под следствием) меня заставили делать уборку на верхнем этаже, и я сама убедилась. Встала на стол и заглянула в окно. Возили машину за машиной. Были арестованы и все наркомы Дагестана, все самые видные работники, все их жены и дети старше 16 лет.

Детей помладше не отбирали, их могли взять родственники: бабушки, тетки, если эти тетки за себя не боялись. Вот, например, Галю — дочь моей подруги по лагерю, взяла к себе прислуга, работавшая у них в семье. Сажали в тюрьму только с 16 лет. С нами в женской тюрьме были потом девочки-москвички. Их сперва не взяли вместе с родителями, но они сговорились, и однажды во всех старших классах школы на классных досках было написано: «НАШИ РОДИТЕЛИ — НЕ ВРАГИ НАРОДА». Тогда ведь в московских школах в каждом классе было по несколько детей «изъятых» родителей. Стали тягать детей, учителей, родителей. Кто-то назвал «организаторов», и их всех посадили.

Камеры, рассчитанные на 16 человек, вмещали по 30 и больше. Как вмещали? Здесь, в следственной тюрьме, у нас были еще не нары, а койки. Железные койки и серые одеяла, тоже солдатские. На ночь койки ставили плотно одна к другой по два ряда, и узкий проход, и еще немного места оставляли там, где дверь. Утром половину коек выносили в коридор и там складывали штабелями (у кроватей спинки и ножки поднимались). На место кроватей каждая из заключенных вносила из коридора себе стул. Все, конечно, по команде. Утром в туалет успевай быстро — четкая очередность камер, не засидишься, иначе всем не успеть. Потом разносят завтрак.

БЫТОВИКИ

Были среди нас и бытовики — воровки, проститутки, спекулянтки. Еще были абортмахерши и сектантки. Одна сектантка все хотела меня склонить к вере. И воровка одна, очень молоденькая, Валя, уважала меня. Она говорила мне «Вы», несмотря ни на что. А ведь там как: мы для них были только мишенью, возможностью зло сорвать. Мы — «врагини-княгини», жены иногда очень больших начальников, уважаемых людей, интеллигенция. Многие ненавидели нас. Какое там «Вы», там все матом. Да что мат, ты бы видела, что они там вытворяли: разденуся догола, лягут на нары и ноги распрягут навстречу «начальничку».

«Врагиня-княгиня»

«Врагиня-княгиня»

Говорят: «Заходите, пожалуйста,—ворота настежь». Так развлекались.

Однажды к нам привели новую девушку, звали ее Клавой. Привели ее под вечер. Обычное дело: одних приводят, других переводят, все время так. Но с этой было необычно. Войдя, она тотчас сванулась назад, закричала и стала умолять охрану не садить ее в эту камеру, а посадить в любую другую. Ее не слушали — толкнули и закрыли дверь. Две ночи она проплакала, а днем сидела, как зверек. Мы тогда не понимали, в чем дело. На третью ночь нас всех разбудили бытовики, велели стать носами к стенке и молчать. Меня будила Валя: «Тетечка, вставайте быстро к стенке, не смотрите, не слушайте, а то и вам больно, очень больно сделают»... Спросонья, ничего еще не понимая, но привычные уже всему сильному подчиняться, мы повставали с кровати и стали лицом к стене. Я все же успела заметить какую-то возню возле Клавы. Спящую новенькую закрутили в ее же одеяло, как куклу, и ударили этой куклой об железную кровать. Мне и теперь, хоть тридцать пять лет прошло, не уйти от того, что я потом увидела — красивые выпавшие глаза. Я заорала дико, по-звериному. И как будто там, за дверью камеры, ждали сигнала — мгновенно вбежала охрана. Новенькую отняли и развернули. Даже не тело, страшно избитое, поразило нас — этого можно было ожидать, но глаза! Один глаз вышел из орбиты, а другой висел, висел рядом с лицом. Ее унесли в тюремную больницу. Потом, когда я работала там, я узнала о ней. Она выжила. Ослепла, конечно, и вообще все перебито внутри, но выжила. Совсем еще девочка. Оказывается, воры поставили ее где-то «на стреме», а она испугалась и ушла (еще неопытна была), и они все из-за нее сели. И вот месть. Она сразу, как увидела их, уже знала, что ее ждет в этой камере. Знал и следователь, который вел их дело, но ему надо было лишнее доказательство.

ГОЛОДОВКА

Вот после этого мы и объявили голодовку — требовали отделить нас от бытовиков. К тому времени мы уже знали, что выступать с любым требованием можно только каждому за себя, и нельзя писать заявлений, иначе будет сразу «групповое дело». Мы просто перестали есть то, что нам приносили. Тогда начальство этого все же боялось, ведь мы были еще только под следствием: нам продолжали приносить, нас уговаривали. Самыми трудными были два первые дня, потом легче. Бытовиков из камеры все же убрали.

Я шла сразу по двум делам: как жена Сашы по делу Махачева и лично за знакомство с бийской троцкистской группой еще в 1929 году. Ни в одной из групп я не состояла, да и понятия о них не имела. Однажды меня повезли на мою квартиру и сделали там обыск. Ничего, относящегося к делу Махачева, там быть не могло, но зато нашли письма из-за границы, мне адресованные, от моих двоюродных братьев. В одном письме было фото, где они, все четверо, вырядились в специально для этого случая сшитые казачьи формы. Мне было сказать, что это мои знакомые, а я сказала как есть, что двоюродные братья. И уж не важно было, что они выехали за границу, когда я была совсем маленькой, что они ничего о политике писать и не думали, а писали только о том, как им весело живется, и какие предметы они там изучают. Важно было, что их и мой дед (по матери) был когда-то давным-давно казачьим атаманом, ведь тогда все станицы Кубани — были курени, и все управление строилось там на манер Запорожской Сечи.

ПЫТКИ

В тюрьме пытали. Но не до смерти. Следователь отвечал, если его подследственный умирал или сам бросался в пролет лестницы. Знаешь, когда меня впервые привели в

следственную тюрьму в Махачкале, там в здании были лестницы как лестницы. А потом опять ведут меня, и я вижу: все изменилось — все пролеты в сетках. Некоторые, идя на допрос и зная уже, что их ждет, бросались и разбивались насмерть, а следователь за это отвечал. Я в пытки долго не верила, возмущалась, когда рассказывали. У нас была одна такая, по-моему, подсаженная. Она рассказывала, что следователь кричал на нее: «Говори, бля!» Я ей сказала тогда: «Почему мне такого не говорят? Ко мне следователь обращается всегда только на «Вы», всегда вежлив со мной, а Вы ведь и сами в разговоре допускаете грубые слова». В общем, после этого в камере стали думать, что не она, а я подсажена, тем более, что врач назначил мне лучшее питание — добавочный кусочек сахара. Потом уж я поняла — мне очень везло, попадались хорошие люди. Попался добрый следователь тогда, в самом начале. Правда, как я теперь понимаю, ему было очень нелегко со мной. Время от времени он говорил сам себе: «Чижолоый случай, ну, чижолоый же случай!» А иногда прямо тихо советовал: «Этого Вы можете не говорить». Потом и его посадили. В одной из пересельных тюрем мы с ним встретились. Мое дело вел не один следователь, его передавали то одному, то другому, но все-таки я могу сказать, что мне со следователями везло — звери не попадались. Зато потом, в больнице, я увидела и поняла многое. Медсестра Дора, которая давала нашим женщинам, когда им это нужно было, немного марли и ваты, оказывается должна была об этом доносить. Следователь вызывал женщину как раз в это время. Вызывали часто среди ночи и принуждали стоять в таком состоянии часами. Когда мне в камере женщины рассказывали, мне не верилось, что могут так издеваться над женщиной, не верила, пока не насмотрелась в тюремной больнице на худшее. Люди умирали от побоев, но не сразу, не во время допросов, да и пока не подписал сам на себя, тоже не допускали смерти. Можно бить, не оставляя внешних следов, но внутри все будет разбито. У такого человека кровь хлещет во все концы, и ему уже ни есть, ни сходить. От долгого стояния на допросах ноги у мужчин опухали, становились, как ватные тумбы. Однажды я увидела своего Сашу. Их вели в баню, и нам в щель забора были видны лишь ноги, даже часть их ног. У Сашы одна брючина была оборвана, и ноги были страшные, но все-таки я узнала его. В больнице при мне умирали мужчины молодые, красивые. Я попыталась одному сделать на ноги спиртовый компресс, как-то облегчить муки. Мне влетело. Потом, опять же много позже, поняла — врач не хотел повторения этой пытки снова и снова, он не лечил нарочно, избавлением могла быть только смерть. И она наступала. Помнишь, какой «диагноз» поставили твоему отцу? Там это часто писали — «Умер от гомаколита». Вот это и есть «колит».

Тот молодой человек, которому я пыталась помочь, был нарком культуры Дагестана. Он сумел еще написать и дать мне записку, умоляя передать ее жене и сыну. Он знал, что умрет. А я не могла даже этой его последней просьбы выполнить. Как я могла что-то передать на волю, если ко мне никто не приходил? Медсестра Дора была вольнонаемная. Отработав смену, она выходила за ворота и шла домой. У Доры был сын. Я попросила ее, я закланала ее сыном. Не знаю, передала ли она. Не знаю — все было очень страшно тогда...

Мертвый, отлучавшийся уже, этот человек был особенно прекрасен. Как изваяние бога. Ни до, ни после я не видела таких красивых людей.

«СТОЛБ»

Слышала, в камере говорили: «столб», «столб». Спрашивала — молчат, не объясняют, скажут только: «попадешь — узнаешь», — и все. Разный ведь народ был. Сидела, например, со мной в камере одна «бывшая». Старуха уже, подруга фрейлины Вырубовой, жена владельца золотых присков — Елизавета (АИ назвала и фамилию, но я ее тут же забыла — О. К.). Ей муж подарил на свадьбу прииск, он так и назывался «Елизаветинский руд-

ник». Помнишь, в краеведческом музее мы видели портрет — это ее муж. Рассказывала она нам, как жила, как шиковала. Противно было слушать. Да и сама она была, не знаю, какая раньше красotka, а тогда — страшно опустившаяся и гадкая.

И вдруг следователь на очередном допросе меня с ней сравнивает. Я не стерпела этого, схватила со стола чернильницу и замахнулась. Конечно, он успел перехватить руку, и я только костюм ему облила. На шум из соседней комнаты вбежала его сотрудница, ее звали Липа. А уж это точно была не женщина, а зверь. В ее обязанности, между прочим, входило нас обыскивать, и делала она это всегда омерзительно грубо, наслаждаясь беззащитностью, стыдом девушек, унижением. По-видимому, этот следователь ее не любил и боялся. Он сказал: «Иди, Липа, я сам разберусь». Выслал ее. Но раз она что-то видела и слышала, он не мог этого так оставить. Правда, я успела, пока Липа влетела, свои пальцы в чернилах в кулак сжать, но брызги чернил на нем, даже на лице, конечно, она видела, и теперь ему ничего не оставалось, как наказать меня. Он сказал тихо: «Видите, что вы наделали, ну что ж, пеняйте на себя», — и вызвал охрану. Повели меня не в камеру, откуда взяли на допрос, а куда-то в другое место.

Завели. Даже не завели, потому что двоим туда не зайти было — это был действительно «столб». Камера-столб. Вмещается только табуретка, и можно только сидеть. И когда закрыли дверь, то полная темнота. Мне показалось, что я там просидела много дней, на самом же деле только несколько часов...

Мы с Сашей очень хотели ребенка, но такая уж я невезучая. До этого был выкидыш во время приступа малярии, а теперь вот случился второй от этого проклятого столба, от нервного потрясения. Я как-то очень уж испугалась, сразу всему, о чем мне раньше говорили товарки, поверила. В общем, когда через несколько часов открыли дверь, чтоб поставить, вернее, дать в руки какую-то еду, я уже не сидела, а обвисла на табуретке, вся в крови. В тюремной больнице меня стали упрекать, что я скрыла от следователя беременность, ведь по закону на время беременности меня могли освободить. Это я знала и скрывала совершенно сознательно. Что бы дала эта отсрочка, кроме лишних мучений? Мама и сестры у меня умерли, кому я могла оставить такую крошку? Родители мужа жили в другом городе и были уже больными стариками.

В больнице я пробыла недолго, и уже на третий день опять вызвали на допрос. Но через несколько месяцев мне пришлось поваляться как следует, а потом и самой работать в тюремной больнице. Но это уже было не в Махачкале, а в Пятигорской тюрьме. Из Махачкалы в Пятигорск вез меня наш старый знакомый Володя Маслов. Он очень сочувствовал мне и Саше и нашел возможность сказать, что за мной нет никакой вины, и что он постарается хоть вести меня, как знакомую попутчицу, а не как арестантку, только очень просил ни с кем в дороге не разговаривать. Тогда, по молодости лет, для меня эта его милость имела огромное значение. Одетая я была во все свое, так мы и ехали, как он обещал.

ТЮРЕМНАЯ БОЛЬНИЦА

Снова в больницу попала так — все становилась на спинку койки и лезла к окошку. Руки, чтоб не упасть, клала на покатый подоконник. Видно, содрала кожу и не заметила. Потом была очень высокая температура. А нас ведь проверяли. Бывал и обход с врачом, а медсестра ежедневно заходила. На этот раз она сразу после врачебного обхода вернулась и увела меня в тюремную больницу.

Теперь я понимаю, что очень повезло с этим рожистым воспалением, ведь мне к тому времени уже дали пять лет северных лагерей. Пять лет — это совсем маленький срок, его давали, когда уж совсем ничего нет, совсем нечего пришить. У меня была статья 58 «а», через 12. Это групповая, а «12» значит — «знала, но не донесла». И вот этап за этапом, а врач меня не отпускает. Заметил, что разби-

раюсь в латыни, и поручал иногда писать рецепты, я стала помогать ему. Однажды я спросила, когда мне на этап. Сказал, не спеши, с твоей худобой, это верная гибель (он уже знал, что у меня в легких процесс). Так, благодаря этому врачу, я и попала «на курорт» — в открытый лагерь Казахстана, а не на Север.

КАРЛАГ*

Когда в Карлаг стали прибывать одна за другой большие партии «жен», то почти всех мужчин-бытовиков оттуда потеснили в глубь Голодной степи. В лагере теперь были одни женщины. Только подрывники в карьере были мужчины, но мы их не видели. И вот теперь и этот огромный карьер, и многоотраслевое сельское хозяйство, и работы по срочному расширению самого лагеря, и подготовка его к очень суровой в здешних местах зиме — все это легло на плечи прибывших в Карлаг женщин. Только старухи и очень уж больные и слабые были при медосмотре отобранны и оставлены в помещениях поварихами, судомойками, уборщицами и т. д. Остальные работали на так называемых «общих работах». Труднее всего было, наверно, на карьере. С карьера меня послали на стройку. Мы спешно строили бараки. Надо было ногами месить кизяк и глину, формировать саман, строить и обмазывать наши будущие жилища. Мы понимали, что бураны не будут ждать. Но дело это для многих было очень непривычное. Мне было легче — спасибо крестьянской выучке, я знала множество разных работ и в детстве строила с сестрой саманный сарайчик.

Потом, когда морозы уже ударили, нас послали всех рубить караганник — там другой топки не было, а он рос тогда вокруг, от него и название Караганда. Рубить его в мороз легче, чем летом, а горит он, как акация, даже зеленым — это смолистое растение. По виду он напоминает кусты желтой акации и весь в колочках. Вырубили мы караган поблизости, ходить к нему от бараков с каждым днем становилось все дальше. На каждую из нас была норма, и норма большая. Замерял кучки вохряк, который водил нас на работу. Нас, «жен», особенно не охраняли. Бывало, что на 15—20 женщин один охранник без собаки. Помогать нам он права не имел. Сидит, а мы рубим. Ружье рядом положит. Попадались и такие добрые ребята — видит, что какая из сил выбилась, а нормы все нет, сам же при замере штыком подпушит. Или раньше времени пошабашим иногда и возвращаемся тогда медленнее, песню затянем, он — ничего. Но как кто-то из начальства, или его же смена почувствует, что нам поблажка была хоть чуть-чуть, так уж, смотрим, и сняли того вохряка, и не посылают, а не дай бог спросить, почему, тогда и ему, и нам беда.

...На рассвете, когда солнце над степью только выглядывает, и заря алая, а снег голубой, караганник в инее стоит, как волшебное царство какое-то, замороженное. Красиво это безмерно, я даже стихи об этом тогда написала.

Ну, а когда бураны начались, и замело его снегом, послали меня на другую работу.

ЦЕХ БРУЦЕЛЛЕЗНЫХ КОРОВ

Задача была в том, чтобы от больных коров получить совершенно здоровый приплод. Работа здесь была не только тяжелой, но и опасной, очень опасной — люди заражались бруцеллезом и гибли в страшных мучениях. Это я видела, когда попала обмороженная в больницу. И все же в помещении работа, хоть и с коровами, да не на буране, а с питанием гораздо лучше — ветфельдшер был добрый человек, бывало, если молоко для телят почему-то непригодным становится, разрешал нам его допивать. Кроме того, и специальное поило для телят нам перепадало, его мы называли «какао». Меня пить его научил пасух. Един-

* Карлаг — Карагандинский лагерь.

ственный мужчина из зеков с нами работал. Глубокий старик, казах. Срок он получил за то, что однажды, когда пас овец, а мимо проходил голодный караван, он разрешил нарезать одну овцу. Очень был добрый старик. Учил меня, какими травами лечиться от туберкулеза.

Ветфельдшер следил, чтобы мы все дезинфицировали. Для этого употреблялась свежегашеная известь. Руки у нас от нее сильно трескались, болели — нет сил, а бруцеллез — это страшная зараза — чуть где маленькая ранка, и все. Он нас жалел, научил, как спасаться, руки от заражения постоянно смазывая касторкой (олеум рицини), он ее выписывал для коров, а мы мазали руки.

Была среди нас одна женщина, некогда занимавшаяся научной работой в животноводстве. Теперь она вместе с нами убирала навоз, дезинфицировала хлев, принимала и выкармливала телят. И вот, за несколько лет она вывела новую, очень ценную породу коров. Начальство получило большую премию за это. Потом женщину реабилитировали, а труд ее научный присвоили другие, не думаю, чтобы она хлопотала о восстановлении авторства, в войну особенно. Такие люди в войну не думали о своей пользе.

ЭНТУЗИАЗМ

Бытовички, пока к нам не привыкли, все поражаются: вот чертовы «врагиня-княгиня», куда их ни пошлют — ворахают, как проклятые. Землю — землю, камень — камень, навоз — так навоз, ничем их не проймут. В первый год, как мы там поселились, на полевых работах еще заправляли бытовички. Некоторые были трактористками, а у нас таких специальностей не было, ведь так, с ходу, машину не освоишь. Нас садили к ним на прицепы. Бытовички, конечно, нас матом, чуть что. А со мной на прицепе работать любили — мне и это было привычным: дома хорошо освоила.

Меня всегда старалась заполучить на свой прицеп рябая воровка Катька. С ней не поспоришь, но я ей поставила условие: буду ездить с тобой, если без мата. Она согласилась. «Вот, мать твою за ногу, — говорит, — а разве я когда ругаюсь?» Так мы с ней и работали, и выходило всегда больше, чем у других, пока я не попала под сенокосилку — повредила ногу.

Мы вообще все делали не за страх, а за совесть, в войну особенно. Удивлялись и вохряки, как мы хорошо работаем, но в тридцатые годы помалкивали. А вот когда состав их резко изменился — всех молодых послали на фронт, а на их место прислали стариков-ополченцев или солдат после ранения, так те прямо так и говорили нам: «Таких «врагов» да Советской власти побольше — горя бы не знали».

Климат Северного Казахстана резко континентальный. Не успели забрать с полей бороны, — начались метели. Ты когда-нибудь видела бороны? На больших таких колесах. Снегом засыплет, тогда конец, не найти их до весны, жалко же — поржавеют. И вот мы с Аськой стащили их все к дороге и на виду у начальства поставили — поди уберут теперь. Так и вышло. Ехал на своем газике начальник конторы Алимов, увидел. Потом был в конторе разговор, а я, конечно, не знала. Захожу в контору, а он вроде бы мне улыбнулся. Что ты, там разве можно было улыбнуться?! Ведь я ЗК, да еще политическая. Оказывается, он, зайдя в контору, заговорил, что вот, мол, молодец бригадир, собрал все бороны, не пропадут теперь. А наша начальница и говорит ему: «Да какой там бригадир, это ж вам наши девчата собрали, это Настя работа — у нее ж душа не терпит, если что пропадет».

БУРАН

В 42-м году, в марте, я работала экспедитором, должна была завозить на участки пищу, а оттуда забирать посуду. И вот надо мне ехать, но буран. Я уже знала, что буран,

как малярия, длится три, шесть или девять дней. Если не стих на четвертый, то пробушет шесть, и т. д. И вот уже шесть дней буран, носа никуда не покажешь, а на участке ведь люди остались без хлеба, без дров, без всего. Мне уже кажется, что стихает буря, а начальник уперся: никуда ты не поедешь, не сдохнут... Выкрала я хомуты, запрягла быков в зернотарку и поехала — никто и не знал. А буран не унимается, буран все сильнее, и скоро я поняла, что сбился с дороги, и еще поняла, а потом и увидела — волки. Со страху сразу вспомнила, чему учил пастух на бруцеллезной ферме: волки боятся железного лязгу, нег огня — стучи в железку. Вырвала я крышку из бидона, стала ею со всей силы по бидону колотить. И волки ушли. Волы стали. Теплые волы, живые, никого больше нет. Я вылезла из саней, подошла к ним, повисла на оглоблях между волов. Мне показалось — угрелась, засыпаю, хорошо стало, а я замерзала. Закричал петух в поселке. Это я еще слышала, а может, показалось. А волы бились, бились и как-то выпряглись и нашли дорогу домой, в стойло. Только через два часа спохватились, а где ж Настя? Быки стоят, а хозяйки и зернотарки нет. Появля, что замерзла я.

А меня объездчик спас. Наткнулся на сугроб (там быстро сугробы наметает), раскопал, на лошадь взвалил и привез как мертвую. Когда обмороженная попала в больницу, начальник наш Алимов и говорит заведующей больницей Мильде Иосифовне: «Вы мне ее поставьте на ноги, подлечите как следует». И все меня подкармливал. Пошлет чего-нибудь молочного, как будто заведующей, а она меня зазовет в кабинет и накормит.

ПОЖАР

К тому времени я уже отбыла свое и расконвоирована была. Пять лет моих — 37, 38, 39, 40 и 41. А потом война. И мы все расписались, что остаемся на своих местах. Еще на пять лет. Когда меня после обморожения выписали из больницы, то поставили работать в баню. Лучшее в лагере место считалось. Меня заведующая баней жалела после больницы — давала стирку не тех пар белья, что все в мазуте, а с кого почисте, с конторских. Вот тут-то у меня и случился пожар, а получилось, что я Алимова вроде и подвела.

Баню я топила караганником, других дров там нет вообще, еще сухой навоз на зиму собирают, вот и все. А караганник — это тебе не хворост, его не собирают, не ломают, его рубят. В колючках он всегда, а горит, как порох, как сухой ковыль — мгновенно. Топка от предбанника отдельно. Ее топи да топи, все время, непрерывно подбрасывай, а предбанник к очередной партии все равно подготовить успей. Все надо быстро, все по минутам рассчитано. Все, как на войне: быстро, быстро! Каждой партии зеков на все про все: раздеться, вымыться, переодеться в чистое — давалось лишь десять минут. Значит надо, чтобы все им было уже заранее приготовлено: каждому белье, шайка. Кусочек мыла клался поверх чистого белья.

В тот раз ждали мы партию «шизо» с карьера. Так называли у нас заключенных в штрафном изоляторе. Их обязательно всегда и везде водили с собаками. Это нас, «жен», часто водили без собак. И вот слышу, уже залаяли собаки. Не дай бог, не успеть все приготовить и убраться заранее. Как налетят, тебя одну в предбаннике застукуют, тут и наслушаешься про себя такого... Поэтому я помчалась все быстро разложить, уже приготовленное раньше, и убежать до их прихода. А дверь топки я просто прихлопнула и все, а надо было ее завинтить, ручка там завинчивалась. Когда через минуту выскочила из предбанника, загорелось все помещение топки, ведь там был караганник.

Что делать? Помочь некому. Нас пять баб: прачки, я и заведующая — все кинулись заливать. Ведрами, шайками носим воду. Связи с поселком никакой, даже колокола не было, не то что телефона. Прибывшие мужчины могли бы помочь и здорово, но им не положено. Стоят в стороне и смотрят, как мы мечаемся, обжигаемся, выбиваемся из сил,

мокрые, босые, толчем ногами горящие колючки. И охрана стоит, и сама помочь не может, и подковнойным разрешить не имеет права.

И, как назло, тут налетел начальник (не тот, что меня сюда определил после больницы, а другой). Ну, и конечно, на меня — я же виновата, я истопник. «Мать-перемать. контра проклятая, поджог сделала, в карцер ее немедленно». Заведующая пыталась как-то меня защитить, сказала, что я всегда добросовестно работала и что нельзя же заставлять истопника и в предбаннике работать, и белье стирать. Но куда там! Хорошо еще, что нам тогда удалось подводу с караганником во дворе отвезти подальше от пожара. Без лошади, конечно, руками отволокли подводу, как сил хватило, не знаю. В сущности, сгорела всего лишь деревянная топка, а сама баня с предбанником не пострадала — она кирпичная была. Сгорела только моя многострадальная старенькая дошка, в которой меня и забирали восемь лет назад. И еще сгорела книга «Воскресенье» Льва Толстого, она там у меня была припрятана.

Меня, всю мокрую, босую, ободранную да и обожженную кое-где, ведут в карцер, в одиночку штрафного изолятора. Сама я теперь — ШИЗО. Иду, по иглам иду — ноги полны заноз. Пока тушила, ничего не замечала, а теперь так почувствовала!

Посадили меня они и забыли. Крикнул начальник — «на две недели», а потом и совсем забыли.

ШТРАФНОЙ ИЗОЛЯТОР

Начальник ШИЗО был тоже зек из политических. Назначали иногда на такую работу, когда уже кончался срок, и человек себя хорошо зарекомендовал. Этого начальника все любили за остроумие, за веселый характер. Зашел он ко мне. Ничего, говорит, хоть отдохнешь малость. Принес книжку. Сижу, плачу. Потом стала читать. Дни идут. Один раз заметила — в окне что-то лежит, потянула к себе. В свертке оказался творог и масла маленький кусочек.

На другой день он зашел и сказал, чтоб успевала убирать, не подводила бы его и людей. Объяснил: они всегда в одно время кладут, когда возвращаются с маслозавода. Спросил: «Друзья? Ну успевай убирать, а то снаружи видно». Сам тоже мне принес как-то морс, не знаю уж, где раздобыл. Жалел меня очень, но спросить обо мне начальство боялся, а может и спрашивал, не знаю. Мне сказал: «Сидишь и сиди. Велели не лезть, не беспокоить, сами скажут, когда выпустить». А тот начальничек, видимо, просто забыл. И вот уже четвертая неделя пошла. А я к тому времени вообще свой срок давно отбыла. И многие так. Это потому мы здесь, что война, и все мы расписались до конца войны быть на своих местах, работать на оборону. Мы ведь знали — наше большое лагерное хозяйство очень помогало тогда фронту. Огромное было хозяйство в Карлаге. Поставляло хлеб, масло, мясо, шерсть, много всего.

Наконец, на мое счастье, какая-то инспекция. Заходят и ко мне.

— За что посажена?

— За пожар.

— Какой пожар?

А дело в том (я это после узнала), что вслед за моим пожаром был в степи большой поджог скирд, и о маленьком моем, в сравнении с этим, пожарчике в бане все уж забыли. Я объяснила, как все случилось. Сказали: выпустить немедленно. И отправили на новую работу.

ДОХОДЯГИ

О них я впервые узнала, когда в лагерной больнице лежала. У нас была нянька, тетя Паша, из бытовничек, любила она поорать на нашего брата, на больных. Как-то я даже спросила Мильду Иосифовну, почему она ей не сделает замечание. А та только улыбнулась грустно: «А толку что? Ведь ей тоже какая-то разрядка нужна. У нее только и радости, что поорать, вы уж не обращайтесь на

это внимания, пожалуйста. Ворочает она грязь с утра до ночи, и ведь сами видите — добросовестно». Пожалуй, что и так...

Но в то утро она что-то уж больно дико орала, и похоже было, что все на кого-то одного. Орала она, как резаная, словами, гаже которых и не услышишь нигде. Я не выдержала и вышла взглянуть. И вот вижу — он не то что идет, он тихо течет по стенке. И лицо у него виноватое-виноватое, а улыбка такая жалкая, ну такая жалкая, а сам — глаза и кости. Сказать бы, что как только что с креста снятый, так он не с креста, он одной рукой еще штаны держит, а другой — за стенку. У доходяг-пеллагриков, когда их только что к нам прислали, координация совсем нарушилась: штаны спустит, а натянуть уже никак не может. Или так: жевать еще жует, а проглотить не может, и наоборот, не может жевать — сразу глотает. И конечно же, как только их поставили на нашу папку, у всех начался сильный понос. Потом уж, когда умирать стали, как мухи, начальники поняли, что нельзя же так сразу. Дали им ОП (особый паек), пока не привыкли к нашим харчам. Доходягам первое время все казалось, что у нас тут рай, говорили нам: «Вы тут на курорте, девчата». Они были из самых северных закрытых лагерей, там ничего не росло даже. Они там овшей годами не видели, а мы работали на морковке, а кто и на бахче порой. И так они были там доведены, что сперва и не походили на людей. Увидев впервые наш «рай», на четвереньки становились и грызли с земли всякую зелень, любую. Страшно было на это смотреть. И разве можно ж так сразу, на отвыкший от еды желудок? Вот им и дали тогда этот ОП, чтоб не все перемерли, их очень много погибло еще в пути к нам. А ведь их слали не из целевеколюбия, разумеется, хотя и это тоже иногда было. К нам, «женам», их прислали как механизаторов сельского хозяйства, когда это хозяйство сильно разрослось и имело уже большое значение для фронта. До этого хозяйство обходилось почти без мужчин, но надо ж было теперь его как-то механизировать, срочно надо было нас обучить управлять тракторами, сеялками, другой техникой, а таких людей не хватало — все на фронте. Вот и прислали тех, кто когда-то был специалистом в сельском хозяйстве.

БАРЖИ В БЕЛОМ МОРЕ

Однажды, уже в конце войны, забегало, засуетилось все лагерное начальство. Такого переполоха в Карлаге еще никогда не было, сразу чувствовалось, что ожидается комиссия какая-то чрезвычайная. Всех и все заставили скрести, мыть, дезинфицировать, чинить и подкрашивать. И чтоб не единой вши, ничего такого. Тогда мы, конечно, не могли знать, что делалось это не только у нас, а по всем лагерям, и причина была одна. Много лет спустя я узнала — тот давний переполох в лагере Караганда был связан с баржами на Белом море. Людей, которые не имели «вышки», надо было убрать. Их сажали на старые развалины-баржи, якобы для того, чтобы в море нагрязить судна. Так было уже не раз, и они уже знали, что не вернуться на землю. Баржи тонули в бурю, а людей этих, зекон, списывали, как погибших в результате стихийного бедствия.

Навигация оканчивалась. Метеосводка предвещала бурю. Группа ученых с баржи грузила английское судно. Они понимали, что ждет их гибель, и решили как-то сообщить о себе миру. Они знали английский, были когда-то в переписке с английскими учеными, имена некоторых были хорошо известны в научных кругах. У матросов английского корабля они попросили бумаги и написали кровью свои имена и ученые звания. Листы эти спрятали между бревен, а матросам показали, где спрятано, и сказали, кому передать. Вернувшись в свой порт, матросы нашли эти листы, снесли ученым Англии, как наши просили, и рассказали, что сами видели. В СССР была послана специальная английская комиссия, с обвинением, что у нас лагерь,

«Врагиня-княгиня»

«Врагиня-княгиня»

как у Гитлера. Была поздняя осень 43-го года, в войне уже наступил перелом, но в иностранной помощи мы очень нуждались. Поэтому проверку разрешили. Так мы и почувствовали на себе эту проверку. Однако акт о гибели ученых от стихии был официально оформлен, а когда проверили сведения о погоде в тот день, все сошлось — была буря. Официально придаться было не к чему.

ОДЕЖДА

Забирали нас где попало и в чем попало. Меня же взяли с работы — пригласили якобы на свидание с мужем и... на десять лет. Когда меня потом повели на квартиру, чтобы обыск там сделать, то велели взять что надо из одежды и постель — белье, одеяло, простыни, подушку. Все это в тюрьме бытовки сразу же забрали себе. Некоторым везло больше. Были такие наборы в этапы, куда попадали только политические, тогда все, что разрешалось с собой брать, при тебе и оставалось навсегда. Некоторые «жены», которые работали со мной и в карьере, и в коровнике, и на других тяжелых и грязных работах, имели еще и домашнюю, иногда очень дорогую и красивую одежду. Ее, разумеется, берегли, на работу никогда ничего не надевали из своих вещей.

В свое одевались по праздникам и в выходные дни потом, когда они у нас, уже у вольнонаемных, бывали изредка, ведь шла война... Казенное же непременно выдавалось каждой и менялось после бани. Были склады белья. Мужское белье и женское. Мужское белье от женского немного отличалось. Нам, например, в отличие от мужчин, выдавались сорочки с плечиками-лямочками. Конечно, никаких бюстгалтеров мы в то время не носили. Их просто не выдавали.

Нас, в основном, снабжали армейскими обносками, и мужскими, и женскими. Очень мучала обувь. Каждому выдавали «ЧТЗ», по килограмму на ногу. Это не сапоги, не ботинки, а «ЧТЗ», и все. Челябинский тракторный завод их делал из отходов. Наверное, из тех же покрышек, что на грузовики шли. Вперемежку слой резины и слой провололочной сетки. Надо сказать, что никакая другая обувь не смогла бы выдержать работу в карьере. А чтоб не так терло ноги, мы напихивали в «ЧТЗ» солому, тряпок у нас не было. Солома тоже мало помогала. Везде, где можно было и когда можно было, мы работали босые. Ноги приспособляются, подошвы делаются, как копыта, и тогда легко. Потом уже, после боев на озере Хасан, некоторые женщинам очень повезло с обувью. Им достались японские ботиночки, у японцев же ножки маленькие, и это было так кстати. Да и не только ботинки, все обмундирование с убитых японцев развезли по лагерям: шинели, брюки, гимнастерки. Конечно, все в крови, с дырками от пуль. Выстирали, заштопали и раздали. А на зиму у нас еще были бушлаты.

Первое, что мы сделали, когда стали вольнонаемными, — попытались одеться, как женщины, нормально. Тогда и на воле было очень трудно достать лифчик. У кого была возможность, просили родственников «из России» прислать, а кто сам себе шил.

Стригла всех нас наша же товарка, бывшая когда-то мужским мастером. Говорила: «Вот жалко, девочки, что у вас бороды не растут». Коротко стригла, удобно.

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

Радио нам не полагалось, газет тоже, ни в коем случае. Война началась, а мы ничего не знаем. Как началась, как идет, какое положение на фронте — все узнавали только по поведению начальства, по слухам да по перемещению нас, зеков, в глубь страны. Когда был немцами взят Темрюк, всех из тюрем спешно этапировали дальше. Новоприбывшие всегда что-то сообщали нам, хотя и с опаской.

А что касается искусства, так хоть никаких музыкальных инструментов мы там не слушали и не видели, а художественная самостоятельность у нас все же была. На Новый год, на Май и на Октябрьские мы, разобрав по дощочкам, выносили из барakov нары, и начинались танцы и песни. Боже ж мой, как хорошо пели! На всех языках — от казахского до итальянского. Ведь были среди нас и настоящие оперные певцы, и просто с музыкальным образованием много женщин было. Все ведь культурные люди: жены начстава, видных инженеров и ученых. Была певица из Мариники — красивая, ухоженная женщина. По здоровью ее направили на общие работы, а делать она ничего не умела, не приходилось ей раньше. Так мы часто работали за нее, лишь бы пела нам потом, да и так просто берегли почему-то.

На концерты, разумеется, приходило все лагерное начальство. Мы в праздничные дни одевались в свое, у кого что оставалось из домашнего, да и делились между собой. Были, конечно, среди нас и такие красавицы, которым вообще любой наряд шел, не уродовал, но большинство только в такие вечера и расцветало. Помню одну еврейку. Жалкая она всегда была там в карьере — в бушлате, в огромных «ЧТЗ» на ногах, а тут как пошла танцевать! Оказалось — красавица. Начальнички и приметили, многие ведь там были без жён. Они имели право вызывать на допрос в любое время суток. И вот, в три часа ночи ее вызывают. И, знаешь, она не поддавалась соблазну. Она их ненавидела, кобели. Предлагали ей самую легкую работу, то, се. Не поддавалась... Послали опять на самую тяжелую — в карьер.

А еще была у нас грузинка. Та — в любой одежде королева. Все: ватник, стеганые брюки, бушлат, все на ней прекрасным казалось. Пела она грустные грузинские песни. Ну, заслушаешься! И все на свете забудешь, что вокруг, и все прежнее вспомнишь. Пела прекрасно, божественно, а уже очень плохо слышала, и с каждым днем все хуже — так на ней отразилась наша беда, слух она потеряла. Потом выяснилось — чисто нервное заболевание. Следователь же думал, что симулирует, когда на допросах она только руками разводила и на уши свои показывала. Муж у нее был русский, инженер, строил КВЖД. Она очень любила мужа, а его расстреляли, обвинив во вредительстве, а они оба там с таким энтузиазмом работали. Она рассказывала, что на той стройке дороги было не на много легче, чем в лагере, в карьере, но помогала вера, идея. И вот она оглохла после такого потрясения. Потом, после карьера, мы с ней же работали на ферме. Пела она так, что я, бывало, плачу навзрыд всякий раз. А она спрашивает: «Чего ты плачешь, Настя? Я ж не плачу, когда ты свои поешь?» — «Ага, — говорю, — тебе-то хорошо, я свой пою, так ты ж ни черта не слышишь, а я твой слышу, вот и реву». Понимала она меня по губам, а слов моих украинских песен, конечно, не могла понять, как, впрочем, и я ее грузинских.

Редко-редко выпадали минутки, когда можно было себе позволить запеть песню, и пел тогда каждый свое, народное, горькое, каждый на своем языке.

Мы и стихи писали. У меня еще сохранились где-то стихи о караганнике. Знаешь, вудет нас рано-рано рубить его по морозу. Заря над сопками только встает: алая заря, голубой снег и совершенно какой-то волшебный в инее стоит караганник вдали. Опять все забудешь и все вспомнишь. Писали стихи, писали прозу, все крадучись, тихо друг другу передавали, старались сберечь, сохранить. Сколько раз все при шмонах отбиралось, но помнили назусть и снова записывали. У многих тогда еще была хорошая память, вспоминали прочитанное раньше, пересказывали другим. А уж если книга заведется, берегли, как святыню.

Среди присланных к нам доходяг-пеллагриков оказался настоящий художник. Заставляли их расписывать клуб, да и просто писать картины для начальничков. Потом, наверное, озолотились те, кто имел его картины.

ПРАВА

У нас были какие-то права, но мы их не всегда знали. а чаще всего боялись на них настаивать. Мы уже работали вольнонаемными, а денег за труд все же не получали. Дадут, бывало, только по пять рублей к Ноябрьским, да к Первому мая, а сколько заработали и не знали никогда. Однажды за нас, вольнонаемных, заступился комсомолец из вольных. Вихрастый мальчишка, секретарь комсомольской ячейки. Заступился и настоял на своем. Нам тогда все выдали, что положено.

Я в Казахстане прожила двадцать лет: пять — срок, еще пять — все мы расписались «до особого» да десять лет без права выезда. После реабилитации некоторые получили заработанные деньги, отобранные при аресте облигации. Я ничего не потребовала и ничего не получила. Ни денег, ни облигаций (а их было много у нас с Сашей), ни часов, ни писем, ни документов, ни фотографий — ничего. Я и не знала, что все это можно было потребовать. Получилось так, что у меня нет даже документов об образовании. Взять из Краснодарского пединститута копию нельзя — все архивы погибли в оккупацию. Все, что после нашего ареста осталось в квартире, забрали к себе в Темрюк родители мужа. Но при бомбежке на месте их дома образовалась большая воронка — прямое попадание. Ни они сами, ни их вещи не сохранились, и даже единственная записка от моего мужа тогда погибла вместе с его матерью.

Когда нам давали документы о реабилитации, то предупреждали, что их надо очень беречь...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Во многом знаниц много печали».

Прошло 15 лет с тех пор, как я услышала и записала эти рассказы. Тогда я не думала о публикации, не уточняла, не расспрашивала, слушала, сострадав, примеривая к себе, вспоминая погибших родственников.

Одинокая эта женщина несколько лет назад умерла. Не знаю, как отнеслась бы она, прочитав с ее же слов записанное, возможно, что-то велела бы убрать, а что-то дополнила или исправила. Я решилась на публикацию, ибо эти горькие знания очень нужны людям, и, передавая мне их, АИ надеялась, что правда не засыплется холодным снегом времени, не зарастет, не источится ржавчиной людского равнодушия, еще поработает, как те бороны, что она спала в казахстанской степи, поработали для людей в войну.

Исследования честных ученых, свидетельства переживших, рассказы, стихи, дневники, письма — сколько потребует всего, чтобы сложилась верная картина? Бесконечно много. Свою ленту я вношу с чужих слов, поэтому меняю многие имена — пусть не будет обид. Не мести и злобы взыскует любое время. Время учит. Да, во многом знаниц много печали. Но народ не должен говорить о себе. «Я маленькая девочка, танцую и пою. Я Сталина не видела, но я его люблю». Такое отношение к истории и недостоинно, и опасно.

Июль 1973 — январь 1988 гг.
г. Свердловск

Михаил СЕКРЕТ,
действительный член
Географического общества СССР

ЛЕГЕНДАРНАЯ СТАНИЦА

В станице, а затем крепости Нагайбакской с давних времен селились разноязычные народы. В свое время, здесь дружно жили персы и афганцы, каракалпаки и узбеки, хивинцы и даже аравитяне. В основном, это были беглые от среднеазиатских ханов люди, нашедшие убежище на русской границе, среди русского народа.

Известный путешественник Николай Рычков писал в 1769 году: «Здесь, принимая закон христианский и находясь в кругу постоянных русских владений, выходцы из азиатских стран занимались хлебопашеством и животноводством, добровольно причислились к казакам».

В 1736 году станица превращена в крепость. Дважды она подвергалась опустошительным пожарам и возрождалась из пепла. Известно, что нагайбаки добровольно влились в пугачевский отряд атамана Торнова и в составе войска Салавата Юлаева сражались против правительственных войск. В 1773 году, объединившись с соседними селениями, они разгромили целое войско царских карателей. Об этом стало известно самому Пугачеву, и он прислал повстанцам награду-орден, образец которого можно ныне видеть в Оренбургском краеведческом музее.

Во всеоружии встретила Нагайбакская войну 1812 года. Губернатор Волконский разослал нарочных по губернии и приказал готовиться к отражению возможного нашествия врага. Заранее готовились строевые кони, амуниция, станичные и кантонные начальники искали средства на оборону, доносили губернатору о состоянии своих сотен. Молодежь, достигшую 18 лет, срочно производили в служилые казаки, а старых казаков выводили в отставку.

Однажды ударил над крепостью колокол. Люди спешили на церковную площадь. Здесь их встречал атаман Серебряков, который пользовался у населения особым почетом. Он сообщил казакам, что начинается большая война с французами, и долг каждого идти спасать Россию. Кто не способен сидеть в седле, должен работать в тылу.

Казаки молчали, раздумывая. Потом послышался чей-то голос:

— Мы готовы защищать Отчизну. Но мы — немущие...

— После схода немущие должны идти к правлению,— приказал атаман.

Пришли человек двадцать отставных казаков и 33 малолетка. По своей бедности они не могли вооружиться. Писарь переписал всех поименно, а атаман молча решал нелегкую задачу. Наконец, он принял решение, которое вошло в историю Оренбургского казачьего войска:

— Буду вас сам вооружать!

Наутро Серебряков послал есаула Исаева в Уфу покупать ружья, копыя, шашки на атаманские деньги.

Исаев шашки и сабли купил, а ружей не нашел. Помчался в Уфу сам Серебряков. Он продал свой дом богатому казаку, а сам вместе с немалой семьей переселился в дом отца. Вырученные от продажи дома деньги атаман забрал с собой. В Уфе он нашел перекупщика оружия. Загрузив подводу, Серебряков приехал в станицу. В этот же день он отправил на войну сразу трех своих сыновей.

Архивный документ свидетельствует: «20 августа атаман Серебряков доносил в войсковую канцелярию, что он всех казаков станицы, могущих действовать оружием, уже полностью «приготовил». Он поставил под ружье и посадил в седло 194 казака. 41 отставного и 97 казачьих малолетков, которых экипировал и вооружил самым лучшим образом...»

Московская обл.

ИЗ ПОНИМАНИЯ

1889—1989 гг. Длина черточки между этими двумя датами — возраст удмуртской литературы. 100 лет. Ровно сто лет назад уроженцем удмуртского села Полом, священнослужителем и просветителем удмуртского народа Григорием Егоровичем Верещагиним было опубликовано первое удмуртское стихотворение «Чагыр, чагыр дыдыке...» («Сизый, сизый голубок...»), ставшее народной песней.

Естественно, что публикация названного стихотворения — это условная веха начала литературы, ибо литература до ее первых письменных вылесков может изустно созревать в самой народной душе, и границу ее возникновения обозначить, по существу, невозможно. Но в то же время, определение завета удмуртской литературы именно этим произведением глубоко символично.

...Мать поет колыбельную, называя своего сына голубком. А голубь — это испокон веку символ дома, домашнего очага, символ мира и братства. И разве не отрадно, что эти понятия — пусть косвенно — прозвучали у самого истока удмуртской литературы.

...Мать поет колыбельную, благословляя свое дитя на трудную мужскую работу, когда оно вырастет (срубить в лесу елку — для плотницкой ли работы или для обогрева избы). И, наверно, песню эту можно назвать колыбельной для самой удмуртской литературы и всех ее славных детей, сделавших все, чтобы родному народу, как родной семье, стало теплее в своей избе.

Они выросли, ее дети: Кедр Митрей и Максим Прокопьев, Григорий Медведев и Филипп Кедров, Михаил Коновалов и Даниил Майоров, Кузубай Герд и Ашальчи Оки, Аркадий Клабуков и Михаил Лямин... Они широко расправили плечи: Степан Ширококов, Геннадий Красильников, Флоо Васильев, и Роман Вагшин, и Даниил Яшин... Они живут и делают доброе дело: Трофим Архипов, Николай Байтеряков, Семен Самсонов, Генрих Перовщиков, Татьяна Чернова, Владимир Романов, Герман Ходырев...

Кто-то назван, чьи-то имен-фамилий нет в строчке. Но не подумайте, что они забыты. Просто не перечислить всех певцов у такого поющего народа, каков удмуртский народ. Они различны по яркости дарования, но лучи их вливаются в общий свет народной души; у них разные по силе, проникновенности и манере голоса, но голоса эти согласно звучат в общей песне, начавшейся с той — колыбельной.

Звучит песня «Чагыр, чагыр дыдыке...» — и все новые дети, подрастая под материнский напев родимой земли, едут в бор бытия — рубить по себе дерево, и отправляются в поле жизни — пахать свою полосу, и трогают звонкие струны кресца, чтобы песня порадовала близких и далеких друзей...

Жизнь вечна.

Сегодня журнал впервые представляет своим читателям трех удмуртских поэтов, чьи имена уже давно и хорошо известны на берегах Камы, Чепцы и Вали.

Олег ПОСКРЕБЫШЕВ

Гай САБИТОВ

ЛЕТНИЙ ЭТЮД

В тихом сне ли мне приснилось
Или все так было.

Только то, что не забылось,
Память сохранила.

Шла по лугу без дорожки,
Как рекой без броду.

Села на берег,

А ножки
Опустила в воду.

Речка моет их беспечно.

Солнце пышет зноем.

Жаль, что не был я той речкой —
Быстрой той водою...

ЗИМА НАСТУПИЛА

Как лето,

Осень выдалась теплая:

Так радостно поляна зеленела,

А речка — все по-летнему светла,

Смеялась, и журчала, и звенела.

И не хотелось думать о зиме,

Хоть и пора... И осень так

прекрасна,

Что век бы ей носить без перемен

Свои позолоченные убранства.

Но как-то утром выпал снег везде.

В садах и рощах — белизна

сплошная! —

И навсегда ушел вчерашний день,

Зиме и снегу место уступая.

И лишь одна сосна все не спала,

И, цепкий сон переменяя с вьюю,

Приняв снега на ветви,

Берегла

Последний островочек разнотравья.

СПАСИБО

— Пожил, и хватит!.. — время

говорит,

И торопливый день за днем несется.

И все ж досада сердце не саднит:

Все, что я сделал, — людям остается.

Скажу спасибо радостному дню —

За каждый шаг земной
неповторимый,

Мгновенью счастья, что в душе
храню,
И женщине, единственной любимой!

Спасибо солнцу, небу — их родству,
Теплу земли и солнечному свету!
Спасибо сердцу, что еще живу —
И чуть добрее делаю планету.

Спасибо, жизнь, — еще сказать
посмею, —
За все, что я увижу и успею!

ПРЕДЗИМЬЕ

Напрасно,
Ощувив испуг,
Я вздрогнул: «Вот — пора...» —
Растаял снег внезапных вьюг,
Взметнувшихся вчера.

Я зелень луга видеть рад
И чашу родника,
Как побеждает пережат
Ершистая река...

Так утешаюсь не спеша
Уже который год.
Да только чувствует душа:
Ждет стужа
У ворот...

Перевод Владимира Парамонова

Василий ВАНЮШЕВ

ИЗ ПОНИМАНИЯ ДОБРА

На золотых полях с утра
Хлеба высокие кошу,
Из понимания добра
В своей работе исхожу.

Страда — горячая пора,
И пусть мне нынче повезет:
Из понимания добра
Поставлю на зиму зарод.

Спадает летняя жара,
И шум стихает на току.
Из понимания добра
Смелю на мельнице муку.

ДОБРА

Когда подуют сивера,
Я на повесть заброшу цеп.
Из понимания добра
Я испеку насыщенный хлеб.

Беседа — мудрая сестра
Хороших в мире новостей.
Из понимания добра
Я приглашу к себе гостей.

А чтобы наши вечера
Бесследно не прошли в тиши —
Из понимания добра
Найдется песня для души.

Перевод Владимира Бояринова

Садовник стар,
Угрюм и нелюдим,
На первый взгляд, не очень-то
приветлив,

Но яблони, посаженные им,
Подъемлют к свету тоненькие ветви.
Он говорит:

— Мне яблочек не видать.
Пускай не мне,
Кому-то будет в радость
Их спелая литая красота
И сочная живительная сладость.
А рядом с деревцами — огоньки,
Как утренние солнечные блики.

То разбрелись из дедовской руки
По саду
Ярко-красные гвоздики.

— А эти, — говорит он, —
Для меня.

Пускай горят,
Пускай, как могут, греют,
Не только здесь, но и за гранью

Живым теплом в небытие повеют.

Перевод Петра Кошеля

Я шел, собираясь прочистить

родник,
Чтоб всякий к нему благодарно
приник.

Был путь к роднику через речку
непрост —
Там хлопал подгнившими досками
мост.

И я подновил его дряхлый настил,
Чтоб всякий без страха мостом
проходил.

Родник все зовет, все торопит —
беги!..

Да кто-то калину сломал у реки,
И цвет белоснежный привядший
опал...

Но я ее ствол по пути подвязал.
Спешу к роднику...
Только вижу вокруг
Дела, что моих дожидаются рук.
Когда я пришел к роднику,

то вдали
Уж солнце скрывалось
за краем земли.

— Родник, не гневись,
припоздился чуть-чуть,
Недальний, но хлопотный выдался
путь.

Перевод Бориса Романова

Петр ПОЗДЕЕВ

РЯБИНА

На пятаке полянки у дороги,
Заснеженная вся, стоит в тревоге;
Стоит, дрожа, в заботе и в печали
И, как дитя, гроздь красную качает.
Колышет гроздь рябина, как

младенца,
И некуда ей от бурана деться.
А он, богатый, деньги сыплет звонко,
Все предлагая ей купить ребенка.

— Нет, — говорит она, —
и не надейся,
Чтоб мать за деньги бросила
младенца.

А он, торгуясь яростно и сипло,
Уж скоро с гору серебра насыплет.

Издали,
С лесных полян,
Кукушка
Глухо одинокая кукует.

Красная —
С зеленою макушкой —
По-над Камою сосна тоскует.
Выпало сосне с ветвями вровень,
Даже вровень с головою горя,
Позабыть ли, что горячей кровью
Политы ее тугие корни!
И свинцом,
И хлесткою шрапнелью

Ветры ей литое тело рвали.
Думы эту память не измелют,
В песнях испоешь ее едва ли!
Под тоску далекую кукушью
Вздохи веток —
Словно плач невольный.
А внизу — на грудь земли —
Все глуше
Падают ничком по-вдови волны.

Мила ли удмуртам Чепца?
А поймы над Камою-рекою?
Спросите о том у скворца:
Он вновь прилетел к нам весною.

Он славит с отчизной родство
На крыше родимой скворешни.
И радость в напевах его
Похожа на паводок вешний.

Не рвался б он в наши места,
Забыл бы их звуки и краски;
Птенцов выводить бы не стал
Под небом чепецким и камским.

РОДНИК У ЛЕСА

Он про синеву небес
Пел сереброусто.
Вырубили черный лес —
Встали травы густо.

Но повадилось на них
Стадо для потравы.
Измесился в грязь родник,
Порыжели травы.

Луг цветущей красоты
Больше не поднимет,
Стало русло, как пустырь,
Потеряло имя.

Солнце,
Коршуном кружа,
Жар свой раскатило.
На песке — коростой ржа,
В столбняке — скотина.

Жилье без света за крестами рам
Страшит меня молчанием суровым.
Все кажется:
Оттуда бустырган*
Метнется на меня с звериным ревом.

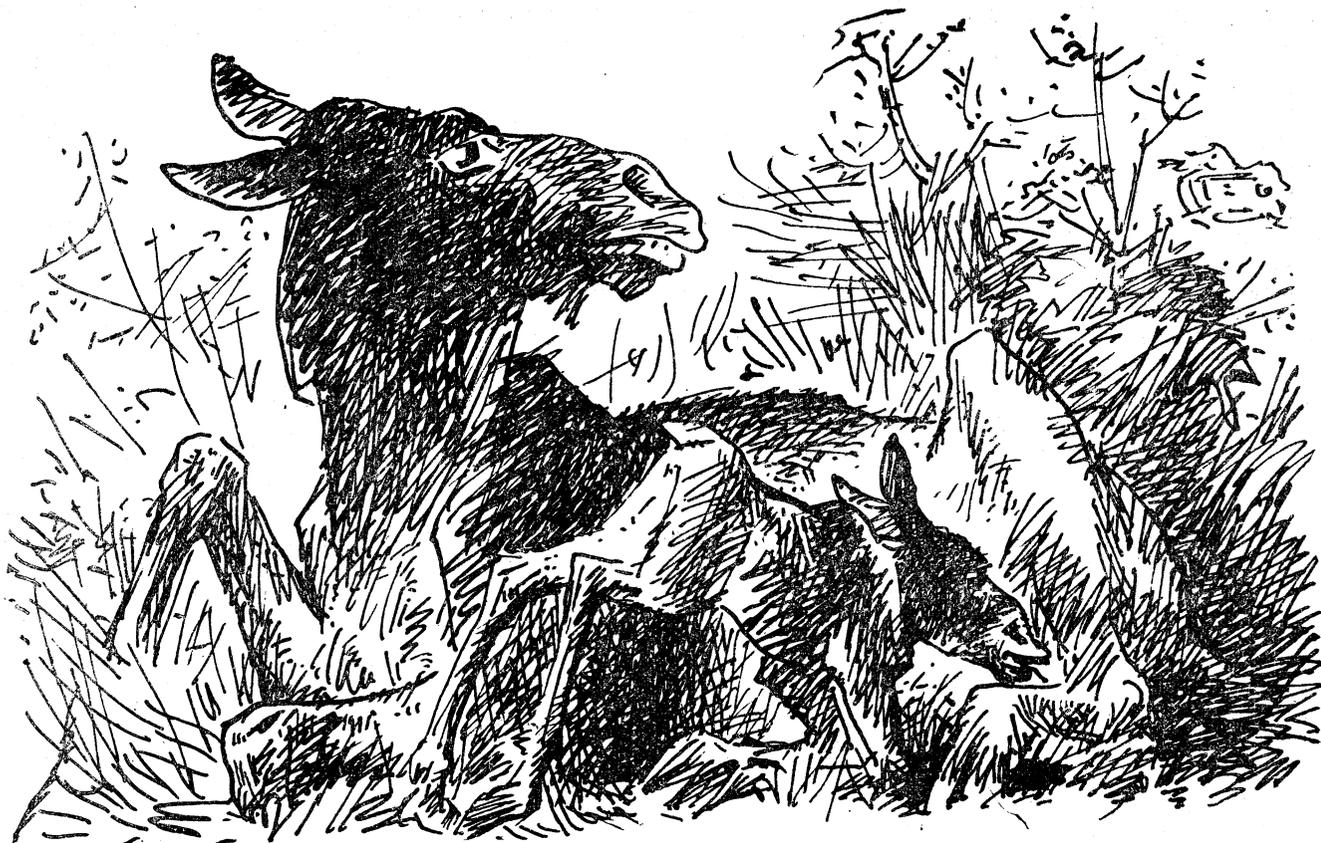
И человека без лучей в глазах
Встречаю я всегда со страхом
странным.

Томит меня тревога:
Вдруг в зрачках
Невольно разгляжу я бустыргана.

Перевод Олега Поскребышева

* Бустырган — страшилище, злое мифическое существо.

Зишка

Владислав АКИМОВ

Рис. Николая Мооса

УТРОМ НА СУХОЙ РЕЧКЕ

В погожее апрельское утро солнышко выглянуло из-за взьерошенного ельником северного увала на две минуты раньше вчерашнего. Выглянуло, привычно лизнуло взявшийся нежной зеленцой ольховник, плеснуло оранжевой теплотой на стволы сосен и скатилось на празднично убранную подснежниками луговину. Было отчего спешить светилу. Не очень-то щедра уральская весна, а забот у него и в самом деле невпроворот. Скольких еще возродить, скольких укрепить, вырастить, в жизнь направить. И на все — солнышка в обрез, еле хватает.

По соседству с луговиной, в зарослях пихтача, затаилась маленькая полянка с торчащими на ней обломышами прошлогодних пиканов. Солнце успело и туда заглянуть. Под его проворными лучами бурая шерсть, что дыбилась на горбатой спине лосихи, заблестела, словно подернулась лаком. Лосиха лежала на полянке у корневища большой березы. Тяжелая голова ее сонно клонилась к земле, взгляд карих глаз был туманен, спокоен. И то ли от первого тепла взо-

шедшего солнца, то ли от материнского счастья веки смежались. Подвижными были только уши лосихи. Неся бесменную вахту, они то вздрагивали, то медленно поворачивались в сторону лесных звуков.

В ногах лосихи неугомонно ерзала нескладная угловатая новорожденная лосюшка. Силясь удержаться ускользящий сосок, лосюшка упрямо тыкалась в материнский живот носом, топталась на немощных, согнутых уголками коленцах и норовила вздыбиться, но еще слабые ноги подламывались, и она валилась на бок, под брюхо матери. Однако беспомощность не приводила ее в отчаяние. Всему свой срок. Скоро, совсем скоро она все равно бы совладала со своей немощью, и все бы пошло как положено в лосиной семье.

Но вот голова лосихи вскинулась, уши насторожились, а расслабленное покоем тело налилось силой. И лосюшка перестала буянить, замерла, подломив под себя нескладные ноги. Горбоносая голова ее слегка покачивалась. Для слабенькой, неокрепшей шейки она была непосильно тяжелой.

С покосов, что сбегали к речке с лесного увала, ясно слышались людские голоса. Веселье и звонкие, они звучали все ближе и вот уже выкатились на соседнюю луговину. Вскочив на ноги, лосиха внимательно смотрела на приближающихся людей. Ее охватил страх. Отбежав от кромки поляны, она нерешительно потопталась на месте, потом кинулась к лежащей в жухлой траве беспомощной дочери и так ковырнула ее мордой, что та чуть было не перевернулась на спину. Однако, подчиняясь велению матери, лосюшка засуетилась. Попыталась вскочить, но ноги вихлялись,

и она падала и падала. Наконец, все-таки поднялась. Пытаясь найти устойчивое положение, она сильно раскачивалась и часто переступала копытцами, но все же стояла. Мать нервничала. Она еще раз подтолкнула лосюшку мордой и, видимо, желая увлечь ее за собой, медленно двинулась к лесу. Но в это время голоса непрощенных гостей прозвучали совсем рядом, и лосиха не выдержала. Разом ускорив шаги, она скрылась в густых зарослях пихтача.

В отчаянной попытке последовать за матерью, маленькая лосюшка суматошно затопталась на месте, сунулась вперед, но ноги разбегались в стороны, подломились, и она, обессилев, повалилась на землю.

Гололобый мальчишка, опрометью выскочивший на полянку, замер и несколько мгновений, не шелохнувшись, растерянно взирал на лежащее перед ним странное существо. Но вот, придя в себя, парень лихо закинул кепку на голову, повернулся и заорал что есть мочи:

— Ре-бя-ята! Айда скорее сюда!

Кучей выскочила на поляну малышня. Стоя полукругом перед находкой, мальчишки и девчонки от внезапно охватившей их растерянности не могли проронить ни единого слова. Смотрели на живое чудо.

А парнишка уже освоился, пояснил:

— Лосенок это. Вишь, от матери отбилась. Не бойтесь!

Он смело прикоснулся к ее угловатой спине ладонью. Ребята, как по команде, галдя и отталкивая друг друга, сейчас же окружили находку.

— Ой, парни, какой он хорошенький!

— Да это телочка, наверное. Ей холодно, глядите, как дрожит,— перебивая друг друга, галдели ребята.— Пропадет одна.

— Лешка! Давай возьмем ее в школу.

— Она же ходить еще не умеет.

— А мы понесем. Носилки сделаем...

Так вот — пожалели лосюшку, а не подумали, что уносят ее из родного дома. От самых Семеновых покосов до деревни Бродовки моталась она, раскачиваясь из стороны в сторону, на самодельных носилках. Перед ее широко раскрытыми глазами, то опускаясь, то высоко вздымаясь к чистому голубому небу, словно кланяясь ей и прощаясь, все шагал и шагал навстречу пестроголовый лесной вершинник. Несмотря на поздний утренний час, в лесу все еще раздавались птичьи голоса. Но тонули они в неумолчном ребячьем гомоне. Среди громких возгласов настойчивее других слов раздавалось звонкое имя: «Зинка, Зинка!».

И уж, конечно, не горластой ватаге и даже не ее смышленому предводителю не пришла тогда в голову мысль: куда подевалась Зинкина мать?

А лосиха шла за ребятами. Шла сбивчиво, нервно. Не приближаясь слишком к шумной процессии, она то в нерешительности топталась на месте, укрывшись зарослями пихтача, то, высоко вскинув голову, неожиданно смело бросалась следом, чтобы тут же с размахистой рыси сбиться на шаг и в новом приливе неумного страха замереть на месте.

Необоримый, лютый страх перед человеком был сильнее всего на свете.

СРЕДИ ЛЮДЕЙ

У речки Бродовки что ни место — везде брод. Бежит она по галечнику широко, размахисто, в сто струй и нигде себе поуброднее места не вымыла. Только в конце деревенки чуть поглубже, потому

что сбежалась она здесь в одну бойкую шиверу. Шумит между двумя взлобками, лопочет, сердится от того, что ей тесно стало. А все равно мелко. Здесь даже дорожке, что вывернулась из деревенской улицы и скатилась к речушке, и той никакого места не надо. Перемахнула вброд, прорезала клином бугор и прямо мимо Федоровой усадьбы укатила в лес. Словом, ни пешему, ни конному эта речушка не помеха, потому люди и назвали ее Бродовкой. А вслед за речушкой, очевидно, и деревне такое же название присвоили.

Федорова усадьба хоть и стоит за речкой, но отшибе, а тоже относится к бродовскому колхозу. Ну, а то, что оторвалась она от деревенских улочек, от большого хлопотного хозяйства, так это только по причине склонностей Федора к делам и занятиям, требующим тишины и уединения. Ничего не поделаешь. Большой пасеке без образцовой чистоты, без надлежащего порядка и покоя обойтись невозможно. Да и для егерской службы, возложенной на Федора, такая уединенность только на пользу. Что толку, если каждый егерский помысел, каждый лесной поход будет известен людям? Разве так в лесу сбережешь порядок, браконьеру дорогу заступишь?

Хозяйство у Федора немаленькое, а усадьба аккуратная и большой не кажется. На переднем плане изба с голубыми резными наличниками, тремя окнами смотрит на бегущую от Бродовки дорожку. По левую от нее сторону, на зеленой полянке, выстроились крашенные домики пчелиного городка, а на задах у них, прижавшись к лесу, высятся мшанник. По правую сторону от избы — крытый тесом дворик с завозней да огород, ушедший грядками к лесу. И все. А вокруг всего этого из елового сухостойного карандашника ершится ладный заборчик.

Много хлопотных дел у Федора. Особенно в погожую весеннюю пору. Что в лесу, что на пасеке — одинаково. Знай успевай поворачиваться. А тут еще одна неожиданная забота навалилась. Прибежала из бродовской школы учительница и прямо с порога вздохнула:

— Беда у нас, Федор Андренч, лосюшка погибает. Три дня назад ее ребятишки из леса притащили. От матери она отбилась. Решили спасти, выкормить, а она пищи не принимает. Что делать, не знаем. Жалко ее очень. Совсем плохая стала. А ребята ее уже и Зинкой называли! — Выложила все разом, стоит, на Федора с надеждой глядит, моргает.

«Ну, что же, история ясной некуда.— Федор молчит, думает.— А ты-то куда глядела, милая. Сама, видно, как дитё неразумное. Эх, учителька ты учителька!»

Снял белый халат, учительнице табурет пододвинул.

— Да вы садитесь, не волнуйтесь... Три дня назад, говорите, как ваши спасатели из леса зверюшкото выкрали? Выкрали, выкрали, чего уж там! Ну ладно, три дня, Нина Ивановна, срок большой. Теперь нам лосиху не сыскать, да она и сама уже, наверное, свое дите не ищет. Одним словом, в лес везти — только мучить. В город — тоже без пользы. Значит, надо пробовать самим выходить. Пойдемте, поглядим на вашу пленницу...

Не прошло и двух часов, как на Бродовке под колесами подводы хрустко проскрежетали гальки, и вслед за этим, легко одолев взлобок, колхозный Серко подкатил телегу к усадьбе. Не слезая с повозки, Федор позвал подмогу:

— Мария, Нюрка. А ну, айдате сюда!

Во дворе забренчали ведра, в калитке появилась жена Федора. Подойдя к телеге и заглянув в повозку, она всплеснула руками.

— Да ты что же это, обалдел, что ли? На что ты этого овра приволок? Ведь в ъм и жизни-то никакой нету!

— На то и приволок, чтобы вовсе не околела. Может, и подыдем лосюшку.

Целый день под навесом у баньки сутились и хлопотали жильцы усадьбы. Глядя на лосюшку, на ее худенькое тельце со слипшейся от пролитого молока шерстью, на безвольно раскинутые по сени длинные ноги, невозможно было даже подумать, что в этой немощи могла теплиться еще какая-то жизнь. И только одни глаза — ясные, широко раскрытые — неотрывно смотрели на окружающих.

Мария совсем уже было потеряла надежду, когда вдруг очередная выдавленная из соски струйка молока неожиданно вызвала действие. Большая и дряблая губа лосюшки вдруг дрогнула, широкие ноздри ее мелко и жадно затрепетали.

Первая опорожненная лосюшкой бутылочка молока хлопотавшим над ней людям принесла радостное оживление. Отрадную перемену в настроении хозяев сейчас же отметила и вся прочая живность усадьбы. Разом повеселевший кобель Рыско, включившись в общие хлопоты, мотался по двору, заглядывая в лица хозяев. Из завозни в ответ на веселые возгласы коротко и зычно отозвалась Буренка, а черныи, как ворон, петух, ни с того ни с сего взлетев в огороде на прясло, захлопал крыльями и вопреки строгому куриному распорядку разразился истошным криком.

Следя за тем, как жадно вычмокивает лосюшка очередную бутылочку, Федор забеспокоился:

— Повремени-ка, Мария. Кабы не переусердствовать. Часика два подождать надо, а потом снова покормим.

Поздним вечером все федоровское семейство расположилось под окнами дома на завалинке. В стороне от людей, с высоко поднятой головой, солидно шурясь на догорающую за Бродовкой теплую зорьку, лежал Рыско. Держась независимо от хозяйской компании, он все же чутко прислушивался к словам Федора, отчего острые уши его постоянно сторожились и легонько вздрагивали.

— Как только на ноги ее поставим, — говорил Федор, — так поеду в охотинспекцию. Скажу, мол, выхода другого не было, как у себя оставить. Что приручать к себе и неволить зверя не станем. Дадим ей доступ к лесу, а там гуляй когда и куда хочет. Ну, расскажу, конечно, что школьникам нахлобучку дал. Думаю, с этим все обойдется...

Над усадьбой догонять затухающую зарю, нежно прохоркав, протянул вальдшнеп. Проводив его взглядом до оранжевой полоски заката, Федор добавил:

— От бани к лесу загон для Зинки изладим...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Годами установившийся, обжитой распорядок явно понравился Зинке. Она как-то разом стала своей, усадебной, такой, как тот же Рыско.

Бежали чередой весенние деньки. По утрам вместе со всюю живностью усадьбы Зинка радовалась пробуждению хозяев. Стоя на середине двора, она

чутко прислушивалась к тому, что делалось там, в завозне. «Ш-ш-шш, ш-ш-шш, ш-ш-шш» — сочно и звонко переговаривались с подойником струйки машинного молочка.

А когда на пороге завозни с ведерком в руке появилась Мария, Зинка, костьюля на все еще неловких ходульках, спешила навстречу. Но привлекал ее внимание совсем не подойник со сладким духом парного молока, а фартук кормилицы, в кармане которого хранилась чудесная бутылка с соской. И лосюшка своей горбоносой мордочкой нетерпеливо толкала хозяйку в живот.

— Да подь ты к чомору. Столкнешь ведь с ног-то. Обожди малость, — притворно ворчала хозяйка.

Насытившись, Зинка играла. Она неуклюже подсакивала, кидаясь из стороны в сторону, высоко подкидывая колени передних ног, бежала в огород, к лесу. Там всегда можно было рассчитывать на встречи с чудом.

К Зинке часто из лесу вылетали две хлопотливые ронжи. Усевшись на прясло, они, не переставая ерзать на месте, беспокойно топорщили франтоватые крылышки, вертели головками и о чем-то громко спорили. Их, очевидно, беспокоило появление в усадьбе диковинной длинноногой гостьи. Зинка, не понимая, чем обеспокоены забавные птицы, подолгу в упор глядела на их фокусы, только когда эта канитель ей основательно надоедала, громко фыркала и отправлялась вдоль прясла на встречу с каким-нибудь новым чудом. Вообще ее интересовали и работы пчелы, и любознательные трясогузки. Но особое внимание проявляла Зинка к тому, что творилось за пряслами огорода. А там ежедневно, в одно и то же время пробитой по лесу тропой шумливой ватагой спешили в луга бродовские коровенки.

Широко расставив передние ноги и наострив большущие уши, Зинка вытягивала навстречу буренкам голову и что есть силы вбирала в себя ноздрями долетавшие с тропы запахи. Если бы не высокое прясло, Зинка, наверное, давно бы уже попыталась познакомиться поближе с этой рогатой компанией. Кстати, за пряслами, кроме бродовских коровенок, были и другие, привлекавшие внимание Зинки чудеса. Хотя бы тот же одевшийся глянцевои молодой листовой осинник. Да мало ли что там было, в запретном мире. Однако, еще далеко не все было изведено Зинкой и на своей, зинкиной земле, что была отгорожена от недоступного мира жердями. По всему, например, загону, по невспаханной целине усадьбы всходили цветастые травы, их яркая зелень очень нравилась Зинке. Но травы были еще так малы, а ноги лосюшки так длинные и неловки, что Зинка никак не могла дотянуться до них и узнать — отчего они так привлекательны. На помощь пришел верный наставник — инстинкт. Оказывается, стоило только подломить под себя копытца, упасть на колени, и она разом познала сладость весенней травки. Все оказалось просто.

Зинка окрепла, и Федор за теперешнее ее состояние больше не волновался. А вот как ее вернуть туда, в свободную жизнь, как она встретится с дикой природой, как к ней приживется и, наконец, как быть с взаимной привязанностью, которая неумолимо крепла между лосюшкой и жителями усадьбы? Вот это не на шутку беспокоило Федора.

— Вы вот что. Больно-то ее не балуйте. Ни к чему к рукам приваживать. У нее своя вольная жизнь

вперед. И нечего с ней сюсюкаться! — ворчал на своих домашних Федор.

Женщины не перечили, однако в соленых сухариках лосюшке не отказывали. Федор это замечал, а сердился, пожалуй, совсем на другое, на то, что и самого его иной раз потягивало на ласку. «Вот еще чертушко-то на мою голову навязалось! А похитители-то ни разу не навестили. Вот уж — ветер в голове: поиграли да бросили»...

Словно от нависшего над усадьбой июльского тепла, Зинка с утроенной быстротой стала наливать соками, входить в звериную силу. Давно уж были убраны жерди, отделявшие усадьбу от вольного мира, и Зинка, увязываясь за бродовскими коровенками, целыми днями моталась за стадом. Только, в отличие от своих рогатых товарок, она предпочитала бродить не по лугам, а по окаймляющим их кустарникам, где и лакомила свежей порослью. Первое время коровенки поглядывали на свою незваную спутницу не то с опаской, не то с удивлением: что, мол, это за диковина? Прекратив жвачку, они тревожно стригли ушами и тупо взирали на Зинку. Потом, видимо, свыклись и как-то разом перестали обращать на нее внимание. Зинку эти перемены ничуть не трогали. Ее вполне устраивала компания рогатого общества, но так — на расстоянии, не вместе и не порознь. Вечерами, побрякивая привязанным к шее колокольчиком, Зинка перешагивала через две оставленные в воротах забора жерди и прямо направлялась ко двору за соленым сухариком.

Только недолго на Бродовой гостило знойное лето. Скоро над усадьбой потянулись лохмотья сизых, напоенных влагой облаков. Слившись в единый непроницаемый полог, они надежно запрятали голубое небо и принялись осыпать землю ненастным бусом.

Не в меру затянувшееся ненастье как-то разом сменилось студеной ведрыной погодой. Ударили крутые, обеленные инеем утренники, и навалился спорый преждевременный листопад.

Продуваемый ветрами, зябко оголившийся лес покорно ждал прихода катившей с океана зимы. И она не заставила себя ждать. Стайки колючего снега набросала по межам огородов, по лесным ложбинкам и яминам, а когда успокоился ветер, засыпала снежком пеньки, прясло, а скоро и всю еще не укрытую черную землю. Да так старательно гладко засыпала, что от первозданной белизны больно слепило глаза.

Однако крутые погодные перемены не застали Зинку врасплох. На ее округлившемся, сильно подавшемся в рост теле телячья шерсть на спине и на лопатках чуть побурела, а главное, вся она взялась надежным, теплым подшерстком, отчего ни холод, ни ветер лосюшку не беспокоили. Она по-прежнему каждый день уходила в свои лесосеки покормиться. Там же отлеживалась на дневке, не спеша пережевывала жвачку, а на обратном пути забредала в окрайки непростывшего болота, где любила полакомиться болотными травами. Несмотря на то, что бродовские коровенки давно уже перестали посещать летнее пастбище, лосюшка все еще жила по их летнему расписанию и, как положено, на закате солнца, побрякивая звонким колокольчиком, спешила к хозяйскому крову. Там, за банькой, в своей кормушке она всегда находила что-нибудь очень приятное: то брюкву, то капустные листья, то морковку с ботвой, а иной раз и соленые сухарики, которые, видимо, ей нрави-

лись больше любого другого лакомства. Аппетит у Зинки был отменный.

В часы вечернего досуга Зинка устраивалась на лежку под навесом баньки, прислушивалась к тому, что происходит во дворе хозяйского дома. Когда откуда слышались женские голоса, шарканье шагов или позванивание посуды, Зинка переставала жевать и вострила уши. Она ждала. Но напрасно. Женщины почему-то не появлялись. Зато обязательно приходил Рыско. Запрет на дружбу на него не распространялся.

Кобель, приветливо поматывая хвостом, направлялся к лосюшке. Остановившись перед ее лежкой и не переставая накручивать хвостом приветствия, Рыско принимался.

Зинка, в свою очередь, вытянув навстречу кобелю шею, посапывая и вздрагивая большущей губой, втягивала в себя знакомый собачий дух. Немой разговор продолжался не долго, но, вероятно, всегда был взаимоприятным.

«Надо же, как прижилась зверюшка, — поглядывая со стороны на Зинку, дивился Федор, — прямо как на лосеферме и только. Видно, пока с сородичами не повстречается, усадьбу не бросит. А где ей встретиться, коли далеко от дома не ходит? Теперь разве уж летом... а зимовать не иначе как здесь придется. Да и побережь лосюшку нужно. Неровен час — волчишки пожалуют. В общем, подбросила мне хлопот горбоносая!»

Зима выдалась снежная. Много не погуляешь. Свою проторенную тропу Зинка, правда, не бросила и лесосеку не забывала, но большую часть времени проводила теперь в усадьбе. О лесных прогулках Зинки своевременно были оповещены все бродовские жители и, в первую очередь, конечно, охотники, среди которых на примете у Федора были и неблагонадежные. Предосторожность не мешала, потому и позванивала Зинка в свой колокольчик аж до самой весенней ростепели. А там, один бес знает как, ухитрился Федор с помощью своего знакомого ветеринара вместо снятого с шеи звонкого колокольчика засадить в зинкино ухо белую капроновую тряпицу. Стала теперь гулять лосюшка помеченной. «Эта штука и лосей не отпугнет, и для людей хоть на первое время приметой останется», — рассуждал Федор.

Все продолжительнее становились летние походы лосюшки. Да уж какой там лосюшки! Настоящей лосихи. Ничего, пожалуй, в ней к лету телячьего и не осталось. Статная, высокопередая, по-взрослому одетая в коричнево-бурую шерстину, с сильными — в белесых чулках — ногами. Ну, разве, немного поменьше да поизящнее взрослой. А так по всем статьям лосиха, что называется, настоящая.

Но как-то летом не вернулась Зинка домой. Не пришла она и на второй день, и на десятый. Всполошились женщины на усадьбе. Федор ходил сумрачный. Хоть и рассчитывал он на лучшее, тревога не оставляла. Побывал в лесосеках, а следов свежих не обнаружил, однако, и признаков какого-либо лесного разбоя тоже не встретил.

Прошло время. И вот уже по-осеннему на землю легла ранняя сырая пороша. В то утро, чуть свет, вышел Федор на мшанник, взглянул за прясло, а там следы. Подбежал. Смотрит: топталась у самого прясла лосиха, а там, поодаль, в лесу следы покрупнее, да не одни, а зверей трех, не меньше. «Эх беда-то какая. Ворота закрыты, жердями забраны».

Бросился домой Федор, закричал:
— Эй, бабы, Зинка домой приходила!

На том, наверное, и успокоился бы Федор, если бы не один случай...

ПЕТЛЯ

Егерские заботы — от них никуда не денешься. Третий день в походах Федор. Благо ходить легко — октябрьский снежок еще не велик, по щиколотку, а воздух чист и легкий. На дальних Пальниках определил стоянку: бык, две коровы да годовик-бычок кормятся. У Осинового болота три зверя жируют да тройка у Смородинового ключа в лесосеках.

Решил Федор заодно проверить места и поближе к дому, для чего нынче и направился на Сухую речку к Семеновым покосам. Но шел туда уже не по заданию охотничьего коллектива. С этими славными кормовыми угодами у него теперь были связаны свои сокровенные думы. Как ни вспомнит о Зинке, так обязательно рисуются ему Семеновские покосы да бодотинки с ольховником и осинником, что протянулись вдоль речки Сухонки. Вполне могла в эти благодатные места утнаться лосюшка. Третья зима для нее пошла. Поди-ка уж и дружкой обзавелась.

Глухой птичий гомон Федор уловил еще с вершины увала, что положим склоном спускался к речке Сухонке. Выяснить причину всякого птичьего беспокойства было непрременным правилом егеря, и Федор заторопился. Он уже ясно различил выкрики двух или трех ворон да непрерывное стрекотание сорок. Голоса доносились откуда-то снизу, с Сухонки.

Зинку Федор увидел и узнал сразу, хотя она, казалось бы, ничем и не походила сейчас на ту прошлогоднюю бродовскую лосюшку. Стояла она близко, на противоположном берегу Сухонки в редком осиннике, отчего от стройных белесых ног до могуче взгорбленной бурой хребтины и круто повернутой в сторону Федора головы была все на виду. Уши ее были спокойны и выражали скорее интерес и удивление, нежели страх и тревогу.

Внимательно рассматривая лосиху, Федор приметил на ее правом ухе продольную лысинку. Ведь именно там и была у Зинки капроновая повязка. Федор тонко и тихо свистнул, как раньше, когда подзывал к себе лосюшку. Уши у лосихи дрогнули, голова вскинулась выше, с еще большим вниманием она воззрилась на Федора.

Однако, что же привело суда Зинку? Надеюсь разгадать причину птичьего переполоха, Федор пылливо оглядывался по сторонам. Откуда-то снизу, из густого ольховника, послышался не то приглушенный храп, не то тихий сдавленный стон.

Там, на противоположном берегу речушки, в ольховнике, возвышался навороченный весенним паводком большой залом из павших деревьев и разного лесного хлама. И вот за ним снова кто-то тяжело и сдавленно простонал. Федор сделал несколько осторожных шагов в сторону и, ошеломленный увиденным, замер на месте. Понять происшедшее егерю было не трудно.

Настороженная на звериной тропе петля сработала безотказно. Попавший в нее и обессиленный бесполезной борьбой зверь доживал, видимо, свои последние часы. Борьба за жизнь, буйствовать, рвать с корнем деревья, вспахивать и крушить копытами

мерзлую землю у него не было больше сил. Все это уже испытано и, как видно, не одним сегодняшним днем. Свидетелями того были изуродованные около него кусты, деревья, земля.

Большое, с крутыми могучими формами тело сохатого в какой-то нелепой позе привалилось к лесному залому. Передние ноги зверя, словно из последних сил, упирались в разбитую копытами землю, а голова, схваченная за рога стальной проволокой, безвольно тянулась вверх, туда, откуда начиналась цепко захлестнутая за узловатый ствол матерой ольхи стальная петля. Участь сохатого была безнадежна.

Федору уже приходилось однажды вызывать лося из петли, и он хорошо знал, что в подобном случае следует делать. Однако медлил. Ведь тогда он был не один. Тогда ему помогали товарищи, и были у них инструменты. Федор перевел взгляд на Зинку. Лосиха по-прежнему стояла на том же месте и так же в упор смотрела на Федора. Ему даже показалось, что она ждала от него помощи.

— Ладно, попробуем, — решительно произнес Федор.

Отставив ружье в сторону, он вытащил из рюкзака топорик и поспешил к завалу. Пересечь или развязать затянувшуюся на дереве и на рогах стальную проволоку нечего было и думать. Оставалось только рубить ольху. Сначала выше петли, чтобы скинуть вершину, а потом у самой петли лосихи. Если это удастся, зверь будет свободен, а то, что на рогах останется проволока, — невелика беда. Все равно скоро придет время, и бык сам сбросит рога.

Подбираясь по завалу к стволу старой ольхи, Федор все время следил за поведением зверя. Завидев рядом с собой человека, лось попытался вскочить, но только судорожно проскреб копытами землю, дернулся всем телом и снова, грузный и обессиленный, сник, натянув упрямую петлю.

Свалить вершину ольхи в сторону Федору удалось сравнительно быстро. Рубить дерево ниже петли оказалось значительно труднее. Узловатая сырая ольха упрямылась и легкому топорю уступать не хотела. Федор сбросил мешавший ватник. Ему все казалось, что время зверя неумолимо подходит к концу, и нужно спешить.

Федор иногда бросал короткий взгляд на Зинку. Теперь она стояла от него совсем близко, и он не переставал дивиться тому, что вот так рядом с ним, в глухом лесу стоит и не убегает, а смотрит без страха и отчуждения — не то дикая, не то своя.

Упрямая ольха, наконец, сдалась. Схваченный тросом и влекомый тяжестью зверя обрубок дерева с треском сломился и полетел вниз. Отяжелевшая голова сохатого, рухнув, уткнулась в землю, но тут же вскинулась, и почувавшее свободу животное, собрав истраченные вконец силы, забилось в отчаянных попытках вскочить на ноги. Спотыкаясь и падая на колени, в горячем порыве лось все же поднялся. Пошатываясь, он даже сделал несколько шагов в сторону от завала, но тут же, подломив под себя ноги, тяжело опустился на землю.

Прихватив ватник и виток оставленной у дерева браконьером проволоки, Федор полез с завала.

Спешить не хотелось. Выбравшись на свой берег, Федор сбросил снег с валежины и, с удовольствием присев на нее, огляделся по сторонам. На душе было легко и вольготно.

Вечерело. С бледно-зеленого, казалось, совсем

чистого, безоблачного неба, невесть откуда взявшись, слетали на лес неторопливые, легкие, словно белые мотыльки, снежинки. К ночи должно было подморозить.

Федор не заметил, когда угомонились птицы. Ясно было одно: разбойничий праздник у них разстроился. Зинка все еще стояла на том же — до черной земли истоптанном — месте. Однако на Федора больше не смотрела. Ее внимание было обращено к завалу, туда, где лежал бык. Она иногда коротко переступала ногами, заметно нервничала. И Федору подумалось, что торчать здесь, на Сухой речке, ему больше нечего.

Поздним вечером в избе за ужином Федор вел разговор с приехавшим к нему председателем охотничьего коллектива.

— Ты уж меня, Александр Кузьмич, извини. Но только на этот раз от охоты уволь. Я тебе рассказал, где нынче зверь держится, вот и действуй. Только смотри, без машин, без тракторов, по-охотничьи. А у меня забота другая. Сегодня из петли быка вызволил, браконьера найти надо.

Федор, конечно, не думал, что так вот просто и безошибочно возьмет и распутает моток браконьерской проволоки, подобранной им на Сухонке.

Когда он зашел во двор к бродовскому охотнику Карпычу, слывшему меж односельчан мужичком скользким, улик против него у Федора, конечно, никаких не было. Ну что могли стоять одни подозрения? Ко всему этому он толком и не знал — с чего начинать разговор с Карпычем.

Не знал. Но всего только до той минуты, пока не заметил во дворе хозяина висевшую на стене проволоку. Ту самую!

А дальше все произошло быстро и неожиданно даже для самого Федора.

Толкнув ногой под себя табурет, Федор сел и уставился на стоящего перед ним хозяина колючим взглядом. Заметив смущение Карпыча, он протянул ему моток проволоки, прихваченной с Сухонки, и уже без малейшего колебания сухо сказал:

— На, возьми свою удавку. В хозяйстве пригодится. И запомни. Чтобы бычок, которого я вчера из твоей петли вызволил, был последним! Понял? Теперь так. Завтра вместе пойдем в лес снимать остальные твои петли. Учти, у меня, кроме этой проволоочки, еще и похлеще улики имеются. Еще раз засеку — сядешь! Запомни!

Все это прозвучало так убежденно и доказательно, что растерявшийся вконец Карпыч и слова не вымолвил.

Приняв его молчаливое согласие, Федор встал и так же сухо добавил:

— Скажи спасибо, что так обошлось. Утром зайду! Бывай! — И, не дождавшись ответа, направился со двора...

Других примечательных событий у Федора за зиму, пожалуй, и не случилось. О Зинке часто вспоминать особых причин не было. Все теперь знали — жива лосюшка. Ну и слава богу. Пусть здравствует.

ВОЛКИ

Осень выдалась на редкость морозная и бесснежная. На поблекшие от стужи озими смотреть было

жалко. Все думалось: «Неужели не отойдут?» А схваченные ледком лужи, словно стылые неживые глаза, повсюду глядели в бездонную и тоже казавшуюся промерзшей насквозь пустоту сизого неба. Пришел ранний стылый черед и на водоемы покрупнее. Уже в октябре на малую и большую воду пожаловал устойчивый перволедок.

Суровая пора.

Невесело было в тот ранний сумеречный вечер и в избе Федора.

Случайно опередив женский беспроволочный телефон, весть из Бродовки принес сам хозяин. Ему одному из первых и довелось повстречать свидетеля печального лесного происшествия.

Встреча с охотником, принимавшим участие в спасении лосей, к сожалению, была короткой, времени на разговор с Федором у него было мало: спешил в свою деревню — Беляевку. Охотник успел только рассказать, что днем у колхозной пасеки за его деревней Беляевкой три лося переходили по льду реку. Молоденькой лосихе удалось благополучно достичь противоположного берега, а бык с коровой, провалившись, долго барахтались на глубине почти у самого того лесного берега. Подоспевшим на помощь беляевским мужикам удалось накинуть на рог быку веревку и подтянуть к берегу. На суше сохатый с трудом поднялся на ноги и утянулся в лес за молодой лосихой. А корову спасти не смогли. Она ушла под лед на глазах у спасателей.

Почему пошли лоси по ненадежному льду — установить не удалось, но охотник предполагал, что виноваты в том, очевидно, волки. Вот и вся печальная лесная история.

Тихо было в избе у Федора. Только все еще тонко и нудно насвистывал свою вечернюю песню старый туляк-самоварчик.

Молчали все трое. Думали о Зинке.

Наконец, затянувшееся молчание прервал Федор: — Ну, что вы, бабы, носы повесили? Мало ли что еще с Зинкой в лесной жизни могло случиться. Ведь вольная она.

— Сам-то из Бродовки неплохо веселый приотпал. Молчал бы уж лучше! — взявшись за чашку и не глядя на Федора, проворчала Мария.

— Пап, а может, это и не Зинка вовсе? — негромко спросила Нюра.

— Может быть, — неуверенно ответил Федор.

Трудной оказалась эта зима. Давно такого нашествия серых разбойников не было в лесной округе. Ну, что же, все правильно. Ослабили борьбу с волками, вот и возмездие. Не раз говаривал Федор городскому охотничьему начальству: «На лосей-то вы все, как один, падкие, а как с волками воевать — так тут вас нету».

Много дней не сходил с лыж Федор. Двух серых закапканил. Да что это — капля в море. К тому же у волков — сто дорог, у Федора — одна. Сегодня волки здесь лося положили, а через неделю и километров за двадцать другого прирезали. Угонишься разве! А тут еще и мартовские насты пожаловали, лосям беда, а волкам раздолье. Федор лыжи в сарай упрятал. Теперь до конца апреля с волками не повоюешь, а там придется искать их логова.

Целыми днями столярничал теперь во дворе Федор, а дел словно и не убывало. В пчелином да и в

домашнем хозяйстве их вечно невпроворот. Наломается за день так, что для сна короткой весенней ночи не стало хватать. Хоть утром прихватывай.

Так и в ту яснозвездную ночь крепко разоспался хозяин. Не сразу и почуял, что его будят.

— Федь, а Федь! Проснись скорее да послушай, что во дворе делается. Рыско ошалел совсем. Похоже, к огороду рвется. Есть там; наверное, кто-то... Да ты так-то не ходи, ружье возьми... Ох ты, господи, да что же это такое! Кого там ночью-то носит?! — не умолкала Мария.

Одеваясь, Федор прислушивался к надсадному, злому лаю собаки.

Уже в полушубке и валенках Федор метнулся к стене, снял ружье, патронташ, засветил фонарик и поспешил в сени.

При хозяине Рыско с удвоенной яростью ринулся в воротную щель и уже в огороде залился истошным, срывающимся на вопль лаем. «Орет по-зрячему!» — вкладывая в ружье патроны с картечью, отметил Федор.

За воротами было светло, как днем. Висевшая над усадьбой луна старалась на совесть. Сунув в карман ненужный больше фонарик, Федор распахнул ворота и шагнул на залитую ослепительным лунным светом снежную целину огорода. У дальних прясел мелькнули три черные тени. Федор вскинул ружье и выстрелил. Волки один за другим, легко перемахнув через изгородь, мгновенно исчезли в лесных потемках.

Вокруг воцарилась тишина. Рыско больше не лаял. Навострив уши, он внимательно смотрел в сторону бани. Федор повернулся и сразу увидел стоявшего в тени сохатого.

Огромный зверь плотно прижался к стене. Его горбатый загривок упирался в крышу, а угрожающе опущенная навстречу врагам комолая голова все еще оставалась в каком-то упрямом оцепенении.

Воинственный вид застывшего в оборонительной позе животного на фоне такой по-домашнему простенькой мирной баньки казался невероятным, фантастическим видением. В это время голова сохатого медленно поднялась в сторону Федора и снова замерла. Охваченный волнением, Федор смотрел и смотрел на лесного гостя. «Да ведь это же она! Конечно, она!»

Загнанная по насту волками, лосиха только что пережила ужас погони, но вот здесь, у родного порога, нашла себе защиту. А теперь стояла и с доверием смотрела на человека. А может, это только так показалось Федору? Может быть. Сейчас ему не хотелось чем-нибудь обеспокоить, поколебать доверие зверя, и он тихо позвал за собой Рыско, осторожно зашел во двор.

С крыльца избы Мария с тревогой спросила мужа:

— Ну, что там, Федя?

— Тихо! Зинка там. Волки ее загнали. Днем, когда успокоится, проведем.

— Господи, твоя воля! Зинка! — только и выдохнула Мария.

В косых лучах мартовского восходящего солнца Зинка показалась необыкновенно красивой. Чернубурая шерсть, покрывающая ее спину, на солнце отливала коричневым глянецом. Все ее короткое и казавшееся необыкновенно мощным тело основательно опиралось на стройные, словно точеные из светлого

дерева, сильные ноги. Гордая горбоносая голова лосихи с изящно посаженными ушами, с круто опущенной тяжелой губой и с висящей на шее серьгой искусно завершала ни с чем не сравнимую красоту дикого зверя.

Но все это показалось только на первый взгляд, издали. Перед подошедшими близко к ней жильцами усадьбы Зинка предстала совсем в ином виде. По ободранным настом точеным зинкиным ногам всюду пестрели кровавые шрамы и ссадины с коростами запекшейся крови. На лопатке тяжелым окровавленным лоскутом свисала отодранная кожа. Кровь еще сочилась под брюхо животного и оттуда редкими капельками падала на порозовевший снег.

Люди не пробуждали у Зинки ни тревоги, ни сколько-нибудь заметного беспокойства. Она смотрела кротко, устало. Казалось, что не жалуется людям, а только просит прощения за причиненное беспокойство.

Она нуждалась, конечно, в покое и отдыхе. Иногда по телу пробежал волной мелкий озноб, то вдруг коротко, нервно вздрагивали колени, и тогда Зинка, силах не потерять устойчивости, переступала ногами. Удивительно, как просто и безмолвно животные умеют переносить свою боль и страдания.

Не сводившая с Зинки глаз Мария вдруг всполошилась и, перестав причитать, схватила мужа за руку.

— Федя, да ты погляди, она же тяжелая. Ох, господи, да что же это такое! Как она теперь будет?

— А я сразу приметил, что стельная. Ничего, Маша. Все хорошо будет. Пока насты держатся, у нас поживет, а там она и сама знает, что делать надо. Сейчас, я гляжу, она все прилечь норовит. Пусть полежит. Потом покормить надо. Сенца подбросьте да ведерко чего-нибудь тепленького. С молочком там да с овсянкой. Сообразите с Нюркой. А я схожу осинника нарублю. Вечером, если допустит, поврачуем маленько... Пошли, бабы, пускай она одна побудет...

В огороде остался сидеть на снегу один Рыско.

Щуря свои раскосые глаза, умный кобель издали внимательно и глубокомысленно взирал на Зинку. Наверное, предавался старым собачьим воспоминаниям. Ведь с маленькой нескладенькой лосюшкой они были когда-то друзьями.

ЕГОРКИНА БЕРЛОГА

Многие деревни исчезли в безвестности, а память не дает выбросить их из сердца, как и тех простых российских людей, что жили тут с незапамятных времен.

Была у нас когда-то деревушка, официально числилась Шамарятами, а в народе ее именовали иначе: «У Балдиных», поскольку жил тут мужичок Егорко-Балда. Прозвище такое ему дали богатые мужики, хотя умом он был намного способнее их. Да так уж от бога повелось: глупого почитают за богатство, а над умным за бедность насмеваются. Но мне в людских прозвищах, как и в исчезнувших названиях деревень, и в названиях лесных и покосных урочищ видится история жизни простого народа.

В деревнях и по сей день лесные да покосные урочища имеют народные названия, и, когда старики их перечисляют, диву даешься, до того заковыристо: Кибардиных покос, Черепаниха, Федоткино, Челпашка, Мокина титька... Ее огибают каменистый и глубокий лог. Раньше по нему конная дорога была проложена в одну колею: разехаться в узком каменном ущелье было нельзя, поэтому мужики и прозвали лог метко и выразительно: Сучья дыра. Самое неудобное место для проезда, но как берегли мужики покосы и поля от тележного колеса!

И сейчас иногда натыкаешься на лесную дорогу в двух саженьях от межи колхозного поля. Наткнешься на такой клочок тележной колеи, и волнение охватывает тебя, память старины тревожит твое сердце, будто твой дед на лошадке ездил по этой дороге в зимнюю стужу. В поле метель-падера бушует, а тут тихо, только полозья поскрипывают...

Сотни гектаров лесных покосов, с великим трудом отвоеванных дедами у леса, при нашем поколении заросли березняками да осинниками, а вот эти лесные дороги каким-то чудом не зарастали, навевая грусть и тоску,— уж никогда по ней не проедет на лошади внук того деда, что берет пашню-кормилицу от конского копыта и тележного колеса...

Мой дед умер рано, я грустил по нему и видел его в каждом бородатом старике. И они чувствовали мою любовь к ним и доверчиво рассказывали чудные житейские истории.

...Егора по фамилии никто никогда не называл: коли беден да безграмотен, то и «Егора» хватит. Был он добрым и разговорчивым и ко всякому ремеслу сноровку имел. Прослышал как-то Егор, что можно зимою медвежью берлогу найти по куржаку, что настывает от дыхания зверя. И решил попытать охотничье счастье — чем гнуть полозья да копылья выстругивать, не легче ли берлогу найти, а медвежатину, бают, в городе сбыть можно.

Бродит Егорко всю осень, все лесные уремы просматривает, за каждую колодину заглядывает. Снег оглубел, падеры пошли. Встал на лыжи Егор — и снова в лес, бородой оброс — не узнать.

Идет этак по лесному логу. Летом тут ручеек протекал, родниковый. Видит Егор: чуть-чуть парок идет из-под обрыва, нижние сучья у сосны куржаком подернулись... «Никак берлога,— думает Егорко,— вишь, окаянный, дышит, будто корова, так и прет из чела». Постоял немного, дух перевел, заприметил место да айда скорее домой. В тот же вечер обошел Егорко своих соседей, с жаром рассказывая о найденной берлоге. А утром, до рассвета, захватив старенькие шомпольные ружья, четыре соседа вышли из деревни и по вчерашней лыжне айда в лес.

Когда на небе гасли последние звезды, охотники были уже у берлоги. Отоптав снег вокруг, нарубив жердей, стали их осторожно складывать на чело срубом, связывая на концах.

Вырубив длинный сухой шест, один из мужиков — Фотей — осторожно подошел к челу. Остальные с ружьями встали наготове, напряженно всматриваясь в чело берлоги, откуда со страшным ревом вот-вот взметнется темное, мохнатое...

Егорко чувствовал себя именинником, страх перед зверем и радость добычи смешались на его лице. И вот он скомандовал:

— Давай!

Фотей с силой ткнул шестом в берлогу — и опрометью бросился бежать.

Тихо... Так тихо, что каждый слышит биение своего сердца. Фотей вернулся, утер с лица испарину рукавицей, снова взял шест и, ткнув им, опять убежал за деревья. Но не слышит Фотей ни выстрелов, ни звериного рычания. Вернулся, осмелел: «Эк его разморило!» И давай шуровать. А шест упирается во что-то мягкое. Но когда, устав, Фотей вынул шест, то все увидели, как с конца его сползала жирная, черная грязь...

Мужики переглянулись. Когда же, осмелев, подошли и посмотрели в отдушину, то увидели... из-под земли бойко пробивалась струйка ключевой воды.

Фотей зло сплунул:

— Балда!

И сурово бросил взгляд в сторону растерявшегося Егорки. С той поры так и осталось за мужиком: «Егорка-балда», что прилипло и к его деревушке в семь дворов, а после и к колхозному полю:

— А там, у Егорки Балдиных!..

«ГЛАДКОЕ ПИСЬМО» АЛЕКСАНДРА ИСАЧЕВА

Лариса ГРАМАТЧИКОВА

Где бы ни проходила выставка этого молодого художника, ей сопутствует неизменный успех. Всегда очередь, всегда толчея. У картин спорят. Одни — ожесточенно, другие внимают молча. То, что приводит в восторг одних, другим внушает скепсис: всё, как обычно. Но каждый из нас посещал выставки, о которых забывалось через полчаса. Выставки Исачева — явление. Пусть кто-то не примет его концепций, пусть кому-то покажется вызывающей манера письма или слишком яркими краски, но где-то там, на изгибах души, обязательно засядут исачевские образы.

И виной тому не только неприличные сюжеты, экстравагантность поз, редко используемая техника, но и вся полная драматизма судьба художника из провинциального города Речицы, что в часе езды от Гомеля.

Родился в несчастливой семье. Учился в минской школе одаренных детей, рисовал взахлеб, но имел непростой характер. Выкрасил как-то волосы хной — тогда это было модно. Церемониться не стали, выгнали. Так и остался парень, рожденный быть художником, недоучкой. Отчаялся ли, нет ли, но рисовать не бросил. И здесь был фанатиком. Забыл поест, недоспадал, а если уж «понесло» — не остановит.

Появилась семья, родились дети. Работал сторожем, музыкантом в доме отдыха, а работы, чтобы «к душе», не выпадало. Показывал свои картины профессионалам — не принимали, как не принимают и поныне. Аргументов много, и самый «весомый» — «самоучка».

Непризнание, предчувствие обреченности сломали художника — заплыл, стал токсикоманом. А дальше — все классически: семейная жизнь дала трещину, лечился у психиатра.

Художник попадает в Ленинград, знакомится с неформалами-художниками, становится своим в местной богеме, которая его потрясла. Из скромного провинциального города — в шумную, яркую толпу, где что ни сбор, то карнавал, где вино льется рекой и где каждый кажется крупной личностью. Судить ли художника за то, что не ушел, остался? За то, что обрел, наконец, круг, где его поняли, приняли? Здесь о его картинах говорили всерьез, чего раньше никогда не случалось. Картины покупали, что тоже было немаловажно.

Здесь произошла встреча молодого художника с меценатом Георгием Михайловым, сыгравшим в его жизни большую роль. Ни одна публикация о речичком мастере не обходится без этого имени. В недавние времена писать о нем было просто: такой-сякой-разэтакий! Скупал картины, женился на француженке, вывез все за рубеж. Вывез и большую часть полотен Исачева. Однако ж, почему не вывезти, если на обороте каждого протавлено таможенное клеймо «Ценности для СССР не представляется»?

Нынче мы очнулись и прозрели: сколько русских имен становится нам известными «оттуда», сколько талантов потеряла страна. И зачастую это сопровождалось комментариями радиоголосов, шумихой в зарубежной прессе. Так случилось и с Исачевым. И пошло-поехало: «антисоветчик, предатель, диссидент».

«Я родился в Речице. Здесь мой дом», — скажет он потом, во время своей первой персональной выставки.

Но и это не все. Заботясь о хлебе насущном, художник выполнял церковные заказы. Писал лики святых, библейские сюжеты, расписал костел. Сейчас мы, к счастью, оттаяли к церкви, поняли, что нет справедливого общества там, где нет подлинного уважения к чувствам верующих, и что нет ничего плохого в том, что радость для благообразных старушек сотворена не руками халтурщика, а руками мастера. Но это сейчас...

Картины Исачева пользовались большим успехом на выставках, устраиваемых Михайловым за границей. Попал на такую выставку ответственный представитель из Советского Союза, увидел собственными глазами, о чем шумит на все лады западное радио. Трудно сказать, что он подумал о картинах, но в список авторов, чьи работы запрещены к вывозу из СССР, молниеносно было включено имя Александра Исачева. Это означало признание. А дальше как по мановению волшебной палочки: талант, ставший достоинством страны, обрел, наконец, поддержку на Родине.

В Речице открылась первая персональная выставка, имевшая огромный успех. В считанные дни художник стал знаменитостью. Появилась своя мастерская. Разрешили иметь учеников. Окрыленный, счастливый,

взволнованный художник давал интервью белорусским кинематографистам: «Жизнь только начинается!» Спустя месяц его нашли мертвым в мастерской, с пузырьком пятновыводителя в руке. Было ему 32.

Какой по счёту талант творил прекрасно, да жил бездарно! Заламываем руки — не поняли, не приняли, довели, опоздали... Каждый человек неповторим. Каждая потеря неповторима. Утрата таланта — утрата особенная. Оттого и неизбежное смятение царит на его ярких, самобытных выставках. Больно смотреть кинокадры — известный белорусский автор А. Алай снял фильм о Исачеве, неординарной личности и уникальном художнике.

«Я рисую не пейзаж, а себя», — сказал кто-то из известных пейзажистов. Так может сказать о своих работах любой художник. Даже рисуя другого человека, автор наделяет его теми свойствами, которые либо видит, либо хочет видеть. Пожалуй, не надо быть слишком наблюдательным, чтобы заметить за исачевскими образами его судьбу. И в обреченности, надломленности Икара, и в недоброй усмешке красавицы-богини, и в затаенной грусти в глазах пророка...

Когда в жизни не хватает красоты и гармонии, художник создает их сам — теория компенсации. Картины Исачева легко узнаваемы, их не спутаешь ни с чьими другими. Принцип художника в общем-то укладывается в нехитрую схему: привлечь (приковать!) внимание внешней экстравагантностью, затем увести зрителя в глубь картины, принудить к рассматриванию многочисленных предметов и к расшифровке их причудливых сочетаний. Не всем понятен этот код, но каждый художник вправе говорить на своем, пусть сложном языке. К счастью, сегодня мы стали терпимее и добрее к многообразию форм и средств самовыражения.

Техническая манера Исачева — редко употребляемое «гладкое письмо», особый способ растушевки мазка, не оставляющий следов от кисти. Эффект — почти фотографический.

Создан фонд Исачева. Вышеупомянутый Г. Михайлов, уже официально «прощенный», готов вернуть его работы на Родину.

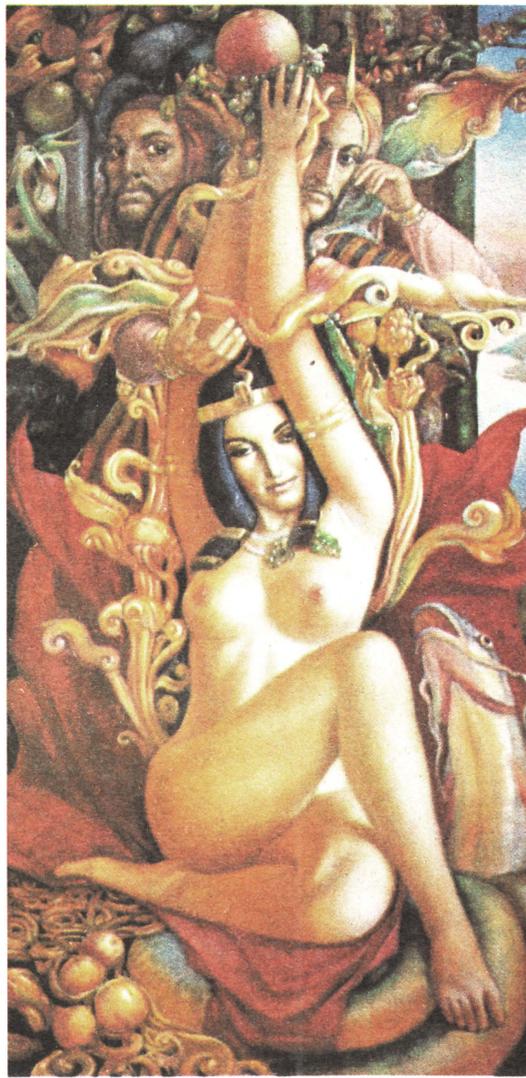
Картины Александра Исачева в последнее время редко висят в домах их владельцев. Все больше — на выставках, любовно устраиваемых вдовой и друзьями художника.

А в уютной речичкой квартире растут папки с детскими рисунками. Глядя со стен детской былинные русские богатыри. Рисует Исачев-младший. Вырастет, выучится и, как знать, вдруг окажется талантливым, как отец?

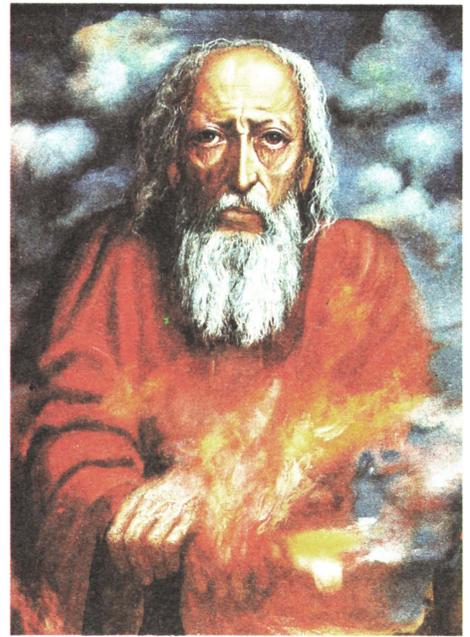
КАК ПРИМЕМ МЫ ЕГО?

АВТОПОРТРЕТ

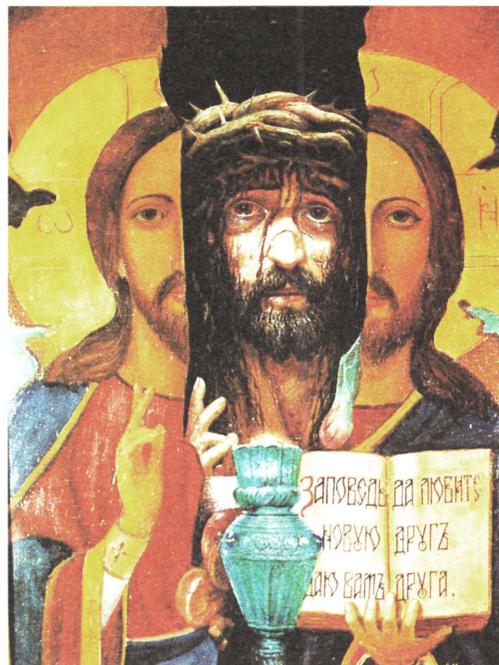
ИСКУШЕНИЕ

ПЕРСЕФОНА

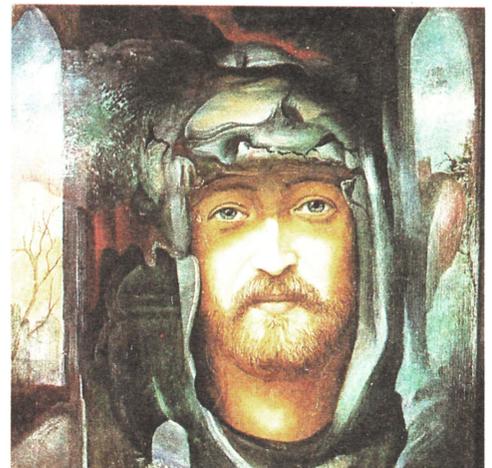

ТАМЕРЛАН

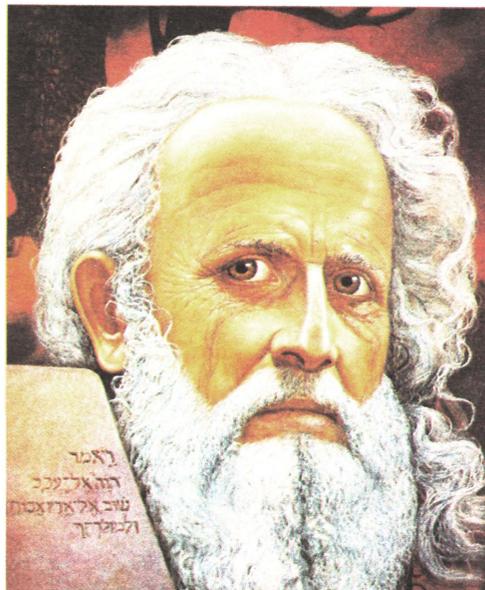
ИКОНА

ПОРТРЕТ С. С. ХРУЛЕВА

НАТЮРМОРТ (из серии «МАГИЯ»)

ОКНО

ВДОХНОВЕНИЕ

ПОДПОЛЬЩИК- ТЕЛЕГРАФИСТ

Владимир АЛЬТОВ

Оренбург 1918 года. Город захвачен дутовцами. Комендант Оренбургского телеграфа предупреждает своих челябинских коллег: «Обратите серьезное внимание на 1799-й провод, работайте осторожно, не передавайте секретных военных депеш... По 1799-му проводу где-то включен секретный кабель. Возможно, наши секретные депеши перехватывали».

О помехах в работе телеграфа, о том, что кто-то постоянно вмешивается в его отработанный ритм, говорил и другой документ. В докладе начальника первого оперативного отдела штаба Колчака сообщалось: «За последнее время участились случаи замедления в передаче по телеграфу секретно-оперативных телеграмм в штаб Оренбармии, главным образом, телеграмм шифрованных».

Кто же были те смельчаки, которые проникли в святая святых дутовских войск, задерживали самые срочные оперативные телеграммы, срывали проведение боевых операций против красных войск, отступивших к Актюбинску и Орску?

Беседовал я с участниками гражданской войны в нашем крае, со старыми связистами — ветеранами оренбургского телеграфа. О том, что на телеграфе продолжительное время умело действовали большевики-подпольщики, слышали многие. Но узнать фамилию хотя бы одного из тех героев долго не удавалось.

...Однажды в «Звездный городок», летний лагерь оренбургской школы юных космонавтов, раскинувшийся неподалеку от берега Урала, приехали старые большевики. На просторной поляне полыхал костер. Пламя выхватывало из темноты загорелые мальчишечьи лица. Притихшие, посерьезневшие ребята в темно-синих форменках слушали рассказы ветеранов.

В тот вечер от бывшего артиллериста Третьей Туркестанской батареи, отличившейся при обороне Оренбурга, Николая Гавриловича Багрова я впервые услышал о предсмертном письме расстрелянного дутовцами телеграфиста Харченко. На другой день в областном краеведческом музее мне показали это письмо. Выцветшие от давности, написанные химическим карандашом торопливые строки:

«Я сижу в одиночной камере Оренбургской городской тюрьмы. Через несколько часов дутовская банда меня расстреляет. Прошу я того, кто найдет мое истерзанное, замерзшее тело, известить моих родных и передать им, что я пал беззащитным от палачей дутовских».

Товарищи, будьте верными сынами нашей свободной страны. Пусть меня расстреляют — я уверен, что близок час расплаты над этими коварными бандитами и злыми золотопогонниками колчаками и дутовыми».

И снова поиски в архивах, встречи с ветеранами, переписка, расспросы. Постепенно, по крупицам складывался образ опытного подпольщика Василия Харченко.

В родные оренбургские степи Василий попал с отрядом мичмана Сергея Павлова, сформированным из моряков Балтийского флота. В январе 1918 года вместе с другими матросами и рабочими из отряда Петра Алексеевича Кобозева освобождал Оренбург от дутовцев. В лютовую службу шел в атаку в одном флотском бушлате и бескозырке с тисненой золотом надписью «Андрей Первозванный» на ленточке. Вскоре после этого тяжело заболел. Отлежался в лазарете, а потом, по совету товарищей, уехал набираться сил к родителям под Саракташ, на хутор Перво-Дмитриевский. Тут и застала его весть: Оренбург захвачен дутовцами. А скоро за ним в поле, где он вместе с отцом косил пшеницу, прискакали казаки. Увели Василия, под конвоем пригнали в Оренбург. Думал — в тюрьму, а оказалось — на службу. Дутовцам позарез нужны были связисты.

Старательно работал телеграфист Харченко, неумоимо отстукивал точки и тире. На всякий случай запоминал, а потом записывал в потайную тетрадь наиболее важные сведения. Не знал, как передать эти сведения своим. Подпольщики нашли его сами. На городской окраине, в Нахаловке, в неприметном доме встретился Василий с одним из руководителей оренбургского подполья Михаилом Николаевичем Бурзянцевым.

Подпольщики вначале пытались сорвать работу дутовской связи, заземляя телеграфные провода, а за-

тем подключились к 1799-му проводу. Отныне многое из того, что передавалось по телеграфу из штаба Дутова в ставку верховного правителя Колчака, попадало в руки подпольщиков и через разведчиков с огромным риском отправлялось в Актюбинск, в штаб Туркестанского фронта. Важные сведения были доставлены Марией Корещкой, Софьей Бажановой, Дарьей Лопиной. В частности, заранее стало известно о наступлении белоказачков на Орск, о других операциях дутовцев.

Взбешенные неудачами контрразведчики свирепели с каждым днем. Был схвачен и расстрелян Михаил Николаевич Бурзянцев. Задержанная по нелепой случайности под Хабарным, после жестоких пыток казнена Мария Корещкая. Погибли в дутовских застенках многие другие большевики, работавшие в подполье. На телеграфе стали дежурить офицеры из контрразведки. За всеми телеграфистами установили слежку.

Одна за другой рушились связи. Ждал ареста и Василий. Но его не брали. Харченко работал так тонко, так осторожно, что дутовцы не могли заподозрить в измене этого молчаливого и исполнительного телеграфиста.

По беспокойным телеграммам, идущим с фронта, Харченко знал: красные полки с упорными, кровопролитными боями наступают с севера и с юга на Оренбург. Тогда Василий решился на отчаянный шаг. Ему принесли срочную телеграмму. Это был приказ о контр наступлении, подписанный начальником дутовского штаба полковником Лесевичким.

Харченко привычно застучал ключом. Точки, тире, точки, тире складывались в слова. На ходу изменяя смысл телеграммы, телеграфист передавал белоказачьим полкам приказ «отойти с занимаемых рубежей для выравнивания линии фронта».

После дежурства Василий пытался бежать из Оренбурга, но был схвачен. А через несколько дней Харченко избил до полусмерти — оказывается, его телеграмма сработала, и части Туркестанского фронта почти без потерь захватили важный населенный пункт, оставленный дутовцами.

В конце декабря 1918 года Василия Харченко расстреляли. В кармане его гимнастерки нашли письмо, написанное химическим карандашом. «Я уверен, что близок час расплаты», — писал он перед казнью.

Расплата пришла через месяц, 22 января 1919 года. Ее принесли на своих штыках красные полки Туркестанского фронта и Первой Революционной армии Гая.

К июлю 1939 года японское командование стянуло к границам МНР более чем 80-тысячное войско, до 10 полков барзутской конницы, огромное количество артиллерии, танков... 3 июля, после ожесточенных боев с переправившимися через реку Халхин-Гол японскими войсками, советско-монгольские дивизии разбили противника. Враг потерял 23-ю Хайларскую и 7-ю Цицкарскую дивизии, конные полки, свыше 50 процентов авиации, но был еще силен и закрепился на восточном берегу Халхин-Гола в четырех-пяти километрах от берега, на высотах Ремизовская, Зеленая, Песчаная, Палец... После нескольких неудачных попыток переправиться на западный берег японские войска 420 километров монгольской границы превратили в мощный укрепленный плацдарм. На высоте Палец был построен целый подземный городок — с гаражами, конюшнями, с ходами сообщения, по которым свободно проходили тяжелые грузовые машины и танки.

20 августа началось наступление, а 31 августа враг был полностью уничтожен.

...Рвануло совсем рядом. Инстинкт самосохранения прижал младшего лейтенанта Агафонова к земле. Осколок просвистел над шеей и зарылся рядом в песок. Лейтенант протянул руку — горячий металл ожег пальцы. Лети он чуть пониже, и...

Этот осколок «жив» и сейчас, спустя полвека. Ржавый кусок тяжелого самурайского снаряда, с вплавившимися в него песчинками с берега далекой монгольской реки Халхин-Гол...

За все бои Алексей не получил ни одной царапины. Все-таки природа наделила людей чувством самосохранения. Что-то подсказывает: «Остерегайся, ждет беда!».

Алексей Агафонов ехал на фронт с артиллерийским дивизионом, в составе частей, сформированных на Урале. Судьба забросила его, командира взвода связи с пехотой, в самое пекло — на передовую.

Удивителен его дневник, отрывки из которого мы сегодня публикуем — он вел его с 12 июня по 29 ноября 1939 года, за все время военного Халхин-Гола. Да, в нем есть бои, жертвы... Но война у солдата — как скучная, неинтересная и тяжелая работа. Его, как обыкновенного человека, занимает все, что угодно, только не сами бои. Его беспокоит, что почты нет; он хозяйским глазом подмечает всякие мелочи и ругает за безалаберность командование; записывает погоду. Он старается жить на войне нормальной жизнью нормального человека, кото-

рый должен умыться, написать письмо домой, прочитать газеты; а уж коли надо выполнять это неотвязное дело — воевать, то он и это дело делает. Подумный-полувоенный человек на войне...

Алексей Агафонов — родом из Бузулука. На срочную службу был призван в 1932-м, в возрасте 22 лет. К этому времени имел за плечами

девятилетку, окончил вечернюю двухгодичную совпартишколу, до призыва работал в деткомиссии при районе. В 1934-м стал комзвода в полку, а в конце года был уволен в запас и уехал в Свердловск, где жил старший брат, поступил работать диспетчером в «Горавтотранс». За годы работы избирался председателем облсовета спортобщества «Старт Востока» при Свердловском обкоме союза шоферов. В 1938-м ему присвоено звание младшего лейтенанта. В июне 39-го эшелоном он отправляется на Дальний Восток.

Вернувшись с Халхин-Гола, Агафонов снова работал в «Горавтотрансе» (в Отечественную пришлось надеть офицерскую шинель, но служил в горвоентомате, инструктором всеобщуча) — диспетчером, инженером, начальником отдела эксплуатации. В Свердловске открывал автобусный маршрут № 14. Полвека работал — до самой болезни и смерти. Многие водители автобусов помнят его как корректного, опытного руководителя. Умер Алексей Иванович Агафонов в 1988 году.

Напомним о боях на реке Халхин-Гол остались в семье его монгольские дневники, осколок из 39-го — меньше спичечного коробка, и медаль с удостоверением, подписанным Председателем Великого народного хурала Монголии Ю. Цеденбалом.

«НА ВОСТОКЕ ПЛУЧИ ХОДЯТ ХМУРО...»

3.VII. 39 г. ...Строчная подготовка 1 час. Подготовка одиночного бойца 2 ч. Устав внутренней службы, общие положения, спецподготовка — 3 ч. Матчасть, телефонные аппараты, прокладка телефонной линии. Заканчиваем с оформлением сдачи фуража. С наступлением темноты тронулись в район границы с МНР. Кругом только сопки, местность однотипна, одно спасение от пыли — трава. Двигались всю ночь. Под утро тяжело бороться с дремотой.

4.VII. Движение продолжали до 12 ч. дня, затем — большой привал. День жаркий, отдыхать негде, хотя рядом речка Борзя. Вновь движение... Перед вечером дождь промочил насквозь. Успели обсохнуть до почлега у стойбища с колодцам.

8.VII. Рано утром остановились на большой привал в поле. С час уснул. Температура на солнце до плюс 50. В полдень — снова привал у озера Хурдын-Нур, вода в нем пресная, с привкусом гнили. Лошади,

напоенные первый раз за день, пили по пяти ведер каждая... Выкупался. Получили сообщение о том, что у границы МНР и Манчжурии были крупные бои. Мы идем на подкрепление в район боев. Не успели лечь спать, как разразилась сильная гроза — частично укрылись под повозками и брезентами. Лег спать в первом часу.

9.VII. Подъем в 7.00. Просушка снаряжения и амуниции. Вымыл платки, портянки, полотенца, воротнички. Весь день прошел в суете. Около 20.00 тронулись в путь. Движение колонн ночью не организовано как следует, получается дерганье и людей, и лошадей.

12.VII. В обратном направлении везут раненых, много ранено в руку, голову, плечо. Дождь, не переставая, идет с ночи до полудня. Дороги залиты водой. Текут потоки глубиной по колено. Машины, двигаясь по воде, поднимают столбы до полутора-двух метров. Промокли все до нит-

ки. Позади уже свыше 200 километров по Монголии. Прошли город Бунн-Тумен. Есть типичные постройки восточных стран (Китай, Япония).

16.VII. Прочитал свежие сообщения о боях советско-монгольских войск с японо-манчжурскими; за период конфликта Япония потеряла убитыми около 2000 человек, ранеными — свыше 3500. Советско-монгольские войска потеряли убитыми около 300, ранеными — 700 человек. Плохо дело обстоит с питанием и водой. Во всем идет какая-то неопределенность и неорганизованность. При наличии денег ничего нельзя купить, так как в МНР своя валюта — тугрики и мунги...

Получил аванс за июль в монгольской валюте — 100 тугриков. В походном ларьке смог кое-что купить. Цены невысокие: сахар — 1 тугрик 30 мунгов, папиросы «Пушка» — 20 мунгов, папиросы «Борцы» — 40 мунгов, конфеты «Раковая шейка» — 3 тугрика 50 мунгов, фруктовые — 3 тугрика кг, спички — 2 мунга. Вечером было собрание комсостава, говорили о выступлении в бой. Спать лег в первом часу. Плутал по полю, не сразу нашел свой окоп. Спал в кузове машины.

20.VII. На рассвете встал — замерз. Отправился на розыски дивизиона. Разместились на берегу Халхин-Гола: за рекой — наша пехота, а дальше, в сопках, — противник. Получил задание провести связь с пехотой. Необходимых средств недостаточно. В поисках батареи заблудился, заночевал в районе другого дивизиона.

21.VII. На рассвете разыскал дивизион, собрал связь — начали тянуть. Впереди река метров 60—70 шириной, быстрая. Перетянули провод через реку, сами отправились к переправе. Начальство ругается, обещает отдать под суд. Провода много — выбились из сил. К обеду дотянули линию к району расположения КП пехоты и бронетанковых сил. Только к сумеркам нашел общевойсковского командира. Довести связь до него не сумел — не хватило кабеля. Остался ночевать в полудтора километрах от необходимого мне места.

22.VII. Раным-рано довел связь до указанного места. Все время над нами кружат самолеты противника. Ночь дежурили, ожидая вылазки японцев. Самолеты бомбят тот берег реки, летая большими группами. Наци появляются только перед обедом. По тем и другим бьет зенитная артиллерия. Пули летят прямо над головами. Впереди стоят несколько сгоревших бронемашин.

За день много раз рвалась связь, но всегда ее удавалось быстро восстановить. Убиты Майоров, Кетов, Кулаев.

24.VII. Ночь прошла спокойно. Остался без шинели — командир от-

деленил оставил на наблюдательном пункте, а потом не нашел. Ночью без шинели холодно. День жаркий, с утра начался бой. Активнее противник, он снова бомбит тот берег реки, переправу. Появились наши истребители; один из отставших подбит и упал в нескольких стах метров, сгорел на глазах. Летчик выпрыгнул на парашюте, но парашют не успел развернуться — по-видимому, парень разбился. Его подобрали свои у сгоревшего самолета. Сзади упали почти вместе два горящих самолета. За горевшими машинами летела отдельно хвостовая часть самолета, как будто японского, а в стороне — одна из плоскостей крыльев. Вдали где-то бомбежка. В ночь выставляется усиленная охрана. Комары не дают покоя, лезут, где только можно. Написал письмо домой.

30.VII. До самой ночи дальноточная батарея вела огонь по расположению батальона, КП и ПКП. Снаряды рвутся в нескольких метрах от окопа, пыль, песок и гарь стоят в окопе облаком. По насыпи шлепаются осколки... С нашей стороны очень слабый огонь. Командир батальона Ахмедзянов ведет огонь похабно. У меня с утра расстроился желудок — ужасная резь, до тошноты. День воздержался от еды, под вечер стало лучше, читал газеты.

Последние дни довольно хорошо с газетами. Доставал «Правду», «Крестьянскую звезду», «Красноармейскую газету», «Красную героическую», «Комсомольскую правду», «Боевую подготовку», хотя их свежесть относительная — центральные с отставанием на 10—12 дней. Прочитал, что проводят новый заем, даже не знаю, какой.

Часть времени бываем с лейтенантом Колчановым — довольно простой и симпатичный товарищ.

4.VIII. Под вечер особенно большой наплыв авиации противника. Бомбят по нам. Одна бомба взорвалась в 20—30 метрах от окопов — много окопов развалилось, все, что в них было, засыпано землей, в том числе сильно обвалился мой окоп. С наступлением темноты выкопал новый.

6.VIII. Жаркий день, в полдень нечем дышать. Противник впереди окапывается. В 15.00 ушел на КПП выяснить кое-какие вопросы. Впервые за все время ушел с передовой. Был у реки Халхин-Гол, помылся по пояс. Заночевал в районе штаба. Достал и начал читать книгу «Бои у Хасана».

9.VIII. Наши самолеты летали в тыл к противнику. Часа в три с Колчановым отправились в штаб за материалами, ушли в сторону — пришлось возвращаться. Говорили с политруком о недостатках. Обратного возвращались уже затемно. Комары осыпают тучами, нет никакого терпения.

10.VIII. Ночь прохладная, пришлось надеть шинель. Встал с небольшим недомоганием и головной болью — по-видимому, простыл. Пошел умываться в котлован, только успел кончить — надо мной просветили несколько снарядов и разорвались у котлована, кругом взлетела земля. Некоторое время наш район обстреливался из миномета. Потом весь день затишье. Под вечер противник слева открыл огонь в глубину. Откуда бьет, трудно установить. Осколки падают в нескольких метрах. Самолеты появлялись несколько раз, но без боя возвращались обратно. Наши пролетали вглубь, к противнику. Весь день в окопах читал «Бои у Хасана».

13.VIII. Днем вздремнул. Во сне видел, что меня легко ранило в шею. Как обычно, под вечер противник обстреливает наш район артиллерийским, минометным и гранатометным огнем. Разрывы очень близки. День солнечный, чувствуется уже приближение осени, ветерок свежий, жара спала до некоторой степени. Мы сидим на одном месте в окопах и выжидаем чего-то. Сегодня уже два месяца, как я уехал из дома; что там делается, не знаю, да и обо мне тоже не знают — письмо, видно, еще не получили. Сидишь в окопе, около окопа или на ППП и ждешь: вот сейчас прилетит снаряд, мина, или бомба, пуля — и кончится на этом твое существование. Чего-чего только не передумает. В голове одно желание: скорее бы хоть тот, хоть иной конец... Всю ночь вертись с боку на бок. Время идет ужасно медленно. Перечитал все имевшиеся старые газеты. Много раз собирался написать письмо домой, но даже не знаешь, как писать — все однообразно, сегодняшней день похож на вчерашний, никакой перспективы, кроме, разве что, снаряд изувечит тебя или уничтожит совсем.

16.VIII. Отправились с Колчановым на реку в район кухонь. Вымылись в реке, сменили белье, постирали портянки, носки, высушили и отправились с кухней на КПП. У кухни зашел разговор: оказалось, что шофер — из Бузулука, в 38-м закончил там лесной техникум. Он рассказывает, что Бузулук вырос, благоустраивается. Как-то странно: в нескольких тысячах километров от знакомых мест встретить человека откуда же, земляка... Задержался дотемна, на обратном пути ушел в сторону, пробуждал всю ночь и ушел на правый фланг. Только с рассветом пришел к своим. Думал, конца этой ночи не будет — продрог, замерз.

17.VIII. Удивительное затишье на фронте. Даже обязательного утреннего и вечернего обстрела нет. Время в окопах занимаю чтением. Сейчас печатают в газетах материал об открывшейся Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

20.VIII. Весь день идет горячий бой. Протянули связь до КП комбата на сопку, на расстояние полтора метра от противника на противоположной стороне. Пехота атаковала сопку два или три раза под сильным минометным и пулеметным огнем. Отступила.

21.VIII. С утра снова бой. Наша артиллерия всю сопку превратила из зеленой в желтую, разбив блиндажи, траншеи. На склоне — разорванные трупы, вывернутые корни кустарника. Наступление пехоты нерешительное. На КП пришел комдив Лось, стал подбадривать пехоту к наступлению; показался на сопке — его сняла пуля, пробив насквозь голову. Убит наповал.

Артиллерия бьет по сопке противника, туда выпущены тысячи снарядов — кажется, там уже нет живой души... Но пехота ее не может взять. Ночью тихо. Противник восстанавливает траншеи.

22.VIII. Перед началом нового наступления подошли танки и открыли огонь. Мы сидели в окопе: Колчанов у бруствера и остальные напротив. Один снаряд упал на бруствер в песок, левашую палатку и чью-то кожаную куртку разметало в клочья и отбросило метров на двадцать. Никому никакого вреда не причинилось. Мы все удивились случившемуся. Я в это время сидел у стереотрубы.

Как только пехота показала на склоне, полетел гранатный «дождь». Взрыв... Огонь, дым. Звон в правом ухе — машинально наклонился влево. Выпрямился, машинально снял каску, осмотрел. Надел снова. Сидящие рядом двое склонились на винтовки. По-видимому, в окоп попала мина — одному разворотила спину, другому пробила голову. Поднял одного, у него выбит глаз и зияет огромная рана — мертв; у второго разбит череп, на лбу рана, он еще дышит. Не стал трогать, побежал за санитаром. Вынесли его на носилках, но он все равно умер. Выпачкал руки в крови. На ночь ставлял людей на посты.

24.VIII. Часов в 16 наша пехота пошла опять на сопку. Наступление неорганизованное: часть выдвинулась почти на гребень, а большинство осталось на склоне, у подошвы. Большая скученность. Несколько смельчаков убиты почти на гребне. Наши артиллеристы вышли на гребень тоже, но, не видя поддержки, вернулись.

Многие рвутся в бой, но командование в категорической форме запретило нам идти с пехотой.

25.VIII. Сегодня день решительной атаки на сопку Зеленую, которая уже превратилась в пепельную. После сильной артстрельбы пехота вступила на высоту еще до захода солнца. Наконец-то после шестидневной атаки, сопка взята. Судя по

трофеям, она имела большое стратегическое значение для противника.

Написал об этом письма домой, обловел ДСО и в «Горавоттранс».

26.VIII. После завтрака отправились на другой участок фронта, левее — к подступам на сопку Песчаную. Под вечер взяли ее. Еще не полностью был выбит противник, мы на нее двинулись. По пути много трупов наших бойцов, уже истлевших — лежат на поверхности земли; есть и японские, но меньше. Они свои трупы зарывают, за исключением тех, которые лежат под нашим огнем. На обратных скатах у противника устроены блиндажи — бросили все, что было, и удрали. Остались три трупа, видимо, унтер-офицеров. Низкорослые, крепкие, черные люди. Очень много трофеев, от предметов туалета до боеприпасов.

С утра началось продвижение на север к реке Холостын-Гол. Некоторая часть пехоты успела уйти за реку, но ее оттянули.

28.VIII. Ночью наш разведчик убил японского унтер-офицера. В котлованах — целые кладбища... День серый. С обеда до ужина был в районе кухни, помылся, заменил сапоги. Ночь холодная, моросит дождь. Всю ночь за рекой перестрелка, крики «ура». Откуда-то хорошо слышна передача концерта по радио. Получил письмо из дома. Разобрал вещи: кое-что лишнее сложил из вещевого мешка в чемодан. Два раза прилетали японские самолеты, бомбили. Вечером прошел митинг: зачитали поздравление личному составу с победой над врагом. С Колчановым насобирали ящики, доски, жерди для блиндажа. Всю ночь рыли под него котлован. Выбросили до 30 кубометров земли, насыпали и уложили до полсотни мешков. Легли досыпать в новом убежище.

31.VIII. Спал мертвецким сном. Первый день не было пальбы на фронте, кроме бомбежки и воздушных боев. В ожидании машины послушал патефон с большим удовольствием, почитал свежие газеты.

1.IX. Никогда не видел в воздухе одновременно такого количества самолетов — их было больше сотни. Серебристые истребители то парили в разных направлениях, то скрывались из виду. Люди разбросались по ложине — кто где, во всяких позах: одни читают, другие спят, третьи разговоры ведут. Весь день прошел в ожидании приказа о новом продвижении, потом двинулись через реку Холостын-Гол, мимо заросшей камышом сопки Ремизовской. Расположились в котловане, под ивняком, в полутора километрах от границы, с другой стороны — линия окопов с колышками и надписями на японском языке. В газетах напечатан договор о ненападении между СССР и Германией.

3.IX. С утра устраивали что-то

вроде блиндажей, но с довольно слабым перекрытием — нет подходящего материала. Использовали ящики, циновки, всякие вещи из японских окопов. Устроились неплохо (для позиции, конечно). К вечеру устал основательно, набил мозоли.

4.IX. День солнечный, жарко. С утра замаскировались. Достал две большие циновки, обил окоп. Читал в газетах Указы — о присвоении звания Героя Советского Союза 31 человеку и о награждении орденами 903 участников первых боев на Халхин-Голе. Есть несколько человек, которых знаю по боям. Было собрание. Комдив отметил, что мой взвод хорошо справился с возложенной на него задачей в обороне и в бою. Дивизион представлен командованием к награде орденом. Вернулись в окопы затемно. Чуть не ушли в сторону: в степи ночью ничего не видно — ориентироваться не по чему. Движение наших частей уже незначительное.

7.IX. Встал в восьмом часу утра. Завтрак проспал, но у меня запасены кулечные вчера в ларьке продукты: сахар, сыр, печенье, молоко стущенное. Купил простынь за 12 тугриков и 2 наволочки по 2 с половиной тугрика, еще безопасную бритву за 5 тугриков. Бойцам прочитал новый закон о воинской повинности. В Европе события разворачиваются, весь мир охвачен военной лихорадкой. Количество стран, воюющих с Германией, увеличивается. Италия воздерживается от военных действий, но войска готовит. Объявлены приказы о демобилизации отслуживших в РККА и призыве 1918-19 годов рождения на действительную службу.

8.IX. С утра замаскировали вырытые вечером хода сообщения, убрали весь мусор в своем расположении. На машинах отправились за проволочное ограждение, на правый фланг батальона, для сбора трупов бойцов и командиров РККА, убитых в последних боях. Японские трупы зарывали на месте. Наши подбирали в плащ-палатки, завязывали и отвозили в тыл. Трупы разложились, распухли, кишат червями. Сильный запах. Приходится у этих трупов забирать документы и ценности для сдачи командованию. Закопал около двух десятков японцев и двух человек наших — заворачивать нечего было; собрали десять наших трупов и машину имущества. Не дождавшись ужина, уснул — усталость или недомогание, не поймешь. Снилось какая-то чертовщина: люди наподобие негров или с лицами, как у убитых... Проснувшись, занялся письмами основательно — написал Шуре, Мине, Николаю, Ане, Бурмистрову.

13.IX. Ходил днем в штаб дивизиона, зашел на огневую позицию. Разговаривали с Колчановым о наградах. Он заверил, что мы с ним

представлены к ордену. Я это слышал от Маракулина, и Колчанов еще подтвердил. Разгулявшаяся было днем погода под вечер снова испортилась, и в обратный путь отправился под дождем. В степи ходят две самурайские лошади. Откуда-то справа, с фронта, появилась пара диких быстрых коз — они бегали, наталкиваясь то на людей, то на машины. Нашлись охотники стрелять по козам... Одну ранили в ногу, на трех ногах она пробежала километра два и ослабла. Вторая где-то скрылась.

На НП выстрелил три раза из самурайской винтовки. Утром прочитал свежий номер «Героической красноармейской» — война в западной Европе в полном разгаре.

16.IX. Командир дивизиона вернулся из штаба и сообщил новость. Японское правительство обратилось к монгольскому о прекращении военных действий на границе. С сегодняшнего дня военные действия прекращаются. Правительства договариваются о создании комиссий для установления границ, обмена пленными и убитыми. По фронту наши выставили красные флаги перед проволочным заграждением.

17.IX. Занялся приведением себя в порядок. Помылся, вымыл голову и ноги, постирал белье, зашил лопнувший рукав гимнастерки. Погода стоит — желать нельзя лучшего. Отправился на ПНП к Колчанову. Колчанов сказал, что работают комиссии по обмену. Пришел обратно. Вынес все из окопа, просушил на солнце. дочитал книгу «Вооружение капиталистических стран». Отправил в штаб 5 гранат японских 155 мм и одну 75 мм. Получил письмо от Ани.

27.IX. Наблюдал, как в нейтральной зоне садилась японские самолеты. Часа в два с юга прилетели два наших четырехмоторных самолета — огромные машины. По сравнению с японскими, наши самолеты — просто гиганты, размах крыльев в три раза больше. Начался обмен ранеными.

Все больше думается об доме, надоела эта однообразная обстановка. Прочитал книжку «Секретная служба в тылу у немцев». День и ночь кажутся бесконечными. Вечером слушал патефон — несколько пластинок из «Евгения Онегина».

13.X. Последнюю ночь провел в расположении пехоты. Батальон уехал. Сняли связь. День провел без пристанища, разместились у радистов. Часть комсостава увольняется в долгосрочный отпуск. Вечер прошел в разговорах об отъезде.

29.XI. Наконец-то в пути домой. В два часа высадились в Чите. Обещают посадить в поезд не раньше первого декабря.

Публикация
Владимира Агафонова

РАСТЕТ В ПОЛЕ ЯСЕНЬ

Николай ЗУБЬЯКОВ

В пустынном поле между Шебелинкой и Гусаровкою, в семи километрах от Донца Северского, растет над солдатскою могилою раскидистый ясень. Под ним похоронен восемнадцатилетний сержант 206-й отдельной бригады 57-й армии, уроженец села Евгеньевки Яновского района Одесской области Иван Гречушин.

Судьба этого деревца похожа на легенду: его не сажали, не поливали, оно проросло из солдатской могилы. Оборванным ростком, лозинкой боец перетянул раненное во время боя предплечье. Но смерть настигла его. И вот через год рядом с каской над могилою пророс из той лозинки, протянутой к солнцу молодой ясенек. Уже позже эта была стала стихами:

Солдат поднялся, смертью
одеясан,
Шагнул вперед на оружийный
гул,

И ветку дал ему зеленый ясень,
Чтоб ею рану он перетянул,
— писал поэт Г. Серебряков.

Как капля — частица большой воды, так и судьба каждого солдата связана с большим или малым сражением. Трагической смерти бойца предшествовало тяжелое положение 6-й, 9-й и 58-й армий Южного фронта, окруженных под Барвенково 17 мая 1942 года. Прорвав оборону и выйдя нашим войскам в тыл, танковые дивизии фельдмаршала Клейста устремились на восток.

В группе прикрытия была артиллерия моего знакомого лейтенанта Василия Нетапова. Она приняла бой, но артиллеристов накрыли бомбы пикирующих «юнкеров». Отойдя к низинной роше, лейтенант остался с одним легким орудием, тремя номерами расчета и раненым радистом батареи Дмитрием Сергеевым.

Сидение в роше — это плен! Лейтенант понимал это и принял решение пробиваться к своим.

Тягачом для орудия приспособили исправный, кем-то панически брошенный в плавнях «виллис». Там же, у разрушенного моста, к артиллеристам примкнули семеро минеров-подрывников под командою сержан-

та Гречушина; теперь в группе имелось двенадцать бойцов.

Пять ночей пробивались они в направлении Балаклеи по лесным посадкам и камышовым зарослям, не ввязываясь в неравные бои. Шестая ночь выдалась сырой и непроглядно темной, и ничто, казалось, не предвещало опасности, как вдруг над развилкою дорог у села Лозовеньки взвились осветительные ракеты, из бойниц водонапорной башни кинжально ударили пулеметы.

Пушку с марша подкатили поближе, по пулевым трассам навели на цель, открыли огонь. Пулеметы скоро умолкли.

В скоротечном бою погибли находчик орудия Ширяев, водитель Логинов и двое подрывников. От зажигательных пуль запылал укрытый за садом «виллис».

Толкая пушку с тремя ящиками снарядов на себе, группа торопилась уйти в темноту. Далеко позади над горизонтом догорал «виллис». В багрово-красных отсветах огня одинокие деревья казались таинственными призраками, что двигались из безвестной степи.

Часа в три ночи измученные бойцы с трудом одолели скользкую насыпь шебелинского шоссе, тащить дальше на себе пушку по размокшей от дождя, вязкой степи уже не было сил.

Остановились у пригорка перед лесопосадкою, начали окапываться, готовясь к новому бою.

Приближался рассвет, похолодало, с низины напозал туман.

Рослый Ратников, заряжающий, кому больше всех досталось тянуть оружийную лямку, снял с головы каску, обтер мокрое от пота лицо полою шинели и тяжело вздохнул. Нетапову было больно глядеть на него, как и на других своих измученных боем и маршем подчиненных.

Командир и сам едва держался на ногах, но не уставал бодрить людей, понимая, что даже одно его паническое слово могло лишить духа вверивших ему свою судьбу солдат.

Ослабшему от потери крови, раненному в плечо радисту Сергееву Нетапов велел пройти до Гусаровки и там переждать до наступления ночи. Тот повиновался, пошел, но, обессиленный, до Гусаровки не добрался, его укрыли скрывавшиеся от немцев в полевом кагате жители Шебелинки Елена Николаевна Семичева с дочерью Лидой. Им троим и довелось быть свидетелями того, что произошло с группой Нетапова дальше.

Сперва по тракту со стороны Шебелинки на пригорок, где разместились позиции артиллеристов, пошел бронетранспортер с десантом. Он издали открыл настильный огонь из крупнокалиберного пулемета, но был подбит Нетаповым с первого выстрела. Выпрыгнувшие из броне-

транспортера автоматчики залегли за насыпью шоссе.

Вскоре в низине послышался гул танковых моторов, лейтенант еще ничего понять не мог и действовать не торопился. Лишь потом увидели, что по тракту шел танк, а следовавшее за ним самоходное орудие свернуло в сторону, чтобы перекрыть группе путь отхода к Донцу.

Здесь, на узком пустынном пространстве между лесополосой и шоссе, Нетопову и шестерым его бойцам предстояло принять последний бой.

Несколькими прямыми попаданиями командир подбил танк и сразу перенес огонь на бежавших за ним автоматчиков, но в тот самый момент тяжело ухнуло из-за кургана самоходное орудие.

Лейтенант успел услышать рядом чей-то отчаянный вскрик, и в его глазах потухло низкое, оранжевое небо...

Когда стрельба утихла, Елена Николаевна с Лидою выбрались из накрытого соломой кагата наверх. Увидели опрокинутую вверх колесами пушку и семерых убитых русских солдат рядом с нею.

Мать и дочь отыскивали в сторожке лопаты, решили дожидаться темноты и похоронить погибших. Но вскоре увидели, как один из солдат приподнял голову, огляделся вокруг и затем медленно стал отползать к лесной полосе. Вся левая часть гимнастерки была в крови, и он, видимо, чтоб остановить кровь, сломал прикорневой прутик ясеня и обтянул им перебитую осколком руку.

Хватаясь за ствол дерева, солдат с трудом поднялся на ноги и трудным, неуверенным шагом пошел по пустынному полю в направлении кагатной сторожки. Мать с дочерью поднялись солдату навстречу. То, что произошло дальше, было, как в дурном сне.

В небе появились отбомбившиеся где-то на балаклейской переправе два низко летящих «юнкерса». Не меняя курса, они дали по одиноко идущему солдату две длинные пулеметные очереди. И он, еще не веря, что в него вошли смертельные пули, проводил недоуменным взглядом ушедшие за горизонт самолеты, надломился в ногах и упал на траву.

Женщины и похоронили его там, где он лежал с перетянутой лозинкой ясеня рукой. На холмик положили каску. Пилотку солдата, еще мальчика, с начерченной на подкладке фамилией, оставили себе. В следующую весну мать и дочь пришли поправить могилку и увидели, как рядом с солдатской каской пробился из-под земли молодой ясенек.

Следопытский телеграф

Озерлаг — крупнейший в Сибири лагерь, расположенный неподалёку от Тайшега — часть печально известного «архипелага ГУЛАГ». Старшеклассники 85-й тайшетской школы под руководством учителя Е. Селезнева взялись воссоздать историю лагеря, разыскать свидетельства сталинского террора. В этом им помогут встречи с бывшими узниками, с родственниками тех, кто был расстрелян в страшные 30-е, экспедиции по территории бывшего Озерлага.

На Одесской станции юных техников работает несколько кружков юных космонавтов. Ребята создали у себя музей «Одесские страницы в истории космонавтики». Здесь есть материалы о генеральном конструкторе ракетно-космической системы «Энергия» — «Буран», пилотируемых кораблей и станций академика В. П. Глушко. Знаменитый земляк подарил юным одеситам несколько своих книг, тепло подпisał их.

В Московской писательской организации на партбюро творческого объединения поэтов решено: создать Энциклопедию ушедших и уходящих деревень. Организовали инициативную группу. К работе над будущей книгой инициаторы приглашают и школьников-следопытов, хорошо знающих историю родных мест, нравы, традиции жителей, топонимику «малой родины». Областные и краевые организации ждут вашей помощи, ребята!

Незаконная большевистская печать в конце прошлого века приходила в Эстонию и благодаря

книгошам из деревни Скиржяме Юргису Бендикасу и Юозасу Висмантасу. Память о них хранит краеведческий музей средней школы им. М. Юнчаса-Кучинскаса в Жемайчю-Науместисе. В нем есть и другие материалы о революционном движении 1919—1940 года в Эстонии.

Весной 1918 года из Москвы в Барнаул отправилось три санитарных поезда. Они выполняли жизненно важную задачу — обменять мануфактуру на зерно, обеспечить москвичей продовольствием. «Хлебный эшелон» возглавил матрос Алексей Новиков — писатель Новиков-Прибой. Позже он еще раз вернулся на Алтай для культурно-просветительной работы и прожил здесь три года.

В музее барнаульской школы № 27 представлены экспонаты О Новикове-Прибое, о других писателях, чье творчество было связано с Алтаем. Эти материалы не пылятся, а активно используются на уроках литературы.

Все имеет свою историю, народное образование — не исключение. Большую работу по восстановлению ниточки, ведущей от первых просветителей города Солнечногорска Московской области до нынешних педагогов, проделаала О. Н. Санова. Благодаря ей, в музее при управлении народного образования города создана экспозиция, помогающая связать работу нескольких учительских поколений. В экспозиции есть подлинные документы, относящиеся к концу прошлого века, сочинения школьников, написанные в 1942 году.

В Мескетинской средней школе Ножай-Юртовского района открылся музей чечено-ингушской литературы. Здесь — рассказы о сорока чеченских, ингушских, русских писателях, портреты членов Союза писателей, автографы литераторов. Особое место занимают материалы, посвященные классику чеченской литературы Саиду Бадугеву: его книги, монографии о нем, фотокопия свидетельства о рождении Бадугева.

МУДРЫХ

Развителю

ПАВЕЛ
КАЛМЫКОВ

Школа

ИЛИ ИСТОРИИ
КОРОЛЯТНИКА

Вселенная ужасно велика!
И можно утверждать наверняка,
Что где-то — уж не знаю, где,
но где-то —
Вокруг звезды вращается планета,
Которую я выдумал вчера...

Эта планета называется «Бланеда», что на бланедском языке означает «планета». Недалеко время, когда космические корабли землян достигнут дальнего космоса, и для тех, кто полетит на Бланеду, я специально помещаю

Учебник Бланедского языка

§ 1. Язык очень сложен, и меньше чем за три минуты его выучить трудно.

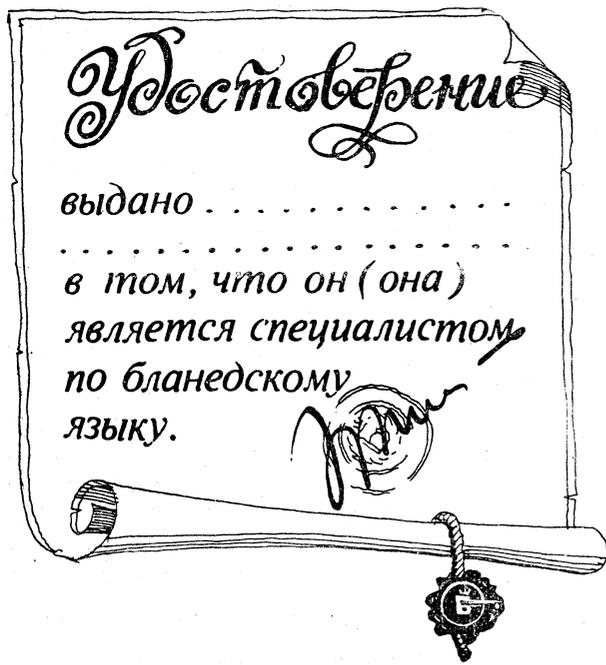
§ 2. Краткий русско-бланедский словарь.

Апельсин — абельзин
Великан — фелиган
Дракон — трагон
Крокодил — гроготил
Портфель — бордвель
Сапог — забок
Ну, и так далее.

§ 3. Упражнение. Переведите с бланедского на русский стихотворение:

Шили у папуса
Тфа фезелых кузя,
Отин пельый, трукой зерый,
Тфа фезелых кузя.

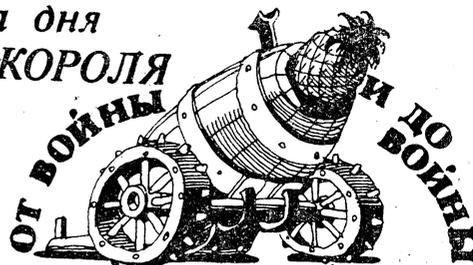
§ 4. Кто сумел перевести, — может заполнить удостоверение и лететь на Бланеду на первом попутном сфестоледе.

выдано
.
в том, что он (она)
является специалистом
по бланедскому
языку.

[192]

Два дня КОРОЛЯ

Король Врандзии Зереша Четвертый вернулся с войны. Попрощался с маршалами и генералами и пошел домой, во дворец. Во дворце на него сразу же набросились слуги, стали раздевать его, умыть, кормить, чистить ему зубы и укладывать спать. А заснул король сам, слишком он устал.

Утром Зереша Четвертый проснулся в хорошем настроении.

— Можно к вам? — спросил, заглядывая в спальню, полководец маршал Антрюжа. — Доброе утро, ваше величество!

— Доброе! — согласился король. — Как дела?

Дела у маршала были не очень. Потому он и пришел. Но неохота было так вот сразу портить королю настроение. К счастью, король про дела спросил просто так и не ждал ответа.

— Ну, маршал, как вам наша вчерашняя война?

— Да-а, — осторожно ответил Антрюжа, — еще бы чуть-чуть, и тогда бы всё...

(В каком смысле «всё», маршал предоставил решать королю).

— ...И мы бы стёрли Идалию в порошок! — подхватил Зереша. — Времени не хватило. Послезавтра кончается перемирие с Избанией. Уж эту Избанию я точно в порошок сотру!

— Вот-вот, я по поводу порошка, ваше величество. Может, отложим это дело? Может, продлим перемирие?

— Почему? — изумился Зереша.

— Ну... В общем, армия у меня разваливается, — признался полководец. — Солдаты не слушаются.

— В угол ставил? — строго спросил король.

— В какой угол, ремнем луплю. Не помогает. Давайте, говорят, получку, а то воевать не пойдем.

— А им разве не платят?

— Ни гроша, уже полгода. И мне в том числе. Но мне-то ладно, я богатый.

— Так, — сказал серьезно Зереша Четвертый. — Где министр финансов?

— ...А что сразу министр финансов?! — спросил министр финансов, появляясь из-за портьер. — Нету у меня денег, нету!

— А где они?

— Девались.

— Куда девались?

— Сами знаете, куда. На полицию — раз?

— Раз, — согласился король и загнул палец.

— Новый дворец строится — два?

— Ну, два. Чем я хуже других королей, мне тоже нужен модный дворец!

— Ананасы на полдник — три?

— А что ананасы?

— Так ведь их с Южных Островов привозят, дорогое удовольствие.

— Всё, бросаю есть ананасы. Дальше.

— Пушки новые покупали? Покупали. А порох, а лошадей, а форму для солдат?

— Ну, военные расходы — это дело святое. Остальное — то куда?

— Остальные деньги уходят на содержание дворца. Чуть меньше, чем на армию.

«Аэлит»-89

— Мама моя королева!..— вскричал потрясенный король.

Впервые он попытался представить себе, сколько во дворце слуг. И не сумел! Были слуги для натирки полов, для чистки люстр, для смахивания паутины с потолка, для проветривания королевских тапочек... Буквально для каждого самого мелкого дела был заведен слуга, а кроме того, еще имелись слуги резерва, без определенных обязанностей, на всякий случай.

— Так-так...— пробормотал король Зереша.— Ну, что ж, будем сокращать штат. Увольнять лишних. С кого бы начать?— И король внимательно посмотрел на маршала.

Маршал вытянулся в струнку. Король посмотрел на министра финансов.

— У меня предложение,— сказал министр.— Увольте армию.

— А воевать кто будет?

— Никто. Вот и сэкономим.

— Шутите! Кто же нам без боя покорится? И потом, нас тогда самих ведь кто-нибудь завоюет.

— А, ну да, правильно, как я сам не подумал? Ну, тогда увольте учителей принца Мижи.

— А мой сын будет расти неучем?

— А он, только не обижайтесь, и так растет неучем. Двадцать педагогов день напролет в карты режутся, а его высочество в парке гуляет.

— Да, двадцать— это многовато. Надо отыскать одного, но уж самого лучшего. А сейчас— эй, позвать сюда всех слуг дворца!

Вскоре просторная королевская спальня была полна народу, а слуги все прибывали и прибывали.

— Хватит, хватит!— крикнул король, влезая на кровать.— Закройте двери.

Все слуги разом бросились закрывать двери и чуть не передавали друг друга. Зереша Четвертый дождался порядка и сказал:

— Слуги мои верные! Из-за плохого финансового положения у нас в казне кончаются деньги. И сейчас мы кое-кого из вас уволим. Вот ты,— король показал пальцем,— ты... нет, не ты, а вот он...

Слуги стали прятаться друг за друга.

— Ты, ты, ты, еще вот ты... И вы двое. Да-да, я— вам, не оглядывайтесь. Вы останетесь, остальные уволены. Дворцовую форму сдавать в гардероб, и до свидания.

Уволенные слуги в голос заплакали. Когда они ушли, на полу остались лужи слез и мокрые следы. «Само высохнет»,— подумал король.

Назавтра одежду, оставшуюся от слуг, продали по дешевке на базаре и уплатили солдатам получку. Напослезавтра король Зереша Четвертый произнес перед войсками речь:

— Солдаты! Несчастный народ Избании только и ждет, когда же мы освободим его от тирании избанского короля. Вперед, на Избанию!

— Да здравствует король!— удовлетворенно гаркнули солдаты, получившие первую за полгода получку.

Есть на Бланеде город под названием Дазборг. Его основал один простуженный рыцарь. У рыцаря

был хронический насморк, и этим звучным словом был назван город.

В те времена, о которых я пишу, Дазборг был столицей страны под названием Здрана. В Здране короля не было. Раньше был, да сплыл. В память об этом последнем короле, глупом и жестоком, на главной площади Дазборга висел памятник. Раз в год, в День Сплытия короля памятник опускали и торжественно вешали снова.

А на окраине Дазборга жил старый педагог, профессор-пенсионер Ифанов. Жил профессор в маленьком доме совсем один и страдал от безделья и радикулита.

Пока профессор страдал, в Дазборге стали выпускать газету. От руки. Сидели в редакции триста переписчиков, а редактор ходил и проверял ошибки.

Вот что в ней писали.

«Новости политики. Позавчера возобновилась война между Врандзией и Избанией. Король Врандзии Зереша Четвертый пообещал стереть Избанию в порошок. Впрочем, то же самое обещали когда-то его отец и дед. Избанский же король Фазя Девятый заявил, что на этот раз покажет Врандзии, где раки зимуют. Места зимовки раков и другие вести с фронтов будут печататься в нашей газете. Читайте газету!»

«Новости моды. На балу у короля Англии герцогиня Феронига привлекла общее внимание прической высотой три метра. В связи с модой на такие высокие прически в моду входят также дворцы с высокими дверями».

«Морские хулиганы захватили еще один английский корабль, груженный драгоценностями. Королевский флот Англии не смог найти грабителя в океане. Английский король считает это хулиганство делом рук своего брата, короля хулиганов, за голову которого уже назначена премия в миллион золотых».

«Объявление. Известный педагог профессор Ифанов ищет учеников. Плата не нужна. Обращаться в город Дазборг».

Через несколько дней газета поместила еще одну заметку:

«В моду вошел профессор Ифанов. Это лучший на Бланеде воспитатель подрастающих королевичей. Король Врандзии уже отправил посланника, чтобы пригласить модного профессора в придворные учителя».

...Для всех королей было три самые страшные вещи: I— умереть, II— потерять престол, III— отстать от моды. И помчались со всех концов к Дазборгу всадники с одинаковым поручением— залучить к себе бесплатного профессора.

В один дождливый день первый посланник добрался до Дазборга и позвонил в дверь к профессору. Ифанов впустил в дом насквозь мокрого человека. Грязная лошадь незнакомца осталась мокнуть у калитки.

— Я из Врандзии,— сказал важно незнакомец. С усов и чубчика его капала вода.— Я посланец короля Зереша Четвертого. Ваше объявление?— он показал газету.

— Моё,— заволновался профессор.

— Его величество приглашает вас стать учителем его высочества Мижи. Вы согласны, конечно?!

— Ох! Подождите, дайте опомниться...

И тут в дверь снова позвонили. На пороге стоял еще один незнакомец. Тоже мокрый, но рыжий.

— Собирайтесь!— рявкнул он так, что профессор вздрогнул.— Вам выпадает великая честь— обучать нашего наследника, принца Фидалига! Скорее одевайтесь, у нас мало времени!

— Не слушайте его, профессор,— сказал спокойно посланник Врандзии.— А вы, милейший, опоздали. Д-до свидания.

— Это еще кто?— взревел второй посланник.— Давно шпагой не протыкали?

— Ну, что вы ревете, как дикий осел?

— Стойте! — воскликнул профессор Ифаноф, но было поздно. Посланники скрылись в комнате, оттуда послышался звон шпaga, бьющейся посуды и треск мебели. Ифаноф ждал. В дверь снова позвонили. Это был третий мокрый незнакомец. Он вошел с улыбкой и с ходу затараторил:

— Здравствуйте здравствуйте вы наверно профессор Ифаноф что это я спрашиваю сразу видно что вы профессор отличная погода не правда ли я с детства люблю дожди а вы... — Незнакомец вдохнул воздуха и продолжил: — Я посланник короля Идалии прилетел к вам от него хорошая страна Идалия слышали о такой а что там у вас за шум...

Посланник из Идалии заглянул в комнату и рухнул, сраженный цветочным горшком. «Пропал мой фикус», — подумал Ифаноф.

Шум стих. Из комнаты вышел, пошатываясь, врандауз.

— Вы поедете со мной, — сказал он и мягко свалился на пол.

Снова раздался звонок. Профессор открыл.

— Посланник? — спросил он мокрого человека. — По поводу наследника? Вы уже четвертый... — сообщил Ифаноф.

Посланники прибывали до вечера и всю ночь. И тридцать четыре дуэли состоялись в доме профессора. Потом Ифаноф вызвал полицию, и полицейский с порога отправлял всех посланников в гостиницу.

Короли, думал профессор, народ упрямый. Друг другу не уступят. Сегодня дерутся их посланники, а завтра, глядишь, вся Бланеда передерется... Думал Ифаноф, думал и, наконец, придумал.

Утром он сказал посланникам:

— Дорогие посланники! Я очень уважаю ваших королев и никому не могу отказать. Словом, я принимаю все предложения сразу. Передайте королям — пусть привозят наследников...

Посланники бросились к своим лошадям и, разделившись на две кавалькады, поскакали по дороге в разные стороны. Комья грязи после дождя летели из-под копыт.

Дворец находился в лесу, за городом и был уже триста лет как заброшен. То ли тогдашний король бросил его в связи с переменной моды, то ли клопы завелись. Словом, бросил и запретил к нему приближаться под страхом смерти. И вот вокруг дворца вырос лес, а внутри дворца — джунгли: так разрослись экзотические растения, стоявшие в бочках по коридорам.

Профессору пришлось нанимать лесорубов, маляров, столяров, поваров, закупать продукты, чернила, бумагу, парты, кровати, матрасы... За всеми заботами у него не оставалось времени даже на радикулит. И тут, на счастье, нашелся замечательный человек — по имени Гослоф: по профессии — дворник, а по таланту — завхоз. Едва Гослоф взялся за дело, как сутеня и неразбериха исчезли. Профессор радостно вздохнул и принялся встречать королевичей.

Один королевич уже приехал. Его папа — долговязый король Доля Второй — был очень самостоятельным королем. И принц Доля Третий тоже был долговязый и самостоятельный. Он приехал на осле, привез жареную курицу, ящик с инструментами и папин портрет. И всё. Дворец еще не был готов, и Доле пока поставили раскладушку в первой же расчищенной от джунглей комнате. (Вернее, палате — во дворцах ведь палаты).

После Доли пришла еще карета. Профессор сам встретил ее.

— Кто это у нас приехал? — спросил он.

Распахнулась дверца, перед ней выстроились коридорчиком слуги. Придворный вывел карапуза в королевской одежде и громко объявил:

— Его высочество Фофа! Наследный принц Англии, граф Тарарамский, князь Трататамский, герцог Драмбамбамский!.. Полковник артиллерии, инфантерии и кавалерии, кавалер орденов Гордости, Доблести и Военной Мудрости трех степеней!..

Профессор почтительно выслушал титулы, недоумевая, когда это малыш успел дослужиться до полковника.

Затем кареты пошли караванами.

Образование для королев — не последнее дело. Много чего они должны знать... например, то, что ворон можно учить говорить, но нельзя им позволять большее.

Лирическое Отступление

Лошадиные стихи

Носимся мы по горам и долам —
Кони гнедые, буланные, пегие...
Всадники мчатся по важным делам...
Им, значит, надо, а мы, значит, бегаем!
Мы понимаем: они не со зла,
Ведь не имеют они представления,
Что, может, у лошади тоже дела,
И, может, ей нужно в другом направлении...

Дворец,
проспавший
300
лет

Глава правительства Здраны был мудрым политиком. Он очень обрадовался, что конфликта не вышло и можно и дальше поневоевать. На радостях он предоставил Ифанофу старый королевский дворец, где сам хотел устроить дачу.

Лирическое Отступление

Король Мирон любил ворон.
Особенно — одну ворону...
Кормил из рук, а как-то вдруг
Ей подарить решил корону.
Но рядом был — остановил
Его министр обороны.
Сказал он, пальчиком грозя,
Что допускать никак нельзя,
Чтоб миром правили вороны.

СИНИЙ
ЛЕОПАРД,
ЧЕРНЫЙ
КРОКОДИЛ
И СКАТЕРЬ-
САМОБРАНКА

Когда разместили высочеств по палатам, получилось шесть палат: три — мальчиков и три — девочек.

Три класса: младший, старший и средний. Самые маленькие высочества были, как наши первоклассники, самые старшие — как наши шестиклассники. А семиклассников на Бланеде можно было женить.

Сначала королевичи и королевны были все такие важные и надменные, сидели по палатам и молчали. Но не век же молчать! И вот один принц из младшего класса сказал:

— А мой папа — самый великий король, он одной ружью солдата поднимает!

— Ой, солдата!.. Да мой — двух солдат! — отозвался другой королевич.

— А мой — трех!

— Да ты же говорил, что одного?

— Это правой — одного, а левой — трех или четырех.

— А у моего папы армия больше всех!

— Ну, а сколько у него солдат?

— Миллион!

— Ха, у моего — два миллиона!..

— А у моего, у моего — миллион миллионно!

— ...А я стану королем, всех вас разобью!

— А я...

Угадайте, чем закончился этот спор? Угадали: маленьким побоищем. А чем закончилось побоище? Опять угадали: синяками и шишками. Синяков хватило бы на небольшого синего леопарда. Вот так принцы младшего класса и познакомились.

Принцессы-младшеклассницы в соседней палате почему-то не дрались, а совершенно мирно играли в куклы. Водили их друг к другу в гости и устраивали балы.

А королевны среднего класса были уже слишком взрослые, чтобы так вот просто играть в куклы. Все они были в модных платьях с вот такенными юбками, на головах красовались высокие прически. Две королевны между собой вежливо беседовали.

— Вы, наверное, приехали с юга?

— Из Избании. Я принцесса Надажа Избанская.

У моего папеньки дворец из розового мрамора.

— Ах, что вы говорите! Как интересно! А у нас

в Пуркунтии три дворца, и все из белого камня...

А рыжая принцесса Лита слушала их, слушала, и вдруг ей стало смешно. Все на нее посмотрели, а она распустила свою прическу и сказала:

— Да ну ее. У нас так не носят.

— Правда? — удивилась Надажа Избанская. — А вы откуда приехали?

— Ниоткуда! Надо откуда. Секрет. Да ну, чего вы, как эти самые?! Давайте подушками лучше кидаться!.. Кудрявую Зонечку заело любопытство.

— Лита, а Лита! — подошла она попозже. — Ну, я никому не скажу! Откуда ты приехала? Ну, скажи... — Не могу, — отвечала Лита совершенно серьезно. — Это, правда, секрет.

— Ой, задавала, — сказала Зонечка. — Ну и не надо! Все равно узнаю, всем будет сказано...

У королевичей среднего класса стоял грохот. Это длинный Доля прибывал над кроватью папин портрет. Братья-близнецы Ветя и Фидя играли на полу с котенком. Котенок Мурсиг изображал гигантского черного тигра, побеждающего войско оловянных солдатиков. Солдатики с криком «Мамочки!..» разлетались по всей палате, братья хихикали, а гордый королевич Гольга сидел на кровати и злился. Он думал, хихикают над ним. Наконец, когда солдатики стали залетать уже под гольгину кровать, он не стерпел, отчертил куском штукатурки линию на полу и сказал:

— Всё. Это моя территория. Кто сюда залетит, сам виноват будет.

Тут маленький принц Журиг возмутился:

— Ничего ты себе территорию отхватил! Вот граница, — Журиг тоже отчертил линию, — здесь уже моя земля. Кто пройдет без разрешения, тот на букву «п». — И пояснил: — «Палда».

(195)

Остаток пола разделили близнецы и длинный Доля. Еще один житель палаты — Мижка (помните, сын короля Зереша Четвертого?) — где-то гулял, и земли ему не досталось. До своей кровати ему пришлось бы теперь прорубаться с боями сквозь чужие земли. Назревала война. Хитрый Журиг уже предлагал Вете и Фиде военный союз, когда пришел завхоз Гослоф со шваброй.

— Запоминайте, ваши высочества, как это делается, — сказал завхоз, смывая все границы. — Король должен всё уметь, тогда будет порядок в королевстве. Хороший король — это хороший завхоз. Вот, оставляю веник, швабру, тряпку, ведро, это все теперь ваше, — и ушел.

А через окно прямо на свою кровать залез толстяк Мижка.

— Здорово, мужики! — сказал он.

— Мы тебе не мужики, — гордо ответил Гольга.

— А чего ты сразу обижаться? Немужики, я так считаю, нужно жить мирно, — толстяк Мижка в отличие от своего папы Зереша был очень спокойным и мирным человеком.

— Можно к вам? — спросил знакомый добрый голос, и в палату вошел профессор Ифанов. Он привел еще одного королевича. Да не простого, и не рыжего, а чернокожего! И на плече у королевича сидел попугай!

— Здесь ты будешь жить, — сказал ему Ифанов. — Вот кровать, занимай.

А чернокожий королевич сказал профессору:

— У вас красивый голос. Как у доброй вороны.

— Ну, спасибо, — обрадовался профессор. — Ладно, знакомьтесь, а я пойду, там еще кто-то подъехал.

Новенький огляделся, сияя улыбкой, и сказал громко:

— Крокодил!

— Кто крокодил! — подскочил гордый Гольга. Он подумал, что это про него.

— Фамилия моя Крокодил, — объяснил новенький. — Нравится?

— Хорошая фамилия, — похвалил Журиг. — А за что тебе ее дали?

— А, это у нас на Южных Островах сперва одни звери жили, а потом часть зверей ими и остались, а другие в людей превратились. Мой предок был крокодилом, а стал королем. Так и осталась фамилия. Дед был Беда Крокодил, отец — Мида Крокодил. А я — Крижа Крокодил. А Чим — попугай.

— Говорящий? — спросили братья Ветя и Фидя.

— Учится. О, а это кто?

— Это наш котенок, — похвастались братья. — Зовут Мурсиг.

— Да! — сказал котенок. Мурсиг не умел говорить «мяу». Он говорил: «Да».

— На меня похож, — сказал Крижа Крокодил, — тоже черный. У нас есть такие же, только крупнее, пантеры называются. А еще тигры есть...

До вечера королевичи слушали рассказы про тигров, удавов, слонов, бегемотов.

А королевичи-старшеклассники до полуночи рассказывали анекдоты.

— ...Приезжает рыцарь свататься. А король говорит: «Сначала надо убить дракона. Езжай на север, и пока не убьешь — обратно не приезжай». Рыцарь поехал на север. Видит — огромная гора. А в ней пещера. Он туда заезжает и кричит: «Эй, дракон! Выходи биться!» А дракон отвечает: «Биться так биться. Только зачем же с лошастью ко мне в ухо влезать?»

— ...Один королевич решил убить великана-людоеда. Прилетает к нему на ковче-самолете: «Эй, людоед, сдавайся!» А людоед спрашивает: «Принц, а принц, а что это за тряпочка, на которой ты сидишь?» — «Это

«Аэлита»-89

ковер-самолет!» — «А мне кажется — скатерть-самобранка! Хрум-хрум-хрум!»

За полночь принцы уgomонились.

Принцессы старшего класса промолчали весь день. До позднего вечера они сидели на стульях в величественных королевских позах, высоко держа головы с прическами на стройных шеях, и звенки прикрывали веерами. Догорали свечи, гасли одна за другой, и принцессы с независимым видом раздевались и ложились в постели.

Среднеклассницы заперлись на крючок, и сквозь дверь их палаты доносились смех и визг, скрип кровати, топот босых ног и хлопанье подушек. Принцессы скакали по кроватям в ночных рубашках, и атаманшей у них была рыжая Лита. Когда чуть не высадили подушкой окно, худенькая черноволосая принцесса Дамара стала рассказывать разные истории. В самых страшных местах она таращила свои и без того большие глаза.

— Давным-давно, триста лет назад, мы жили в старом замке. Мой отец был бароном, а мать — баронессой. И вот однажды родители в золотой карете уехали на бал к королю, а в замке остались только я, сестра и слуги. Ну, мы с сестрой стали играть, будто у нас тоже бал, танцы... И вдруг слышим, такой голос говорит: «Девочки, девочки, в ваше имение въезжает Черный Рыцарь». А мы думаем: «А, показалось!» — и дальше танцуем. Целый час проходит, мы уже про это забыли, и тут опять такой голос говорит: «Девочки, девочки, Черный Рыцарь подъезжает к вашему замку». Сестра говорит: «Ты слышала?» А я отвечаю: «Нет, ничего не слышала, это тебе показалось». А самой страшно... А голос уже говорит: «Черный Рыцарь стучится в ваши ворота». И слышится такой стук. Подходит слуга и спрашивает: «Открыть?» Сестра говорит: «Не надо!» А я думаю: «Ну, и что, подумаешь, черные латы. Чего мы будем бояться благородного рыцаря?» И говорю слуге: «Открывай!» Слуги опускают мост, открывают ворота, и въезжает такой рыцарь... Латы, как черное стекло, сверкают, сам смуглый, брови и глаза черные такие, пронзительные. И перо на шлеме черное, и конь черный-пречерный... Слезает он с коня и так изысканно кланяется. И говорит мне: «Сударыня, я странствующий рыцарь, своими подвигами я прославляю имя дамы моего сердца. Я хочу попросить у вас ночлега».

А моя сестра влюбилась в него с первого взгляда, сразу про все страхи забыла. В общем, пригласили мы его в гостиную, поужинали с ним, побеседовали, а потом стали играть в карты. Ну, вот, а у меня карта под стол упала — дама пик. Я нагибаюсь и вижу: рыцарь под столом разулся, а у него вместо ноги — копыто... Я подняла карту, он на меня так посмотрел и ничего не сказал. Ну, мы доиграли, а потом пошли по своим спальням. А сестра ничего не знала. Я у себя заперлась, всю ночь от страха продрожала. А утром просыпаюсь, а сестры нигде нет. Зову слуг — не отвзываются. Захожу в сестрину спальню — она стоит посреди комнаты с испуганным лицом и окаменевшая. Потом нашла слуг — они тоже все каменные.

196] А рыцаря и след простыл. А у меня в покоях к столу кинжалом приколотая записка: «Вас спасла пиковая дама». В общем, этот рыцарь был сам чёрт. Он всех превращал в камень, кроме тех, кто узнавал, что он чёрт...

Девочки заморожено молчали. А потом Надажа шепотом спросила:

— А сестра так и осталась каменная?..

— Нет, она простояла семьсот лет, вся покрылась пылью и паутиной, даже платье ее истлело, а замок наполовину развалился. А потом ее увидел прекрасный принц и решил, что это статуя. Но она была такая прекрасная, что он ее поцеловал, и она ожила.

— А слуги?

— А слуги так и стоят...

Когда девочки уже засыпали, вдруг раздался дикий визг! Все повскакивали и увидели испуганную Зонечку.

— Ну, что орешь, как эта самая?.. — недовольно сказала Лита.

— Там в окно кто-то черный... Девочки, я боюсь.

— Да ну, — Лита подошла к окну, — тебе показалось. Никого нет.

— Показалось!.. Приснилось!.. — сказали принцессы и легли спать.

Зонечка побоялась еще немного и тоже заснула.

...Знали бы они, что ничего не показалось! Что в самом деле в окно заглядывал человек в черном!

В Дазборге, на площади Простуженного Рыцаря, жил министр войны.

Здрана, как вы помните, со всеми королями заключила мир, армию почти всю распустили, а министра хоть пока и оставили на всякий случай, но делать ему было совершенно нечего. На заседания правительства он не ходил, целыми днями валялся дома в постели и читал книжки про войну. А в перерыве между книжками пил чай с булочками и вареньем.

— Эй, кто-нибудь! Чаю!.. — крикнул министр и перевернулся со спины на живот.

В спальню кто-то вошел. «Слуга, — подумал министр, — сейчас скажет: «Ваш чай, господин министр». Но слуга ничего не говорил. Министр оглянулся. Посреди спальни стоял смешного вида человек — маленький, пузатый, носатый, пучеглазый, да еще и лысый... Министр вскочил, вытянулся по стойке «смирно». Человек усмехнулся и тихим, как будто спокойным голосом стал ругаться:

— Лежим? Книжечки почитываем? Прекрасненько!..

— Господин Марг! — начал министр. — Я...

— Ты болван! — перебил господин Марг. — И больше никто. И этого болвана я учил уму-разуму! Это его я сделал из офицеришки маршалом! Членом правительства!.. Значительной фигурой, министром! Этот болван забыл всё доброе. Забыл!

Министр еще не знал, за что его ругают, но на всякий случай покраснел.

— Ничего не забыл, — прошептал он, теребя кружева на пузе.

— Ты позволил этому своему профессору, как там его, устроить королевский интернат?

— Он не мой, он главы правительства знакомый, — стал оправдываться министр. — И что тут такого, господин Марг, ну, подумаешь — интернат... Если бы он взял только нашего наследника — была бы война. А у меня два полка на огороде работают, и если что — я зимой без картошки остался бы...

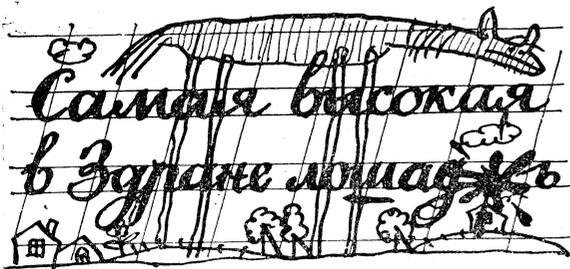
— Болван!! — повторил Марг. — Войны он испугался!.. Картошка у него!! Да кто ты такой без войны!! Да никто! Лежишь тут, дурака валяешь, а твой пороховой заводик скоро закроется. Кому нужен порох, если мир на дворе? — Марг принялся по-хозяйски расхаживать по спальне. — ...Ладно. Еще не все потеряно. С этого дня ты будешь ходить на все заседания. Рано или поздно этот твой профессор придет просить у правительства денег. Твоя задача — чтоб он денег не получил, понятно?

— Понятно! — сказал министр. — ...А как это?

— Очень просто. Есть такой закон: пока у членов правительства имеются вопросы, решение не принимается. Значит, придет профессор, скажет: «Дайте денег», а ты ему — вопрос: «А зачем?» Он ответит. А ты — другой вопрос: «А почему именно столько?» Он ответит. А ты — третий вопрос, пятый, десятый... Пока профессор не поймет, что просить бесполезно, и не уберется. Ну, а без денег его интернат долго не протянет.

— Понял, господин Марг! — обрадовался министр.

Господин Марг возвращался домой пешком. Был вечер, на улицах веселилась молодежь. Но где появлялся господин Марг, песни смолкали, веселое настроение пропадало, люди провожали его угрюмыми взглядами. Почему? Узнаете. А пока скажу, что господин Марг был самым богатым человеком по всей Здране.

Через несколько дней в Школе Мудрых Правителей (сокращенно — ШМП) начались занятия. Предметов было всего четыре. Самый главный — политику — Ифанов преподавал сам. А еще он пригласил в учителя трех своих давних друзей, бывших учеников. Сухонький и очень подвижный мастер Дзаблин стал учителем техники. Добрый бородатый силач Ниглаеф — учителем природы. Изящный и лохматый мастер Зиторенго — учителем культуры.

Вместо расписания в коридоре висела доска рекламы и объявлений.

«Темной ночью двое неизвестных зарыли в парке КЛАД! Мне удалось заполучить план, зашифрованный математически. На поиски клада приглашаю младший класс. Итак, во вторник утром. Пароль: «Клад зарыли темной ночью». Ниглаеф».

«НЕБЫВАЛЬНЫЙ НОМЕР!! Поднятие целой лошади одной рукой! Состоится во вторник! Приглашается средний класс. Ответственный за поднятие — мастер Дзаблин».

«ДЛЯ ВСЕХ ЖЕЛАЮЩИХ открывается кружок фехтования. Записываться у maestro Зиторенго».

В нижнем углу доски скромно поместилось еще одно объявление: «ЛИТКА — РЫЖАЯ». В данный момент его автор — королевич Журиг (кстати, сам тоже рыжий) — вдохновенно рисовал под объявлением порт-

рет принцессы Литы, воровато при этом оглядываясь. Остальное мужское население Школы делало перед Дворцом зарядку.

Из кустов вёл наблюдение человек в черном. Конечно, это был не чёрт, и не призрак, и не рыцарь, — а секретный агент под кодовым номером 49. Среди машущих ногами он высматривал одного-единственного принца. Но почему-то не видел.

В хозяйстве Школы Мудрых Правителей имелась специальная учебная лошадь. На ней малыши учились сидеть верхом. На ней пахали на уроках природы. Ее рисовали на уроках культуры. И звали ее Зафразга. Сегодня Зафразге досталась роль лошади, поднимаемой одной рукой.

Механизм для подъема был не такой уж сложный, но большой. Основой служило огромное дерево. На высоте метров пятнадцати через ветку был перекинут рычаг — ствол дерева поменьше. С короткого конца рычага свисал канат для подвязывания лошади, а с длинного — веревка. Конец этой веревки мастер Дзаблин наматал на ворот, вроде того, каким вытаскивают ведро из колодца.

Внизу под деревом собралась вся Школа, все три класса и учителя. Мастер Дзаблин распорядился:

— А ну, расступись, дайте лошади пройти! Не толкайтесь, всем видно будет!

И мастер принялся крутить ворот одной рукой. Веревки натянулись. Наверху что-то заскрипело, посыпались крошки коры. Ствол-рычаг выгнулся дугой. Лошадь тоже. В толпе зрителей слышался напряженный шепот: «Хоть бы веревка выдержала...» Мастер все так же спокойно крутил ворот. И вот зафразгины копыта оторвались от Бланеды!

— Ура-а-а! — раздался дружный крик.

— Поехали!..

— Поднимается!

— А можно мне покрутить? — подскочил к мастеру Журиг.

— Держи. Не упусти...

Журиг с усилием провернул ворот и сказал:

— Легкота!

— Ну, хватит, ты, наверное, не один, — сказал Гольга, — все хотят!

— Я за Гольгой, — предупредил Миза.

Зафразга уже поднялась высоко — смиренно висела над всеми и медленно поворачивалась. Она была привычна ко всему. Но когда за ворот взялись девочки — первая, конечно, Литя, а потом Дамара, — Зафразга жалобно закричала по-лошадиному:

— Ну, может, хватит издеваться!

Дамара вздрогнула и чуть не упустила ворот.

— Осторожно, лошадь уронишь! — предостерег ее мастер. — Всё, всё, животное ржет, пора опускать.

Зафразга медленно поехала вниз и была совершенно счастлива, ощутив под копытами твердую опору.

Конопатый королевич Журиг был родом из хитрой страны Танин. Именно в Танин находилась лучшая на Бланеде шпионская школа, и говорили, будто выпуск-

ники этой школы могут проходить сквозь стены и становиться невидимками.

А еще в Тании было слишком много королей, все они считали себя законными и боролись за власть. Борьба шла с переменным успехом, и случалось, менялось по три короля на дню. Дошло до того, что жителям Тании было уже почти всё равно, кто там сегодня на троне.

Боролась за власть и Журигова мама: строила заговоры, плела интриги. Иногда ей удавалось покорить неделю-другую. Все это время она ничего не ела, чтобы не отравили, почти не спала, чтобы не убили, и вместо государственных дел занималась разоблачением козней соперников.

Едва Журиг родился, как его несколько раз подменили. Во дворце, где он рос, было множество закоулков, скрытых ходов, потайных комнат. За каждым углом кто-то стоял — подслушивал, подглядывал, подкарауливал. Ходили там только на цыпочках. Правду говорили редко и только шепотом.

И вот, в очередной раз захватив престол, мама Журига отправила сына в Здрану, подальше от злых глаз. Видимо, по привычке, но Журигу и здесь казалось, что за ним кто-то следит...

Журиг встретил в парке Гольгу и Мижу.

— Гольга, скажи «восемь», — предложил Журиг.

Гольга бы сказал «восемь», а Журиг бы добавил в рифму что-нибудь обидное, поэтому гордый Гольга не стал говорить «восемь», а сразу погнался за Журигом:

— Насмехаться?! Я вот тебе понасмехаюсь!

— Не буду, не буду! — запищал Журиг, увертываясь от Гольги. — Ну, всё, всё, Голечка, не буду!

— Смотри мне, — сказал Гольга. — Последний раз прощаю.

(А что ему оставалось делать, если зловредный Журиг бегал быстрее?)

Но от Журига не так просто было отделаться:

— Голечка, а кто у тебя на королевском гербе нарисован?

— Уйди-и!

— Ну, кто?..

— Ну, дракон.

— Здорово! — восхитился Журиг. — А может, ты потомок дракона?

— Может быть. Тебе-то что?

— А давай проверим. Отрубим тебе голову... Если новая вырастет — тогда потомок. А если нет — самозванец.

— Опять насмехаться?! — возмутился гордый Гольга.

А тут подошли близнецы Ветя и Фидя и озабоченно сообщили:

— Мурсиг пропал. Дома не ночевал и утром не пришел. Молоко со вчерашнего дня стоит нетронутое. Это было посерьезнее Журиговых шуточек. Пропал котёнок, любимый, почти родной... Который и «мяу»-то не выговаривает... Принцы-среднеклассники бросили все дела и до самого вечера искали своего Мурсига по всему дворцу и всему парку. Потом долго не могли заснуть — думали о котенке.

— Может, в речке утонул, — предположил Журиг. — Увидел рыбу, прыгнул за ней — и каюк...

— Да ну, — сказали Ветя и Фидя. — Коты еще как плавают!

— У меня когда-то слоненок был, — со вздохом сказал Грижа Крокодил. — Так он в джунглях заблудился.

— А точно! — осенило Долю Длинного. — Надо на втором этаже в джунглях посмотреть!..

Триста лет никто не бывал на втором этаже дворца. Дверь туда была заколочена. Но положение никогда не бывает БЕЗВХОДНЫМ. Уже в первый день хитрый Журиг разведдал, что наверх ведет еще одна лестница — винтовая, с черного хода.

Ранним утром, когда птицы еще молчали, и даже повариха тетя Наздя еще спала, к черному входу подкрались на цыпочках семь человек. Шедший впереди распахнул дверь, махнул рукой и бесстрашно шагнул в темноту. Раздался ГРОХОТ! — и из двери посыпались ведра и лопаты, которые завхоз аккуратно поставил на лестнице.

Из кустов осторожно выглянуло заспанное лицо в черной маске — грохот разбудил агента № 49. «Чертенята! — прохрипел про себя агент. — Ни днем, ни ночью покоя нет». И снова скрылся в кустах.

Экспедиция вступила на лестницу. Впереди хромал Гольга (его стукнуло ведром по коленке). Журиг зевал от волнения. Близнецам Вете и Фиде всю ночь снился Мурсиг — будто сидит он на ветке в джунглях и жалобно кричит: «Да!», а со всех сторон к нему подкрадываются хищники. Криже Крокодилу не терпелось увидеть местные джунгли. Спокойный толстяк Мижа надежно прикрывал экспедицию с тыла.

Свет на лестницу проникал откуда-то сверху. Висела мохнатая от пыли паутина. Пауки давно куда-то исчезли. На стене королевичи разобрали старинные буквы: «ЛЕЖА». «Дурак ты был, Лёжа», — подумали королевичи.

Дверь на втором этаже сгнила и еле держалась. И вот они — джунгли!

— У-у-у, какие же это джунгли... — разочарованно протянул Крижа Крокодил.

— А что?

— Нет, вообще-то джунгли... Но не такие джунгли.

Под ногами лежала земля. Тонкие деревянные стволы, извиваясь петлями; тянулись под потолок. Гирлянды желтых листьев висели поперек и наискосок. В беспорядке торчали цветы — огромные и маленькие, бледные и яркие...

— Вперед! — сказал Гольга и взмахнул ножом, разрубая лиану.

Гольга был гордый. Королевство, где правил Гольгин отец, тоже было гордое, хоть и небольшое. Располагалось оно в горах, разделявших Идалию и Врандзию. И все время его кто-нибудь осаждал — то идальянцы, то врандзузы, которые воевали между собой; то кто-то ехал воевать к идальянскому королю или в гости к врандзузскому, — и маленькое королевство всегда оказывалось на пути. А иногда Гольгин отец и сам объявлял войну, устраивая набеги в одну из соседних стран. Характер у короля был не сахар. Бывало, напьется пьяный и бьет всех, кто попадет под руку. Даже королеву... Все во дворце его боялись. А вот Гольга вырос почему-то не запуганным, а гордым. Он даже с отцом дрался. И отец его втайне уважал.

И вот сейчас, в джунглях, одним ножом работали все по порядку, а второй нож Гольга не уступал никому.

Доля Длинный, передавая в очередной раз кому-то нож, сказал:

— Надо изобрести джунглерубатель. На лошадином ходу.

— Сюда и лошадь-то не затащишь... — отозвался Крижа Крокодил. — У нас джунгли лучше. Там птицы поют, обезьяны кричат, тигры рычат, крокодилы пасти разевают...

— Только крокодилов тут и не хватало, — сказал Журиг. — Вот у нас, в Тании, раньше тоже было много крокодилов. А потом их комары закусали.

— Комары?! Крокодилов?.. — удивился Крижа Крокодил. — Таковую шкуру?..

— А-а... ну, это были не просто комары. Это была помесь комара и дятла — комары-долбоносики, крокодилоеды. Облепят крокодила — и давай долбать... Так всех и задолбали.

— А людей?

— Нет. Крокодилами только питались.

— Комната! — сказал Гольга. — Зайдем!

Странное дело, дверь в комнату была нараспашку, но растения сюда почему-то не забрались. На столе, в раскрытом шкафу, на полках — всюду стояли колбы с жидкостями, баночки с порошками. Валялись книги, битое стекло, и всё припудрено пылью. Алхимическая лаборатория!

— Сейчас мы что-нибудь схимичим! — обрадовался Доля и принялся сливать в одну колбу все жидкости подряд. Жидкость в колбе вскипала, дымилась, меняла цвет. Волшебство! Увлечшись, королевичи подавали Доле все новые химикаты:

— А вот этого порошка сыпани, что будет? Здорово!..

Мижка листал на столе алхимическую книгу. «Чтобы изготовить гомункулюса, — говорилось в ней, — возьми восемьсот двадцать три капли человеческой крови, вытекшей из носа в безлунную ночь, добавь туда истертые в муку зубы тигра, сколько требуется, корня красной травы...» Далее шли еще несколько десятков разных компонентов, а потом заклинания и непонятные знаки. «Замысел свой держи в тайне, — предупреждала книга, — иначе всё пропало».

— Да, умные люди эти алхимики... — сказал Мижка. — Почти как колдуны.

Журиг отыскал какое-то вещество, и едва всыпал его в колбу, как колба стала нагреваться, а из горлышка полезла пена. Доля заткнул горлышко пробкой и крикнул:

— Отходи! Сейчас лопнет!

Бабах!!! Пробка выстрелила в потолок, мижка хлынула фонтаном и залила весь стол.

— Рецепт! — спохватился Мижка.

Но было поздно. Чернила моментально размылились. Журиг достал из шкафа еще две бутылки.

— Хватит, — сказали Ветя и Фида, — мы тут развлекаемся, а кот, может, уже умирает.

И они пошли дальше.

— Один алхимик, — сказал Доля Длинный, — получил в колбе сверхтяжелое вещество. Такой маленький-маленький шарик. Так вот, этот шарик продавил в колбе дырку, пробил пол и ушел куда-то вглубь, к центру Бланеды. Весь центр Бланеды состоит из такого вещества.

А Мижка всё вздыхал:

— Рецепта жалко! А то бы гомункулюса сделали.

— А что такое... этот... как ты его назвал? — спросил Крижа Крокодил.

— Гомункулюс? Искусственный человек. Химически полученный.

— А зачем?

— Для интереса.

— Знаю я эти интересы! — сказал Журиг. — У нас в Тании во дворце алхимик живет. Яды приготавливает. Так он однажды сделал десять штук гомункулюсов. И не маленьких, а здоровых. Тупых-растухи!.. Отдал их в армию капралами служить, а полочку за них себе брал. А еще он фальшивое золото из ртути и серы варит. И весь интерес.

1991

— Все равно интересно сделать гомункулюса, — сказали Ветя и Фида. — Играть с ним.

Крижа Крокодил подумал и неожиданно сообщил:

— У нас в джунглях таких полно.

— Гомункулюсов?!

— Ну да. Обезьяны называются. Они шерстью покрыты, а некоторые с хвостами.

— У меня в Тании, — сказал Журиг, — было четыре верных рецепта. Два для хвостатых, два для бесхвостых. У меня один даже получился, только я забыл добавить молотых сапфиров, и он обратно растворился...

Гольга в разговоре не участвовал. Честно говоря, только гордость не позволяла ему сказать честно, что он уже замучился махать ножом; и гордый Гольга, сжав зубы, героически работал до самого привала.

На привале Журигу пришла в голову идея. Он показал на толстую ветку и предложил:

— Давайте подтягиваться — кто больше.

Гольга подтянулся три раза. Повисел, подрывал ногами и подтянулся еще раз. Спрыгнул и гордо отряхнул ладони.

— Мало, — сказал Журиг.

— А ты сам-то сколько?

— Да уж раз двадцать потянусь, — пообещал Журиг. — Спорим? На полкоролевства?.. Боишься! Ладно, на три шелбана?

— Спорим!

И Журиг начал потягиваться, сладко зевая, выгибая спину и поскуливая...

А по-настоящему больше всех раз подтягивался королевич Мижка. Восемь раз. Вот вам и толстяк.

— Ну, долго мы будем приваливаться? — торопили Ветя и Фида. — Уже ведь немного осталось. Может, Мурс там, в конце?

Но в конце этажа Мурсига не было. Там была последняя дверь, и за этой дверью кто-то РыЧАЛ. Порывкивал. Экспедиция замерла. Гольга решительно взял ножик наизготовку.

— Не ходи! —צעпились в Гольгу Мижка и Доля.

— А ну, пустите! — разозлился Гольга. — Я ему покажу, как рычать! Он мне порычит!.. Я ему порычу!

Гольга распахнул дверь ногой и вошел. Все — за ним. И увидели: на полу, присыпанный листьями, лежит человек и храпит. Длинные волосы перепутались с лианами, одежда облохматилась. В сапогах мыши прогрызли дыры, и видны пальцы с грязными ногтями. Рука сжимает рукоятку шпаги. Клинок съела ржавчина.

— Разбудим? — спросил Гольга.

— Не надо, — сказал Мижка.

— Разбудим! — сказали все.

— Ладно, буди, — согласился со всеми Мижка.

Но разбудить человека оказалось не так просто. Его можно было дергать за бороду, пинать ногами — он не просыпался. «Заколдован», — поняли королевичи.

(Впоследствии еще не одна экспедиция проникала на второй этаж и обязательно пыталась разбудить спящего человека. Сам профессор Ифанов ходил будить. И — бесполезно. Кто этот беспробудный соня, и зачем его усыпили — так и осталось тайной).

...Да, но котенка-то в комнате не было. Делать ничего, экспедиция повернула назад.

На обратном пути Ветя и Фида поймали в джунглях — кого бы вы думали? — гомункулюса! Правда, Крижа Крокодил утверждал, что это просто обезьяна. Но откуда тут могла взяться обезьяна? Обыкновенный гомункулюс.

Назвали его Муня.

«Аэлита»-89

ПОДЗЕМЕЛЬЕ ПРИВИДЕНИЯМИ

Долговязый Доля как мог утешал близнецов:
— Вы не переживайте... Да у Мурса и мяукатель был сломан...

— Да-а-а... зато какой у него мурлыкател! — возразили Ветя и Фидя. — Сам не переживай. Мурсиг, может быть, в подвале заблудился. Оттуда мышами пахнет.

— Решено, — сказал Гольга. — После обеда идем в подвал.

Тут послышался вреденький голосок:

— Сказано, сказано!

Королевичи обернулись и увидели кудрявую принцессу Зонечку. Семь кулаков погрозили в Зонечкину сторону.

— Все равно, всем будет сказано!.. А возьмете меня с собой, тогда не сказано.

— Ладно, приходи, — серьезно сказал Журиг. — Завтра на урок культуры.

— Только не надо, Журичек. Я все слышала после обеда. Берете? А то — сказано!..

— Тебе послышалось, — заверил Зонечку Журиг.

— Как хотите, — сказала Зонечка, по-вредному поджала губки и ушла.

«Надо будет взять с собой простыню», — подумал Журиг. (Зачем — станет ясно позднее).

А Зонечка пришла в свою комнату и сказала:

— А что я знаю!

— А я с тобой не разговариваю! — сказала Дамара.

— А я и не тебе! — огрызнулась Зонечка. — Так вот, мальчишки после обеда идут в подвал.

— Ну, и дураки, — сказала Дамара. — Там живет Зеленое Привидение.

— Так ты же со мной не разговариваешь, Дамарочка!

— А я и не тебе, Зонечка!

— Ну вас, — сказала Надажа Избанская сосновым голосом. (Сосновым — потому что со сна. Эта спящая красавица опять не выспалась.) — Дамара, рассказывай.

— ...В общем, это был колдун и звездочет по имени Каммаган, — начала Дамара. — Он бродил по свету и предсказывал судьбу по звездам и по глазам. И вот приходит он в Здрану, прямо во дворец, и говорит королю: «Ваше величество, я предсказатель судьбы Каммаган. За две тысячи золотых я расскажу вам будущее». А король на него как закричит: «Уходи прочь, мошенник! Я сам знаю свое будущее! У меня завтра свадьба!» Хлопнул в ладоши, прибежали слуги и выкинули колдуна за ворота. А Каммаган — бамс! — снова появляется перед королем: «Ваше величество, всего тысяча золотых, и вы узнаете свою судьбу». Ну, а король опять — хлоп в ладоши и приказал старика замуровать в подвале. И вот настала свадьба. Король с невестой сидят рядом, улыбаются, у нее такое платье белое, тут такая фата... Все кричат «горько!», пьют вино, танцуют. Про колдуна забыли. И вдруг, ровно в полночь, на столе возникает Зеленое Привидение — тот самый Каммаган. И говорит: «Слушай, король, мое предсказание. Сегодня ночью ты убьешь свою жену, а утром умрешь сам». Король вскочил, задрожал от злости и кричит: «Хватайте его, казните!» Слуги привидение хват-хват, а хватают только воздух... Тогда

1200

король взял золотой бокал и как швырнет в колдуна! А бокал пролетел насквозь и невесту — бац! — по баде. Та — оуэ! — и умерла. А колдун расхохотался и исчез. А утром король застрелился. И с тех пор Зеленое Привидение бродит по подвалам...

— Девчач! — сказала принцесса Лита. — Айда тоже в подвал, за мальчишками следить.

— А привидение?..

— Ой, ну и что привидение. Вот у нас... В общем, где я жила, столько привидений!.. Я видела — и ничего.

— Да — ничего?! — сказала Дамара. — Это ваше ничего, а Зеленое Привидение предсказывает всем смерть.

— А если... Ой, а если мальчишки на него наткнутся?

Дамара подумала и сказала:

— Не бз. Я заклинание знаю. Чтобы обезвредить привидение, надо, входя в подвал, сказать через нос: «За водою приходило сто четыре крокодила, пропади, чужая сила, два, четыре, сто!»

Закопченные своды подвала казались такими тяжелыми, что хотелось говорить только шепотом.

— Разве это подвал, — шептал Журиг, — вот у нас в Тании подвалы, так подвалы... Один маркиз заблудился, а на волю вышел где-то в Бордукалию.

Кто знает, не вел ли и этот подвал куда-нибудь в Бордукалию, но пока принцы добрались лишь до ящиков с картошкой, которую хранил здесь завхоз.

— Тс-с! — сказал вдруг Журиг. — Слушаем!..

Принцы замерли и услышали позади, за поворотом, какой-то шорох, коротенький смехок.

— Девчонки следят!.. — объяснил Журиг. — Зонька выдала.

Девочки, довольные собой, дождались, когда свет голыниного факела удалится, подхватили юбки и двинулись следом за мальчишками. И вдруг увидели, как от стен отделилось белое бесформенное существо и с воем пошло им навстречу!.. Какой тут визг раздался! Какой писк! Как убежали принцессы из подвала! А вслед им неся вой и страшный многоголосый хохот!

— Трусихи, — сказала рыжая Лита, когда девочки очутились на улице. — Обычное привидение. И даже не зеленое.

— Ужас такой!.. — не могла успокоиться Надажа. — Я так испугалась... А оно еще как завоет! Что же будет с мальчишками?!

— Ничего не будет, — сказала Дамара. — Я ведь заклинание сказала.

— ...Можете мне поверить, — возбужденно шептал Журиг, закутанный в простыню, — девчонок пугать — самое интересное занятие! Я в Тании только этим и занимался. Идея!.. Давайте проведем среди них чемпионат по визгу. Напустим в палату лягушек. На спор — Зонька победит!

Подвал между тем все мрачнел и мрачнел. Все чаще коридор сворачивал. Крутая лестница увела котоскателей вниз, стены коридора стали сырими. Гольга с факелом гордо шагал впереди. Вдруг он остановился и прошипел:

— Смотрите!

В каменной нише лежали ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ КОСТИ. Жуть. Череп скалился и тарачил пустые глазницы. Рядом к стене была привинчена ржавая цепь.

— Ой, мама!.. — сказал Журиг, стараясь испугаться не всеерьез.

— Боишься? — спросил Гольга подозрительно.

— Не-ет, череп только какой-то знакомый...

Мижа, хорошо подумав, сказал:

— Мужики, а пойдете домой.

— Боишься?! — опять спросил Гольга.

— Я не боюсь. Я факелы запасные несус. А их по-

«Азлия» 89

ловина осталась. Как раз на обратный путь. И место тут не очень кошачье.

— Ладно,— снисходительно сказал Гольга, решив, что это уважительный повод.

Но через несколько минут, повернув назад, королевичи наткнулись на ржавого истукана, составленного из рыцарских лат. А потом своды из круглых стали квадратными. И, наконец, путешественники вышли в просторный круглый зал— ну, совершенно незнакомый. В центре толстая колонна подпирала потолок. В разные стороны уходило семь коридоров. Вместо восьмого коридора в стене была ниша, а в ней— каменная статуя человека, до пят закутанного в какую-то хламиду. Королевичи обошли вокруг колонны и стали спорить, из какого коридора они вышли. Гольга и близнецы показывали на один, остальные— на другой, а Мижа— так вообще в противоположную сторону. Гольга уселся спиной к колонне и сказал:

— Всё. Пришли.

Доля молча принялся делать из факелов лучинки. (Не думайте, что прошло мало времени. Это в книге прошло две страницы, а в Дазборге дело шло к вечеру. Даже к ночи.) Журиг так и ходил в простыне, похожий на статую, которая в нише.

— Человек живет без еды месяц,— сказал Журиг.— Нас семеро, будем каждый месяц есть одного человека, а там, глядишь, и выбудимся отсюда. Давайте считать, кого первого съедим.— И Журиг начал считать:

Жил да был зеленый краб, лап-тап,
Его звали Восьмилап, лап-тап,
И была у Восьмилапа, лапа-тапа,
То ли мама, то ли папа, лапа-тапа...

— Заткнись,— сказал Мижа.— Надо сейчас эти коридоры обследовать, дойти до скелета, а там и выход найдем.

— А если в каждом коридоре по скелету? Еще глубже забредем.

— Все равно нас спасут,— уверенно сказали Ветя и Фидя.— Возьмут собаку-ищейку и найдут.

— Ладно, пошли,— Гольга поднялся на ноги.— Крокодилыч, тебе дело— будешь стрелками путь отмечать. Все здесь?

Оказалось, не все. Не весь был Журиг. Он ушел обследовать левый тоннель.

— Жди его теперь,— злился Гольга.— Если он вообще придет.

Как бы в ответ на эти слова из правого коридора появился Журиг в костюме привидения. Вошел и молча остановился.

— Ну как?— спросили его.

— Что «ну как»?— удивилось привидение.— Это я должен вас спрашивать «ну как». Страшно?

— Что страшно?— не поняли королевичи.

— Как— «что»? Вы не видите разве, что я— Привидение Тихого Гостя? Ну, бойтесь, дрожите, убегайте!

— Хватит шутить, пошли,— сказал Мижа, хотел хлопнуть Журига по плечу, но почему-то промахнулся...

Тут из левого коридора раздался протяжный стон, и вышло второе привидение. Оно задуло свечу и сказала голосом Журига:

(201)

— О, пожалейте старое бедное привидение!..
— А это еще кто?— спросило первое привидение.
— О, собрат! Разве вы не видите, я такое же бедное несчастное привидение, как и вы!

— Вот так шуточки!— воскликнуло первое привидение.— Видали самозванца?! Я— Привидение Тихого Гостя, пятьсот лет здесь живу и ничего подобного не видел!

— То-то я тебя тут в первый раз вижу,— отозвалось второе привидение.— Сам самозванец!

— Я самозванец?! Это ты самозванец, нахал, вор!..

— Кто первый обзывается, тот так и называется.

— Грубиян, невежа!

— Рад познакомиться, а я— Привидение.

И тут Привидение Тихого Гостя не выдержало, повисло в воздухе, поджав колени, и разрыдалось. Второе привидение сняло простыню и оказалось растерянным Журигом. А королевичи от страха еще не смеялись, но от смеха уже не боялись. Стояли и смотрели.

— Ой... Я не нарочно...— сказал Журиг смущенно.— Простите, пожалуйста. Я же не знал, что вы— настоящее... Ну, не расстраивайтесь! А?..

Привидение уняло рыдания и махнуло рукой:

— Ладно, прощаю.— И, высморкавшись в подол, вздохнуло:— Как я теперь пугать вас буду? Пропал эффект внезапности...

— Зачем пугать?— спросил Журиг.

— Так ведь это же лучшее развлечение!— удивилось Привидение.— А то скучно ведь. Подвал, как облупленный, знаешь... Каждую крысу в лицо.

— А котенок сюда не забредал?— спросили Ветя и Фидя.

— Нет,— покрутило голозой привидение,— котят я триста лет не видело. Это такие маленькие, хорошенькие, их еще гладят?.. Давайте погладить?

— Сколько влезет,— пообещали Ветя и Фидя.— Вот только найдем. Вот только выберемся отсюда.

— А! Так вы еще и заблудились?! Ха-ха!— Привидение потерло руки.— Тут вам и смерть найти!!!

А потом поникло, опустило руки и сказала тихо:

— Ладно, в другой раз. Настроения нет. Идемте за мной, покажу выход.

Привидение прошло сквозь колонну и направилось в один из коридоров.

— Вот за этой дверью,— объясняло оно на ходу,— камера пыток. Здесь мучили ведьм. А вон туда идет подземный ход, он кончается в лесу, в дупле старого дуба, если дуб еще не сгнил. А тут в старину замурованы кости великана— их нашли, когда дворец строили. Самая маленькая кость— с меня ростом... Ну, а вот здесь,— Привидение показало на совершенно ровную стену,— потайной выход из подвала. Ведет через камин в комнату, где раньше жили королевские дочери. Надо нажать на этот кирпич.

Гольга нажал.

— Сильнее,— сказала Привидение,— может, заржавело?

— Ну-ка, дай, я,— предложил Мижа.

— Обойдемся,— сказал Гольга и надавил со всех сил.

И вот толстенный кусок стены медленно повернулся, открывая вход. Королевичи погасили лучинки и полезли туда.

— Дверь, дверь за собой закрывайте,— зашепело Привидение.

Вот это да!.. Знаете, куда они попали? В девчачью палату! Королевские дочери сладчайшим образом спали в своих постелях и во сне выглядели даже не такими вредными. Возле кроватей висели на подставках их расфуфыренные платья с неуклюжими юбками. Палата у девочек была большая. Здесь стояли большие фенедзианские зеркала, маленький клавесин.

«Элига»-89

Еще одна дверь вела в гардероб и умывальню. У мальчишек отдельной умывальни не было.

Ветя и Фидя о чем-то на ухо шептались. Как вдруг кто-то сказал очень знакомым голосом: «Да!» — и из-под кровати, потягиваясь, вышел черный котенок. Мурсыг!.. Братья бросились обниматься с котенком, а Журиг зловеще прошептал:

— Так. Всё ясно!.. Наша месть будет страшной.

— ...Ой, котенок! — вышло из стены подглядывавшее Привидение. — Дайте, поглажу!

Ветя и Фидя отпустили Мурса и принялись воросить девчачьи юбки.

— Что вы ищите?

— Проволочный каркас. Эта не пойдет.. Из китового уса. Эта тоже.

— А зачем?

— Клетку для попугая сделать. А то кот вырастет — съест нечаянно. Эту возьмем. И вот эту...

— Бросьте, — сказал Мижя. — В чем они ходить будут?

— В чем хотят. Мы ведь жили без кота почти неделю — и ничего.

На двери своей палаты королевичи увидели записку: «Поздравляю с возвращением! Будьте так любезны, зайдите сейчас ко мне и покажитесь, что все целы. А то я не сплю, за вас волнуясь. Пр. Ифаноф».

И еще один, по крайней мере, человек не спал в это время и волновался за королевичей. Не угадаете, кто — агент № 49... Вернее, он волновался только за Журига.

А Журиг в это время со всей компанией стучал в покои профессора Ифанофа. Хотя королям и королевичам стучать в дверь вовсе не обязательно... Но у королей много манер, которым они не следуют. И их жесты иногда обозначают вовсе не то, что обозначают.

Лирическое отступление

Что значит королевский жест

Одно плохую пьеску
Смотрел, скучая, зал.
А в ложе королевской
Король сидел, зевал.
«Король зевает! Боже...
Что с нами будет, что же?!»
От страха у актеров
Мороз бежал по коже.
Конец. Молчанье в зале,
Критический момент.
И тут все услышали
Один аплодисмент.
Взорвался зал овацией —
Похлопал сам король!
...А если разобраться,
Он просто хлопнул моль.

— Ой, девочки, у меня платье пропало! Ой, не пропало! Ой, что это с ним?!

Кричала Надажа Избанская. Ее хоть и называли

[202]

спящей красавицей, но сегодня она проснулась раньше всех и увидела, что ее прекрасного платья на подставке нет. Что оно валяется рядом, на полу, и пропал каркас от юбки.

У всех девочек сны оборвались на самом интересном месте.

— Чего орешь, как эта самая? — недовольно спросила Лита.

— У меня каркас от юбки украли! Как я теперь из комнаты выйду?

— Ой, правда, что ли? А ты попробуй так надеть. Надажа попробовала. Юбка висела, как тряпка.

— Хи-хи-хи, такая дура! — не удержалась Лита. — А попробуй простыню под низ запихать.

Девочки в ночных рубашках собрались вокруг Надажи и принялись давать советы. Тут в дверь постучали. Принцессы с визгом бросились по кроватям.

— Нельзя, нельзя!

— С добрым утром, ваши высочества, — раздался голос профессора. — Подъем.

— Встаем, встаем, — крикнула Лита и вдруг обнаружила, что с ее платьем та же история — нет каркаса!

Когда все девочки пошли на завтрак, вредина Зонечка показала Лите язык и сказала: «Бе!» Две бедняжки остались дома. Надажа заплакала. Лита сердито сжимала губы.

— Знаешь, что? — решила вдруг Лита. — Я сейчас пойду на завтрак в халате.

— Ты что?! — ужаснулась Надажа. — Того?.. Совсем уже?

— А что? Подумаешь. Не съедят же меня. Будь, что будет.

— Да ну! Лучше умереть.

А Лита аккуратно подпоясала домашний халатик, распустила рыжие волосы и надела свою маленькую корону.

— Пойду! — сказала она.

— Ну и иди.

— Ну и пойду.

И пошла.

Эффект ее наряд произвел потрясающий! Потом целый день и полночи у принцесс всех классов только и пересудов было, как это назвать — «такая наглость» или «такая прелесть». С одной стороны, — против моды. А с другой стороны, — раньше так носили и, вообще, красиво... И после мучительных колебаний девочки-старшеклассницы на другое утро появились все, как одна, стройные и красивые, без пузатых юбок и трехэтажных причесок.

С этого дня дамские моды в ШМП стали меняться каждую неделю, а то и чаще. Завхоз привез из города ткани и нитки, а добрая повариха тетя Наздя учила девочек шить. Очень скоро королевны дошли до платьиц, которые даже колени не закрывали, и были чрезвычайно довольны.

Правительство Здраны называлось барламенд. В него входило тридцать семь человек. Один — глава правительства. Шестеро — министры. Остальные тридцать — просто барламендарии. Заседали в Барламенде сплошные богачи. Глава правительства — тот был хо-

«Аэлига»-89

зьяном ткацких мануфактур, а, скажем, министр войны владел пороховым заводом. Самый большой богач — господин Марг — в правительство не входил, зато имел там своего человека.

В прежние времена Барламенд заседал раз в месяц. Ну, два раза. А теперь стал заседать чуть не ежедневно. Как Здрана перестала воевать, так у министра финансов появились лишние деньги. Как появились деньги, так остальные министры начали их выпрашивать. А тридцать барламендариев все заседания напролет спорили — давать деньги или не давать. В этих спорах рождалась истина под названием «резолуция».

На одном из таких заседаний министр мира, который договорился с граничными торговцами устроить в Дазборге ярмарку, просил денег на постройку прилавков. Против был министр порядка, он сказал, что вместо торговцев понаедут шпионы, а потом их вылавливай. Барламендарии его дружным хором переспорили и вынесли резолюцию: денег дать.

Министр уюта и культуры доказывал, что Дазборгу требуется двести один дворник и восемнадцать мусорных телег. Просил денег. Спорили долго. Решили: деньги дать, но только половиной, и то — если останутся. И пусть министерство контроля проверит все расчеты — может, еще и не надо столько дворников.

Министр порядка требовал денег, чтобы построить на пустыре новый полицейский участок. Потому что на этом пустыре по выходным ткачи дерутся с оружейниками.

— Они уже двести лет дерутся, — жаловался министр порядка. — Но теперь ткачей становится всё больше, а оружейники уже с ножами приходят. А вот построим участок — драться станет негде, и будет порядок.

— Чепуха! — возразил глава правительства. — Пустырей много, другой найдут. Лучше я вот что сделаю: возьму и отменю своим ткачам выходной день. Придут оружейники на пустырь — а драться не с кем... Ткачи все на работе!

— Да вы что?! — замахал руками министр порядка. — Если рабочие без выходных останутся, они весь город разнесут, с ваших мануфактур начиная!.. И тогда я ни за какой порядок не отвечаю!

Барламенд зашумел, заспорил с новой силой, и спустя час пришел к выводу: лучше пусть себе дерутся, лишь бы нас не трогали.

Когда запросы министров иссякли, когда уже все барламендарии устали и сорвали голоса, пришел профессор Ифанов и попросил денег — пять тысяч.

— О чем речь! — воскликнул министр финансов. — Если Барламенд не возражает, — то дам, мне не жалко.

Барламендарии не возражали, только для порядку немного поспорили шепотом.

И тут на заднем ряду поднялась значительная фигура министра войны. Все заседание он мирно дремал, набираясь сил для своего часа, и вот этот час настал.

— У меня будет ряд вопросов к досточтимому профессору, — произнесла значительная фигура артистическим голосом. — Прежде всего, не будет ли досточтимый профессор столь любезен дать нам разъяснения по поводу причин, побудивших его обратиться в Барламенд с просьбой о сужении ему упомянутой суммы, так и целей, в коих он, профессор, намерен использовать эту сумму, если таковая ему будет выделена?

— Объясняю, — сказал профессор. — Деньги нужны для хорошего дела. Принцессы у нас затеяли шить себе платья. Вот. Нужно купить ниток, ножниц, иглол, наперстков. И материи разной побольше. Пусть шьют.

Министр войны выслушал ответ, подняв левую бровь, сделал паузу и сказал:

— А не будет ли досточтимый профессор столь любезен объяснить, какими такими соображениями он

руководствовался и из каких посылок он исходил, когда определил размер необходимой для его целей суммы, какую он просит сегодня у Барламенда, — именно в пять тысяч, и не единым грошом больше, либо меньше того?

...Профессор отвечал и на третий вопрос, и на пятнадцатый, и на сто пятнадцатый. Сто пятнадцатый вопрос звучал так:

— А не будет ли досточтеннейший профессор столь любезен удовлетворить наш естественный интерес относительно того, каким предположительно образом повлияет выделение ему суммы в пять тысяч из государственной казны на погодные условия в западных районах Здраны?

За окном стояла ночь. Барламендарии спали в креслах, каждый примостив голову на плече у соседа. Глава правительства изо всех сил таращил усталые глаза, чтобы они не захлопнулись.

— Простите, — сказал он, — я прерву вашу интересную беседу. Заседание пора закрывать. А, знаете, профессор, плюньте вы на эти пять тысяч. Пусть ваш завхоз ко мне завтра приезжает с телегой на склад, я ему сколько угодно ниток и материи дам. Мне все равно девать некуда.

— Так нечестно! — возмутился министр войны.

— Все честно, — ответил глава правительства и позвонил в колокольчик, закрывая заседание.

— Спасибо, — встал Ифанов.

А сам подумал, что, наверно, его впереди ждут главные беды.

Лирическое Отступление

Стихи, сочиненные Журигом

В весеннее время, в безветренный день
На крыше сидел молодой воробей.
Ему надоело сегодня летать,
Решил он сидеть и ногами болтать.

Другой воробей на дороге стоял
И под ноги очень серьезно смотрел.
Хотел воробей научиться ходить
И думал, с какой ему лапы шагнуть.

А третий взлетел воробей в небеса
И, крылья раскинув, глядел с высоты.
И думал он гордо: «А ну их совсем.
А может, я просто некрупный орел.»

Урок политики всегда проходил в классе. На стене висела политическая карта Бланеды. Профессор Ифанов рассказывал:

— Пятнадцать лет тому назад умер великий английский король Яжа Пятый.

— Мой дед! — шепнул на весь класс Журиг.

— Правильно. Дочь Яжи Пятого вышла замуж за короля Тании.

— Моя мама!..

— Вот, а кроме журиговской мамы, у короля еще были два сына-близнеца, Яжа Шестой и Яжа Седьмой.

И когда отец их умер, то Шестому суждено было взойти на престол, а Седьмому, который был младше брата на десять минут,— всю жизнь оставаться принцем.

Ветя и Фида пересели с задней парты на переднюю, чтобы лучше слышать.

— И вот наступает день коронации,— продолжал профессор,— и тут выясняется, что оба принца — Яжи Шестые... То есть один-то, конечно, Седьмой, но не признается, и никто в целой Англии не может его отличить. Оба рыжие и голубоглазые, каждый называет брата самозванцем. Приехала из Тании сестра, но и она руками развела. Помню, говорит, у одного должна быть родинка под мышкой — но у какого, забыла. Что делать? Отложили коронацию раз-другой. А потом вдруг один из братьев пропал неизвестно куда. Что ж, подумали придворные: пропал так пропал, сам виноват, в другой раз пропадать не будет... И короновали того, который остался.

Проходит год. Правит король как умеет. А умеет он, прямо скажем, не очень. Крестьяне того и гляди забунтуют. И вдруг по стране идет слух: брат-то короля нашелся! Его на острове в тюрьме держали, а он сбежал и теперь собирает всех, кто за справедливость, потому что он и есть настоящий король Яжа Шестой. Кто его видел — говорят, точная копия короля, который на монетах отчеканен. А когда законный король займет престол, то все крестьяне получат землю, потому что король этот знает сам, почем фунт лиха.

И пошел народ к объявившемуся королю, и началась крестьянская война. Не известно, чем бы всё кончилось, если бы вражесственные Англии страны не стали ей в этот момент дружественными и не прислали свои войска на борьбу с крестьянами. Крестьянская война — вещь заразная, все короли это знают. Победят крестьяне в Англии, а во Врандзии на них посмотрят — и тоже захотят. И в Идалии захотят, и в Кермании. Что тогда с королями будет? А так короли прислали в Англию войска, и крестьянскую армию разгромили.

Остатки армии крестьянский король увел на север, в Жотландию. В этой холодной, скалистой стране не было людского жилья — только развалины древних крепостей. Пришельцы поселились в землянках, в пещерах. Но чем жить? Хлеб посадили — не растет. Овец разводить — так их в пути съели. Многие крестьяне не выдержали, вернулись на милость английского короля. Кто выдержал — занялся хулиганством. Крестьянский король стал королем хулиганским.

Прошло с тех пор тринадцать лет. За это время обстановка с хулиганством на Бланеде сильно изменилась. В каждой стране теперь в лесах обитают хулиганские шайки, и атаманы их подчиняются жодландскому королю. Кто не подчиняется, тех выгоняют из хулиганского братства, и полиция с теми легко расправляется. Записаться в хулиганы стало очень сложно, а чтобы стать атаманом, надо окончить Жодландский Институт Хулиганства, изучить там хулиганство дорожное, лесное, морское. Говорят, даже есть секретная кафедра воздушного хулиганства. А король Жодлантии теперь один из самых могущественных королей, хоть другие короли и стыдятся это признать.

— Мой дядя! — гордо сказал Журиг.

Все немножко ему позавидовали.

Ифаноф рассказывал про Жодлантию, но ни слова не сказал о том, что вместе с королем хулиганов в полуразрушенном замке жила дочь короля. Дочь выросла без матери, среди мужчин, она ловко лазила по скалам, бегала, как ветер, скакала на коне...

И никто почти на всей Бланеде не знал, что король хулиганов отправил свою дочь в Школу Мудрых Правителей. Знал об этом профессор, да знали хулиганы из ближнего леса...

(204)

Папа Крижи Крокодила был тоже великим королем. Это он еще в молодости объездил все Южные острова, первый посчитал их и объединил в одно большое королевство. Но и теперь, когда молодость короля осталась далеко позади, он дальше всех кидал копые, бегом догонял хромого страуса, а речку переплывал быстрее, чем настоящий крокодил. Три сына короля были во всем под стать отцу. А четвертый — Крижа — все больше мечтал и сочинял стихи. Бился над ним отец, бился и, ничего не добившись, отправил в учение, мудро рассудив, что хуже не будет.

У долговязого Доли отец тоже был долговязый и худой. И очень самостоятельный. Все королевство у них состояло из Дворца, в котором постоянно шел ремонт, и придворцового участка. Король все делал сам, у него не было ни слуг, ни министров, ни поданных. Жена — и та сбежала. Но все-таки это было настоящее королевство, со своим гербом и со своими законами, и король Доля Второй был в нем полным хозяином. А корона у него представляла собой набор гаечных ключей.

И вот Доля Длинный и Крижа Крокодил нашли общий интерес — изобретать. Изобретали они большей частью в уме.

— Давай изобретем механического человека. Ходячего, — предлагал Доля.

— Да ну, упадет еще, сломается. Лучше механическую лошадь. Чтоб на ней ездить.

— А правда, почему люди на двух ногах и не падают? А деревья так вообще на одной стоят?..

— А вот и нет. У деревьев ноги под землей. Они в земле стоят по пояс.

— Ну, хорошо, давай — лошадь. На пружинном заводе.

— А можно карету с ногами.

— А можно карету, чтоб колеса крутились сами! Как в часах.

— Заводить только замучаешься...

Однажды Журиг долго ходил, хмурясь и глядя себе под ноги. И вдруг сразу повеселел, стал даже попискивать и подпрыгивать от восторга. Потому что в его хитрой рыжей голове родился замечательный план, как отомстить принцессам и вызвать от них котенка. В таком прекрасном настроении Журиг и пришел на урок культуры. В этот день маэстро Зиторенго собирался вести средний класс в дэзборгскую обсерваторию.

— К большому сожалению, — извинился маэстро, — обсерватория закрылась на учет, и пока все звезды не пересчитают, она не откроется. Чтобы урок не пропал, будем рассказывать сказки. Кто у нас лучший сказочник?..

Королевы выдвинули Дамару. Журиг выдвинулся сам.

— Чур, первый! — сказал он.

— Чур, вторая! — согласилась Дамара.

— У одного кузнеца был сын, — начал Журиг. — Кузнец хотел, чтобы сын тоже стал кузнецом. А сын хотел стать рыцарем. Отец сначала посмеивался, думал — это пройдет. А оно не прошло. Сын заладил:

«Аэлита»-89

буду рыцарем, и все тут. Отец говорит: «Но, послушай, рыцари все дворяне, а ты — нет». А сын: «Ну и что, я буду странствующим рыцарем; кто там разберет — дворянин, не дворянин!.. Выкую латы и поеду!» Отец рассердился: «Никаких тебе лат! Ни куска железа не дам!» А сын тогда облазил все помойки, нашел там самовар да медный котелок и сделал себе панцирь и шлем. Украл у цыган лошадь и поехал.

Едет, едет. Видит — на дороге стоит старик с шахматами под мышкой.

— Рыцарь, давай тебе бесплатно погадаю.

— Ну, погадай. А на чем?

— На шахматах. Они никогда не врут.

Старик расставил шахматы, стал играть сам с собой. Поставил себе мат, глядел-глядял и говорит:

— Ну, всё ясно, рыцарь. Все твои беды будут от женщин.

Рыцарь поехал дальше. А сам думает: «Шахматы — не карты. Игра научная. Должны правду говорить... Ну, и чёрт с ней, с дамой сердца — обойдусь как-нибудь без нее. Буду БЕЗДАМНЫМ рыцарем».

Приезжает в столицу. А там объявления висят, трубы трубят. Рыцарский турнир для всех желающих. А приз — золотой меч. И самой прочной стали.

А на поле уже толпа рыцарей. Все дворяне. Стоят, переругиваются, злость разжигают. Один кричит: «Моя дама сердца — самая-пресамая!» Другой кричит: «А у меня еще самее!» Третий кричит: «А моя дама — вообще всем дамам дама!» А рыцарь в самоварных латах как гаркнет:

— Все ваши дамы не стоят моей мамы!

Сразу тишина наступила. А он говорит:

— Ну, кто на меня?

Выезжает рыцарь-верзила:

— Ну, я на тебя!

— А кто еще? Нападайте все!

Все на него напали! И создалась такая теснота, что никто меча поднять не мог. А Бездамный рыцарь, хоть и не дворянин, зато с детства кузнечным молотом махал. Схватил одного за ноги, раскрутил над головой и — трах! — рыцари, как доминашки, падают. С верзилой остались вдвоем. Начался финальный поединок. Верзила — прыг на коня — и давай оба по полю носиться, туда-сюда, туда-сюда. Бездамный увернулся, верзила — трах! — в дерево. Аж вороны посыпались...

Так что Бездамный победил, получил меч и собрался уезжать. А все дамы его спрашивают: «А почему вы без дамы? Может, еще не выбрали? А может, меня выберете?» А он говорит: «Нет, у меня никогда не будет дамы. От них все беды. Смотрите, все, кто с дамами, — валяются вон». И уехал. После того случая многие рыцари побросали своих дам.

Приезжает Бездамный в один город. А город на замке. Стучится — не открывают. Он давай ногами: бам, бам! Видит — люди из-за стены высовываются. Худые-худые.

— Не стучи, — говорят. — Мы уже три месяца никому не открываем, без еды сидим. Тут дракон трехголовый ходит, всех съедает.

А дракон тут как тут. Бежит, хвостом по стене стучит — а аж трясется. Увидел рыцаря и спрашивает:

— Что, тоже стучишься? Не откроют. Погоди. еще кипятком будут обливать. Это я их запугал. Слушай, давай с тобой биться! Кто проиграет, того я съем.

Стали биться. Бездамный мечом — вжик! — у дракона голова шлеп! — и тут же новая вырастает. И пламенем, пламенем поливает рыцаря... Уже лошадь изжарилась и умерла, а рыцарь и не думает сдаваться. Наконец оба устали и проголодались. У дракона огонь кончился. Разогнали ворон с жареной лошади, стали обедать.

— И в кого ты такой хулиганистый? — спрашивает бездамный.

— В папу, — говорит дракон. — Он меня так воспитал.

А рыцарь был хоть и Бездамный, и даже бездомный, но зато не бездумный. И думает он: «Когда дракону срубашешь головы по одной, то новые берут пример с других и тут же неправильно воспитываются. А срублю-ка я все три разом!»

И все три головы долой... А у самого больше сил не осталось — стал он цветочки собирать. Тут у дракона головы новые вылезли и оглядываются: с кого бы пример брать. Видит — рыцарь цветы собирает. А это доброе занятие, и стал дракон добрым.

С той поры Бездамный рыцарь с драконом ходили по Бланеде и совершали подвиги. Вдвоем им некого бояться. А даму себе рыцарь так и не завел. Зачем ему дама, если у него есть дракон?!

Королевичам сказка Журига очень понравилась, а королевнам почему-то не очень.

Зато дамарино сказку они слушали, затаив дыхание. Сказка была длинная и волшебная. Про то, как у короля с королевой не было детей, а потом одна колдунья дала рецепт, и у них родился сын. Вырос, пошел себе искать невесту, полюбил дочь колдуна, а потом три года у этого колдуна учился. А потом была свадьба, а колдунью, которая рецепт дала, не пригласили, и она превратила принца в дракона; а невеста, дочь колдуна, нашла потом колдунью в Черных Горах, и колдунья потребовала тысячу лягушек, а девушка могла наловить только 999, а в тысячную лягушку превратилась сама, и тогда колдунья рассказала, как расколдовать принца, а тем временем дракон уже переудушил полкоролевства и дочку колдуна, свою невесту, когда увидел, тоже чуть не задушил, но она его одурманила волшебным зельем, привела его на вершину огнедышащей горы, столкнула в пропасть, сама бросилась следом, а утром оба проснулись на берегу реки, принц уже был расколдованный, и весь мир был счастливым и прекрасным...

Пока Дамара рассказывала сказку, принцесса Лита тихонько ушла. Она оседлала лошадь и, никому ничего не сказав, ускакала. Профессор Ифанов встревожился и поскакал ее искать, а Лита уже ехала ему навстречу. Профессор покачал головой, а Лита чуть виновато улыбулась.

Ифанов один знал тайну Литы. Больше никто.

— Знаете, почему люди по ночам спят? — спросил Журиг.

— Почему?

— От страха! Ночью всё гораздо страшнее.

И Журиг рассказал королевичам свой замечательный план.

1. Однажды ночью девчонки, ничего не подозревая, ложатся спать.

2. Вдруг в тишине звучит ТАИНСТВЕННЫЙ ВОЙ. Они — ды-ды-ды! — дрожат.

3. Тут раздается ЖУТКИЙ ХОХОТ, и сразу...

4. ...Из камина вылетает стая летучих мышей.

5. А дверь снаружи заперта!

6. Зато окно со скрипом открывается, и медленно

поднимается БЕЛАЯ ФИГУРА... А вместо головы — череп! И глазищи — светятся!

7. Девчонки в ПАНИКЕ!

8. А королевичи забирают котенка и ЗЛОРАДНО СМЕЮТСЯ!

— А всё это мероприятие назовем «Ночка маленьких ужасов». Сокращенно «НМУ».

Королевичам понравилось. Стали готовиться.

Гольга сел вырезать из бумаги череп. Ветя с Фидей предложили для девчонкопугания применить го-мункулюса Муню, а летучих мышей отменить. Муню до сих пор ни одна посторонняя душа не знала. Муня от чужих прятался в шкаф. А попугай Чим сам напросился участвовать. Журиг долго репетировал жуткий хохот. Говорил: «Попались!» и начинал хохотать. Получалось не очень.

И вот после очередного «попались!» из-под потолка раздался очень талантливый смех — хриплый, ехидный, страшный! Это смеялся Чим. Чим принадлежал к породе почтовых попугаев, которые запоминают слова отправителя и пересказывают их получателю. Такого попугая нужно обучать восемьдесят лет, зато потом он будет верно служить лет сто пятьдесят, а то и двести. А Чим по возрасту был почти цыпленочек, ему только исполнилось двенадцать лет.

Мижа, как самый сильный, взял на себя подъем белой фигуры. За таинственный вой отвечали Доля Длинный и Крижа Крокодил. Они избрели хитрое воющее устройство. И теперь в палате принцесс по ночам что-то тихо и таинственно выло. Жаль только, что по ночам принцессы спали и ничего не слышали.

Лирическое Отступление

Колыбельная

Рано утром на рассвете
Спать ложатся черти-дети,
Лишь один малыш-чертенок долго не заснет.
Дома сладко пахнет серой,
У постели мама села
И чертенку потихоньку песенку поет.

— Баю-баюшки, чертенок,
Спи, мой милый постреленок.
Там, на улице, снаружи, страшно и светло.
По квартирам с крыш и улиц
Кошки черные вернулись,
Петухи давно пропели, солнышко взошло...

Спать ложатся все соседи —
Привидения и ведьмы:
Спят кикиморы, русалки, лешие храпят...
Спать легли сычи и совы,
Только люди днем гуляют, люди ночью спят...
Спят вампиры, вурдалаки,
Перестали вить собаки,
Спят летающие мыши головою вниз.
Спрячем хвостик под подушку
И вот так откроем ушко...

Чтобы сон был интересней, — на бок повернись.
Спи, мой чертик,
Спи, чудесный...
Спи — до ночи не проснись!

До Ночки Маленьких Ужасов (сокращенно «НМУ») оставались ровно сутки. Королевичи мирно спали, кроме Мижи, который, как обычно, засыпал последним. Ветя похрапывал. Фидя посапывал. Журиг спал под одеялом с головой. Гольга что-то пробормотал во сне и повернулся на другой бок.

— Гольга, ты спишь?

— Сплю, — ответил Гольга.

— Ничего ты не спишь.

— Кто не спит?! — возмутился Гольга. — Это я-то не сплю?

— Не спишь, — подтвердил Мижа.

— Насмехаться, да? Я тебе понасмехаюсь! — И гордый Гольга бросился на Мижу.

От шума попросыпались другие королевичи:

— Что такое? Что случилось?..

Мижа держал Гольгу за руки, тот вырывался и кричал:

— Пуст! Я тебе покажу, как я не сплю!

— Не, мужики, — сказал Мижа, — я так считаю: спишь — так спи себе. Драться-то чего?

Журиг сонно махнул на них рукой и вышел в коридор. Но вскоре влетел обратно и в восторге пропичал:

— Что сейчас будет!.. Все по местам, притворимся, что спим.

Через полторы секунды все королевичи дружно храпели. (Нет, Доля не храпел, потому что спал настоящейму.)

И вот дверь приотворилась, и в палату тихонько прокрались несколько фигур, завернутых в простыни.

— Храпят, — прошептала одна.

— Хи-хи! — не удержалась другая.

— Да тише ты, дура!

— Сама ты!..

— А где у них рыжий спит? Рыжего надо намазать...

— Наверно, за камином.

Кто-то из королевичей нечаянно хрюкнул носом. Момент настал! Журиг вскочил и запер дверь на швабру.

— Ага! — закричал он. — ПОПАЛИСЬ!

И тут же из-за потолка раздался жуткий хриплый смех.

— Ой, мамочки! — испугались девчонки, сбиваясь в кучу.

Мальчики повскакивали, зажгли свет и злорадствовали. Гольга надел на голову рогатый череп и замогильным голосом провыл:

— Где котенок?!

Губы у девчонок уже дрожали, еще чуть-чуть — и разревутся. (Ну, кроме, разве, Литки.)

Но тут проснулся Крижа Крокодил... То есть что за ерунда?! Крижа ведь давно уже не спал! А это проснулся перемазанный сажей Доля. Ничего не соображая, он сел на кровати и, растирая по лицу сажу, спросил:

— Что тут происходит?

И всё! И сразу девчонки передумали разревываться и сразу рассмеялись. А Литка хохотала громче всех.

— Рано смеетесь, — зловеще сказал Журиг. — Мы

сейчас на вас чёрта напустим. Лучше признавайтесь, где котенок?

— Нету! — нахально ответила Лита.

— Как хотите, — сказал Журиг. — Так. Где у нас чёрт? Доставайте чёрта, я сейчас вернусь. — И выскользнул за дверь.

Фидя распахнул шкаф. «Чёрт» прятался на верхней полке в углу. Как он ни пищал и ни упирался, Фидя вытащил его за ногу и бросил на девчонок.

— Куси их!..

Муля попал на Литку, вцепился в простыню, в один момент вскарабкался принцессе на голову, потом подпрыгнул и исчез в темноте под потолком.

Девчонки ахнули от ужаса. А Лита? Только разочек вздрогнула!..

— Ой, ой, больно напугали, — презрительно сказала она, — прям это самое..

И, глядя на Литу, девчонки тоже собрали всю свою вредность и на этой вредности держались. Дамара даже сказала:

— Ну, и что — черт... Вот и целуйтесь с вашим чертом, а котенка не отдадим!

— Ваш, что ли, котенок?

— И не ваш. Он сам свой. А вы его мучить будете...

А Журиг, ходивший в девчачью палату, обнаружил, что котенка в ней не оказалось... Вместо котенка там были спящая красавица Надажа и Привидение Тихого Гостя. Привидение сослепу приняло Журига за девчонку и спросило:

— Ну, как? Ой, пардон...

— Все ясно, — сказал Журиг. — Предатель! А мы ему еще котенка давали погладить... Больше не дадим, понял?

— Ну, и не надо, — ответило Привидение из стены. — Мне девочки дадут!

— ...И запомни: в нашу палату ПОТУСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН. Ясно?!

— Не очень-то и хотелось, — буркнуло Привидение.

На прощание Журиг подрисовал спящей красавице Надаже усы.

Королевицы с чувством победителей легли спать. А принцессы еще долго пели под клавишину бодрые песни. Кроме Литы, все они немного играли на клавишине, а лучше всех играла Надажа. И здесь самое время сделать очередное

Лирическое Отступление

Песня про сонного рыцаря,
которую пела принцесса Надажа Избанская,
смысл нарисованные Журигом усы

В тумане странный образ вдруг может
появиться,
И ты, его увидев, не бойся, не беги.

Проедет беззастенчиво угрюмый сонный рыцарь,
И конь, хромой на три ноги.

Заржавленные латы готовы развалиться,
Изъедены до дырок стальные сапоги...
Дорог не выбирая, блуждает сонный

рыцарь

И конь, хромой на три ноги.

Когда-то на Бланеде о нем гремела слава,
Он в честном поединке любого был сильней.
Был меч его защитой для бедных и для

слабых,

И конь был лучшим из коней.

Но вдруг одной колдунье приспичило
влюбиться.

«Уйди, — сказал ей рыцарь, — с тобою
мы враги!..»

(207)

...И стал навеки сонным несчастный

этот рыцарь,

А конь — хромым на три ноги.

Не может ни проснуться и ни остановиться,
И конь его поныне всё меряет шагми...

Порою возникает в тумане сонный рыцарь
И конь...

А тем временем у Агента № 49 кончилась выдержка. Сколько можно?.. Все нормальные шпионы уже передали добытые сведения и украденные документы, уже повесили в шкаф шпионские плащи и маски и уже спокойно спят, засунув под подушку кинжал. А он, один из лучших шпионов Бланеды, не знает в этом КОРОЛЯТНИКЕ ни сна, ни отдыха, ни дня, ни ночи... Уже несколько раз Агент откладывал главное дело, ради которого он сидел здесь уже второй месяц. А теперь выдержка кончилась, и он решил — хватит. Пора. Во что бы то ни стало!.. На этой неделе! Или на той! Или никогда.

По небу летали чулки.

ИНСТРУКЦИЯ: Найти чулок. Насыпать в него пару горстей песка. Завязать узел, чтобы песок никуда не делся. Взять чулок за хвост и, раскрутив, запустить в небо. Летит очень красиво. (Примечание: на Бланеде были чулки шерстяные и шелковые; но наши, земные — капроновые — летают ничуть не хуже.)

Чулкам не нравилось, что их крутят за хвост, и они то и дело нарочно застревали на деревьях. Все деревья уже были увешаны чулками, и все младшеклассники ходили с голыми ногами и приставали к старшим:

— Журиг, а, Журиг! Подари чулок...

— Отвяжись!

— Ну, Журиг, ну, подари-и-и... У тебя все равно один.

— Ладно: отгадаешь, как подзывают маленькую цаплю, — тогда подарю.

— Не знаю... А как? Жур, ну как?

— Цыплят как подзывают? Цып-цып. А ЦАПЛЯТ — цап-цап. Всё, иди. Не мешай думать.

— А о чем думать?

— Отстань.

— Жур, ну, о чем?

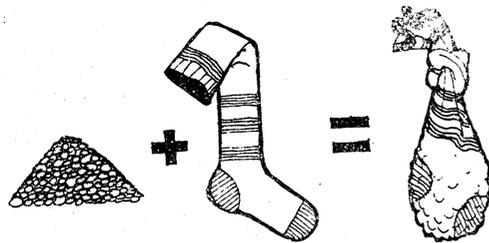
— Ладно, забирай чулок, только отвяжись!

А думал Журиг, как ему выручить котенка. Возможно, думал он, затеять хитрую интригу с переодеваниями и фальшивыми записками. Но на это нужно время, а Мурс и так уже настрадался...

В парке резвились девчонки. Они играли в прятки и в «сорок восемь — сорок два». Это игра вся из беготни, прыготи и визготни, не поддающаяся описанию. А что такое прятки, вы знаете.

Старший класс сидел на деревьях. Принцессы — на одном дубу, принцы — на другом. Каждый на своей законной ветке. Генеалогической. Раньше они только

«Аэлита»-89

кидались желудями да хором обзывались, а теперь протянули нитку и по этой нитке переправляли с дуба на дуб записки. Вроде этой: «Мне нужен труп одной девицы. До скорой встречи! Черный рыцарь».

Доля Длинный теперь плохо спал по ночам — все не мог забыть, как его принцессы сажали намазали. И вот решил он вместе с Крижей Крокодилем изобрести механизм, который бы охранял палату от посторонних. Как часовой. Так и назвали: «часовой механизм». Соорудили его из швабры, ведра и веревки. Сначала испытывали на себе. Три раза. Доля входил в дверь, и три раза швабра стучала его по голове, а ведро поднимало страшный шум. Потом испытывали на Журиге и на близнецах. Срабатывало безотказно. На Гольге решили не испытывать, а Мижга где-то гулял.

— Ну, теперь поспим! — радовался Доля, щупая свои шишки на голове.

В десять часов принцы поставили «часового» на боевой взвод и улеглись спать. А в половине одиннадцатого вернулся Мижга. И механизм честно сработал! Ну, ничего, посмеялись, снова завели «часового» и легли спать дальше. Мижга только проворчал, что зачем ставить механизм, если не все дома. Заснули. Час спят. Два спят. А потом Журиг спросонья побрел в туалет, и «часовой» опять всех разбудил! Тут уж было не до смеху. Спать хотелось. А Гольга так прямо и сказал:

— В следующий раз кто разбудит — убью.

В эту ночь Агент № 49 вышел на дело. Никем не видимый, он проник во дворец. Тихо, как тень, прошел по коридору. Не дыша, остановился напротив нужной двери. Прислушался. Все спокойно. Бесшумно приотворил дверь...

— Ай!..

— БАХ-ТАРАХ-ГРОМЫХ-ГРЯМСИ!

— Кто опять?! Убью! — страшно закричал Гольга, бросаясь к двери с кулаками. Но убивать было некого. Виновник тревоги уже исчез.

И разобрали королевичи механизм обратно на швабру, ведро и веревку.

А Доля, засыпая в очередной раз, подумал, что в механизме нужна еще четвертая деталь, которая отличала бы посторонних от своих, и думала бы — когда греметь, а когда не надо.

Журиг все-таки утащил Мурса! Утащил прямо из-под носа у девочек. Королевны сидели в гостях у доброй поварахи тети Назди. Там же и котенок то-

(208) мился в неволе. Принцессы его даже погулять не выпускали. Единственной радостью для Мурсига оставалось глядеть в окно.

Хитрый Журиг выбрал момент, распахнул снаружи раму, схватил котенка и — бежать! А девочки — злые-презрелые — за ним! А он — от них! А на выручку ему бегут Гольга и Мижга!

И вдруг... Этого никто не ожидал! — вдруг с дерева спрыгнул какой-то дядька, накинул на Журига мешок и пронзительно свистнул. Совсем рядом поросшая травой кочка зашевелилась, поднялась на ноги и, оказалось, что это переодетая лошадь. Дядька положил на лошадь мешок с Журигом, вскочил сам — и только его и видели...

Перебуганные девочки побежали искать взрослых. Лита стояла, закусив губу. А Гольга немедля помчался в конюшню, взял без спросу коня маэстро Зиторенго и поскакал в погоню за похитителем.

Профессор Ифанов срочно отправил почтовых голубей в полицию. Вскоре прибыл толстенный полицейский начальник и весело сказал, что «это ничего страшного», что это проделка Агента № 49, ловкого шпиона из Тании, что полиция за ним давно-давно следит, и что целое полицейское управление уже поехало его ловить.

— Я тоже поеду, — заявил профессор. — Маэстро Зиторенго останется вместо меня.

— Лошадей нет, профессор, — сообщил захвоз Гослоф. Ниголаеф и Дзаблин на выходные уехали в город. Одна Зафразга осталась и ослик.

...Гольга даже не видел, за кем гонится. Пока он бегал в конюшню, похититель скрылся из виду. Но там, где проскакала переодетая лошадь, еще висели клубы пыли. По этому следу Гольга приехал в лес. Другой бы человек подумал: лес большой, незнакомый, следа никакого, искать бесполезно. Но Гольга был гордый и упрямый. Раз приехал — надо искать, решил он.

Шпион привез Журига в потайное жилище.

— Вот и приехали, — сказал он, вытряхивая Журига из мешка. — Что, укачало? Хе-хе! Привыкай. Ты теперь заложник. Если мама тебя любит, — пускай отречется от престола. Это что у тебя? Котенок? Ну, можешь с котенком... Посидите оба в чулане. Мышей половите. А завтра мы за границу поедим.

Журиг хмуро молчал. «Убегу!» — думал он.

— Что, думаешь, убежишь? — догадался Агент № 49. — Думай, думай. До окошка в чулане тебе не достать, а если бы и достать, — так не пролезть. Ну, спокойной ночи, Журиг. — И Агент запер Журига в чулане.

— Эй, откройте! — застучал Журиг.

— Что еще?

— Вы сказали — Журиг? Я — не Журиг!

— Как — не Журиг?

— Журиг — это тот, рыжий! А я Фаня.

— Да ты ведь и есть рыжий!

— Да нет, это Журиг рыжий, а я Фаня, я белый!

Шпион вообще-то никому не доверял. А тут что-то засомневался: а вдруг ошибся? Бессонные ночи, жаркие дни, нервы... А ведь это ж не простое дитё — это ж королевское дитё! Ошибочка дорого обойдется...

— Э! Журиг! Или как тебя там... Фаня! А ты не путаешь?

— Ничего я не путаю, — и Журиг для убедительности натурально заревел.

Шпион открыл дверь чулана:

— А ну, иди сюда.

В ответ Журиг заревел громче.

— Тыфу! — сказал Агент № 49 и сам шагнул в чулан.

Окончание следует

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ ПЛОДЫ

В отчете об «Аэлите»-89 (см. предыдущий номер) мы упомянули о том, что в рамках нашего праздника состоялась конференция, исход которой так или иначе затрагивал судьбы всех КЛФ страны. Готовила эту конференцию рабочая группа, возглавляемая писателем В. Д. Михайловым; целью ее было учреждение Всесоюзного объединения КЛФ. Организацией-учредителем нового объединения выступил Всесоюзный научно-методический центр народного творчества и культурно-просветительной работы Министерства культуры СССР.

Третьего июня 1989 года в передаче первой программы Центрального телевидения «Эхо: события недели» был показан сюжет о проходившем в рамках 2-х Ефремовских чтений заседании Совета Всесоюзного объединения клубов любителей фантастики.

Члены Совета и представители клубов, присутствовавшие на заседании в качестве наблюдателей, рассказали телезрителям о проблемах КЛФ-движения, о задачах и функциях только-только возникшего объединения, о планах его работы. Рассказали — не так подробно, разумеется, как хотелось бы: не хватило дорогого, увы, эфирного времени...

Однако, что же представляет из себя Всесоюзное объединение КЛФ, эта новая общественная организация, учредительная конференция которой прошла на «Аэлите»-89?

Чтобы ответить на этот вопрос, есть смысл заглянуть в недавнее прошлое.

Различные идеи объединения КЛФ возникали неоднократно. На семинарах в Перми (в 1981 году), в Ростове-на-Дону (в 1982—1983 годах), на «Аэлите»-83 в Свердловске высказывались и обсуждались самые разнообразные его формы и способы, впоследствии частично воплотившиеся в жизнь. Выпуск текущей библиографии НФ, единый межклубный абонемент, информационные центры и подцентры, в той или иной степени успешно работавшие до конца 1983 года... Появилась и начала осуществляться идея «Великого Кольца» КЛФ, в 1987 году возник Совет представителей, в январе 1988 года — Всесоюзный совет КЛФ...

Но существовало также и мно-

жество причин, по которым все эти благие начинания так и не получили дальнейшего воплощения и развития. Самые главные из них — это отсутствие финансовой, экономической и юридической самостоятельности КЛФ-движения и то жесткое давление, какому оно подвергалось со стороны Административной Системы.

Да и могло ли быть иначе, если стремление мыслить самостоятельно, независимо, творчески, стремление смотреть на мир, не прибегая к шорам канонизированных догм, воспринимались как покушение на самые основы существования АС, как злонамеренный их подрыв? Оргвыводы следовали незамедлительно. У многих ветеранов КЛФ-движения еще свежи в памяти события пятишестилетней давности: строгие разговоры, бесчисленные проверки, исключения из комсомола, обвинения в антигосударственной деятельности. Когда же силовые методы стали недействительны, а клубы, несмотря ни на что, все-таки выжили, в ход пошла тактика бесконечных затяжек и проволочек. Свидетельством тому — хотя бы деятельность Всесоюзного совета КЛФ, который при семи «няньках» (организациях-учредителях) так и не получил ни от одной из них реальной, не на словах, помощи.

Все это привело к тому, что информация о предстоящем создании объединения, которую рабочая группа вполне своевременно распространила по клубам, вызвала самые

противоречивые мнения и чувства. В полученных нами письмах явно читались радость и вежливое недоумение, и ироничный скепсис, и резкое неприятие.

Часть клубов — из тех, что все пережили и вынесли — категорически возражает против любых организационно оформленных структур: это приведет к бюрократизации движения, считают они. Другие видят в новом объединении еще одну — может быть, последнюю — возможность изменить существующее положение дел. Есть еще и третьи — только-только образовавшиеся и те, что находятся в глубинке, в небольших городах, поселках, селах, где материальная база культуры оставляет желать лучшего. Этим третьим крайне необходима самая разносторонняя помощь...

Вот в такой обстановке представители тридцати восьми клубов из четырех республик собрались в Свердловске на учредительную конференцию Всесоюзного объединения КЛФ. (В скобках замечу, что документы для вступления в объединение уже прислали нам и другие клубы, в конференции по тем или иным причинам не участвовавшие.)

Главные вопросы повестки дня — обсуждение и принятие руководящих документов объединения, выборы его совета — никого не оставили равнодушными. Все материалы, предложенные рабочей группой, разбирались от корки до корки, в них был включен целый ряд серьезных изменений и дополнений, должных облегчить новой организации выполнение одной из основных ее задач — создание условий, в которых клубы могли бы максимально реализовать свой творческий потенциал.

Объединение будет работать на принципах хозрасчета, заработанные деньги будут направлены на развитие КЛФ-движения: организацию

Рис. Е. Полканова (Камчатская обл.)

Внимание: новый НФ приз!

Фантастика препятствует самоизоляции: выводя читателя на рандеву с будущим в самых разных его ипостасях, она объединяет всех нас, ее любителей, общей серьезной заботой — уберечь реальное (не фантастическое!) будущее планеты Земля в наиболее оптимальном его варианте, сохранить в нем место для человека. Для живого сегодняшнего человека, не для мутанта о двух головах и при хвосте...

Фантастика снимает перегородки между людьми — и сближает их в группы единомышленников. Она сжимает расстояния между клубами — и объединяет их. Она рушит барьеры между народами — и превращает их в единое человечество. Если говорить всерьез о «народной дипломатии» — вклад фантастики невозможно переоценить, ее любитель едва ли предпочтет конфронтацию самому худому миру, ибо знает, сколь страшным может стать будущее в результате Третьей мировой.

Фантастика и в самом деле не позволяет замкнуться в маленьком

собственном мирке: с собственным хозяйством, с собственной — маленькой — культурой, с маленькой же, но зато собственной литературой. Ведь и большой-то наш мир, — учит фантастика, — в сущности, всего лишь космическая горошина; не смешно ли и не бессмыслица ли — делить ее на микроскопические саморезервации?

Впрочем, поостынем — достаточно лирики и эмоций: они и понадобились-то нам всего лишь затем, чтобы сознаться в страшном — по совсем недавним меркам — грехе. Да, мы все-таки читаем и переводную фантастику. Читаем, а порою даже и предпочитаем ее иным доморощенным шедеврам.

В предыдущем номере мы обнародовали предложение одесского ТХОЛФ «Земляне» об учреждении ежегодного приза читательских симпатий за лучшее произведение отечественной фантастики.

Хотя переводную НФ наш журнал и не публикует, но, откликаясь на многочисленные письменные и

устные пожелания и опираясь на все вышесказанное, мы полагаем возможным учредить подобный же — читательский — приз и за лучшее произведение современной зарубежной фантастики, изданной на русском языке в нашей стране.

В конкурсе претендентов на приз участвуют НФ произведения современных зарубежных авторов, впервые опубликованные в нашей стране за последние два года — в журналах, сборниках, отдельными изданиями.

Желающие принять участие в опросе должны до 1 февраля 1990 г. назвать редакции «Уральского следопыта» не более трех — самых достойных, на ваш взгляд! — из прочитанных вами новинок 1988—1989 гг.: с обязательным указанием автора, года и места издания, а для журнальной публикации — и соответствующих номеров.

Подсчет голосов, выявление лауреата и изготовление нового приза редакция берет на себя, проблему вручения приза победителю решать нам же, но вот над его названием — давайте подумаем сообща? Предлагайте варианты!

О результатах голосования мы сообщим на «Аэлите»-90.

Если в нем примут участие клубы или иные коллективы — просим указать не только количество, но и фамилии голосовавших: «мертвые души» нам не нужны.

И последнее. Напоминаем наш новый адрес: 620219, Свердловск, ГСП-353, ул. Декабристов, 67, «Уральский следопыт», отдел фантастики. На конверте (а чтобы упростить обработку почты, лучше бы — на открытке) ставьте пометку: «ЗФ». Эта аббревиатура — достаточно широко распространенное сокращение слов «зарубежная фантастика».

Рис. С. Ашмарина (г. Свердловск)

В темном небе гасли алые языки пламени. Горел деревянный дом. Истошно кричала женщина — она звала своих детей. Их всех удалось спасти. Первой из окна выбросили трехлетнюю девочку — ее звали Айседора...

Пожар стал первым воспоминанием Айседоры. И вся ее дальнейшая жизнь — как бы прообраз огня в ночи.

«Так же, как у меня бывают дни, когда мне кажется, что моя жизнь является дивной, украшенной сверкающими драгоценностями легендой, цветущим полем, лучезарным утром, увенчивающим каждый час любовью и счастьем, дни, когда я не нахожу слов, чтобы выразить экстаз и радость жизни, — так же бывают иные дни, когда, вспоминая свою жизнь, я чувствую в себе великое отвращение и полную опустошенность».

Последним воспоминанием ее жизни были всполохи алого шарфа, закрутившегося вокруг колеса гоночного автомобиля...

Айседора Дункан родилась в Сан-Франциско 27 мая 1878 года. Бедность в детские и юношеские годы постоянно сопровождала ее семью. В десять лет Айседора бросила школу. Причиной тому послужила та же бедность, но еще в большей степени — ее неприязнь к казенной обстановке в школе. В дальнейшем, на протяжении всей жизни, шло самообразование: в детстве — запойное чтение Диккенса, Теккерея, Шекспира, Лонгфелло, Уолта Уитмена, затем знакомство с трудами Шопенгауэра, Канта, Маркса, постоянное посещение библиотек и музеев во всех уголках мира, где она бывала с гастролями.

Когда ей было десять лет, она сама открыла свою первую школу, где обучала соседских девочек за небольшую плату. Вечерами мать играла на фортепиано, Айседора читала стихи и учила детей следовать смыслу стиха жестами и движением.

Обучение самой Айседоры в танцевальной школе не увенчалось для нее успехом. Когда преподаватель попросил ее встать на пальцы ног, она ответила протестом.

АЙСЕДОРА

Наталья АЛЯШЕВА

Язык же ее искусства жил в ней с малых лет. «Балетная школа учила своих учеников, что первоначально (танца) находится в центре спины у основания позвоночного столба. Вокруг этой оси — руки, ноги и туловище должны были свободно двигаться, создавая впечатление движущейся марионетки. Этот метод порождает искусственное механическое движение, недостойное подлинного танца. Я же, напротив, искала такой источник танцевального движения, который проникал бы во все поры тела. По прошествии многих месяцев, научившись сосредоточивать всю свою силу в этом единственном центре, я обнаружила, что, когда слушаю музыку, вибрации ее устремляются потоком к этому единственному источнику танца, находящемуся как бы внутри меня. Вслушиваясь в эти вибрации, я могла бы превратить их в танце».

Айседора категорически отвергала балетную школу, существовавшую в те годы на Западе. Видимо, качество выступления балерины оставляло желать много лучшего. В 1905 году, познакомившись в России с Анной Павловой, Айседора изменила свое мнение, но только по отношению к русскому балету, «потому что нельзя было не аллоцировать русским балеринам, когда они порхали по сцене, скорее похожие на птиц, чем на человеческие существа».

Вот с каким монологом обратилась она к одному из крупных деятелей американского театра, пытаясь устроиться в труппу таким образом, чтобы сохранить свою индивидуальность, а не танцевать по велению балетмейстера: «У меня есть великая идея, которую я изложу вам. Я открыла секрет танца. Я открыла искусство, которое утрачено уже две тысячи лет. Вашему театру не хватает одного, что сделало великим античный греческий театр, — это искусство танца, трагического хора. Я приношу вам танец. Я приношу вам идею, которая произведет переворот во всей нашей эпохе. Где я открыла ее? У Тихого океана, в сосновых лесах Сиерры Невады. Я открыла танец, достойный поэмы Уолта Уитмена. Я создам для детей Америки новый танец, который изобразит Америку. Я приношу вашему театру живую душу, которой ему не хватает, душу танцовщицы».

В конечном итоге Айседора не нашла отклика своему порыву ни у американского зрителя, ни у театральных деятелей. Бедность же доходила до того, что им с матерью пришлось однажды целую неделю есть банку томатов без хлеба.

Вскоре Айседоре удастся уговорить мать уехать в Европу. На скотопромышленном суденышке 24-летняя Айсе-

дора с семьей отправилась в Лондон. Там на первых порах опять начались голодные скитания. Однажды она увидела в газете объявление о вечере одной знакомой дамы из Нью-Йорка,— та пригласила ее потанцевать. Среди роскошных нарядов присутствующих дам она танцевала в своей тунике, басиком «Весеннюю песню» Мендельсона. В Лондоне ее хорошо принимали поэты, художники. Театральные деятели по-прежнему не обращали внимания. Выступления в салонах приносили успех — платить же за них было не обязательно... Разве что иногда оказывалась благотворительность.

Айседора с семьей уезжает в Париж. Здесь она впервые познает радость настоящего признания.

1903 год. Триумфальные гастроли в Будапеште. Импровизация «Голубого Дуная» вызвала в венгерской публике неистовую бурю восторга. В Германии студенты после ее выступления просто сходили с ума. Каждый вечер они выпрягали коней из ее кареты и везли по улицам, распевая: «Айседора, Айседора, ах, как жизнь хороша!», освещая шествие пылающими факелами. С этих пор чванливая пресса начала приписывать Айседоре образ разгульной женщины.

Полное отсутствие у этой семьи какой-либо коммерческой жилки двинуло танцовщицу в Грецию. Наивное представление о том, что заработанные деньги дадут возможность осуществить мечту — поселиться в давно полюбившихся Афинах, привело их к покупке каменистого участка вблизи Акрополя. Решили строить дом по всем законам греческой архитектуры. К удивлению местных жителей, вся семья носила туники, сандалии. Кстати, Айседора часто носила этот наряд и в европейских странах. Одновременно со строительством дома организовали Дунканы подлинный греческий хор Эсхила из десяти мальчиков, выступали с сочиненными танцами под пение этого хора в театре Диониса. Они открывали грекам их древнее искусство... Но скоро деньги в банке иссякли, дом достроить не удалось, и Дунканы покинули берега Эллады, захватив с собой мальчиков.

В Вене Айседора полгода выступала со своим хором, но голоса греческих мальчиков огрубели, и не только голоса — их поступки тоже не вызвали всеобщего одобрения. Пришлось отправить их обратно в Грецию.

Айседора страшно сожалела, что у нее нет своей школы. Были успех, признание, интересное окружение — ее дом стал центром артистического и литературного мира. В это время она издает книгу «Танец будущего», где делает попытку объяснить свое искусство. Но школа остается пока неосуществленной мечтой.

Знаменателен первый приезд Айседоры в Россию. Ранний зимний рассвет 10 января 1905 года встретил ее бесконечной процессией гробов. «Слезы сжимали мне горло. С беспредельным негодованием я смотрела на несчастных, убитых горем рабочих, которые несли своих замученных товарищей. Если бы я никогда не узнала этого, вся моя жизнь сложилась бы иначе. Там, перед этой, казавшейся бесконечной процессией, перед этой трагедией, я поклялась посвятить себя и свои силы служению народу и угнетенным».

В Петербурге ее встретили одобрительными аплодисментами. На праздничном ужине она поделилась своими планами о танцевальных школах для детей из народа с великим князем Михаилом, чем вызвала его искреннее недоумение. В Москве она встретила со Станиславским, завязалась дружба, длившаяся впоследствии многие годы.

В конце концов, благодаря крупным гонорарам, Айседора сколотила необходимую сумму для образования собственной школы. В Берлине она снимает студию и дом для 40 девочек. В газету даёт объявление о том, что охотно примет к себе детей. Основная часть родителей довольно своеобразно расценила это известие. Они приняли школу за... детский дом, за приют... Один мужчина принес узел с четырехлетней больной девочкой и оставил ее... Айседора брала всех. И если бы не помощь знакомого врача Гоффе, который был великолепным хирургом, получал баснослов-

ные гонорары и тратил их целиком на больницу для бедных детей, Айседоре пришлось бы туго. Деятельная помощь Гоффе «привела всех детей в то великолепное состояние здоровья и гармонии, которого они впоследствии достигли. Дети стали показывать феноменальные успехи».

Преподавание в школе чередовалось с выступлениями и гастролями. Айседора предпочитала оставаться среди своих девочек. «Со временем я намерена создать театр, в котором сто маленьких девочек изучали бы мое искусство, в котором впоследствии они бы самостоятельно совершенствовались. В моей школе я не буду учить детей рабски подражать моим движениям. Вообще, я не стану принуждать их заучивать определенные формы, — напротив, я буду стремиться развивать в них те движения, которые свойственны им».

Гастроли давали возможность содержать эту школу — ведь она и была фактически детским домом...

Летом 1905 года на концерте в Берлине Айседора встречается с Гордоном Крэггом. Их любовь складывается очень сложно. Айседора писала: «Мой уделом было вдохновлять великую любовь этого гения, и моим же уделом оказалась попытка примирить продолжение моей собственной артистической деятельности с его любовью. Немыслимое сочетание!»

У Айседоры рождается девочка. Восстановить здоровье после родов нет времени. Гордона пригласили во Флоренцию ставить спектакль, и Айседора стала переводчицей для Гордона и Элеоноры Дузе — известной актрисы. Между кормлениями младенца она переводила, и настолько изящно, так хорошо сглаживая резкие выражения обеих сторон, что конечным результатом стал великолепный спектакль. При дословном переводе спектакля бы не было.

Побыть подольше с ребенком и Крэггом не удалось. Отсутствие счета в банке снова звало в турне. Оно кончилось молочной горячкой и несколькими неделями пребывания в больнице. Вскоре последовал и невыносимо тяжелый разрыв с Крэггом.

Через восемь лет Айседора на полгода приезжает на гастроли в Америку. Наиболее понравившимся танцем здесь стал танец на музыку Седьмой симфонии Бетховена. Часто она выступает не только с танцами. Вот ее речь в Метрополитен-опера: «Сокровища жизни, поэзии и искусства должны быть принесены народу. Постройте для него огромный амфитеатр, единственный демократический вид театра, где всем одинаково видно, где нет ни лож, ни балконов. Поглядите на галерею: разве вы считаете, что справедливо сажать человеческое существо под потолок, словно мух, а затем требовать, чтобы они оценили искусство или музыку? Постройте простой и красивый театр. Не надо его золотить. Искусство не нуждается во внешних обрядах. Дайте искусство народу, который нуждается в нем».

Айседора упорно продолжает искать мецената, который помог бы ей содержать школу, и расширить ее. Помощь пришла неожиданно — в лице миллионера-промышленника, которого она назвала своим Лознгрином. В 1908 году он покупает под Парижем для школы новую студию. Часто в этой студии с голубыми занавесями Айседора работает сутками, забывая о еде. Меценатство Лознгринга было не единственной нитью, связавшей их. Новая любовь дарит Айседоре еще одного ребенка — мальчика. Теперь у нее есть все. И искусство, и дети, и любимый человек. Счастье, умиротворение наконец снизошло на нее... Но в каком плохом романе доброе начало длится долго? Предчувствие трагедии настагло ее на одном из концертов. Она попросила пианиста сыграть траурный марш Шопена. «В своем танце я изображала, как человеческое существо на руках несет своего мертвого ребенка, медленными, запинаящимися шагами — к месту последнего успокоения. Когда я закончила, и упал занавес, наступила удивительная тишина. Пианист был смертельно бледен и дрожал. Он взял мои руки в свои. Они были холодны, как лед. — Никогда не проси меня больше играть этот марш, — умолял он. — Я почувствовал самую смерть...»

Предчувствия оправдались... В автомобильной катастрофе погибают оба ее ребенка. «У меня было твердое намерение покончить с жизнью. И лишь слова девочек из моей школы, обступивших меня: — Айседора, живи ради нас. Разве мы не твои дети? — побудили меня утешить скорбь...»

Пришел 1914 год... Студию отдают под госпиталь. Из воюющей Европы Айседора со школой уезжает в Америку. В Аргентине она танцует гимн народа этой страны, обернувшись ее флагом. На следующий день правительство предлагает ей оставить страну. Нет денег, нечем даже заплатить за гостиницу. Полное одиночество.

1917-й разделил весь мир на две части. И Айседора, не задумываясь, присоединилась к революционной России. 25 октября она встретила в Нью-Йорке. «Тот день, когда пришла весть о революции в России, наполнил всех любителей свободы надеждой и радостью, и вечером я танцевала «Марсельезу» в подлинно революционном настроении духа, а вслед за ней — свою интерпретацию «Славянского марша». В своей красной тунике я постоянно танцевала революцию и призыв угнетенных к оружию. В ночь русской революции я танцевала с дикой, неистовой радостью. Сердце мое рвалось из груди за тех, кто сейчас дождались освобождения, а раньше подвергались страданиям...»

Айседора вернулась в военный Париж одинокая, больная, без единого цента. Школа была уничтожена, а война, казалось, будет длиться бесконечно. «Мое отчаяние не имело границ. Я жаждала уйти из мира, ибо в те дни я верила, что мир и жизнь умерли для меня. Сколько раз в жизни приходишь к такому заключению! Меж тем стоит заглянуть за ближайший холм, — там окажется долина цветов и счастья, которая ждет нас».

Весной 1921 года Дункан получает из России приглашение создать там свою школу. «По дороге в Россию у меня было чувство, словно душа, отделившись после смерти, совершает свой путь в новый мир. Мне казалось, что я покинула навсегда все формы европейской жизни. Со всей энергией своего существа, разочаровавшегося в попытках достигнуть чего-либо в Европе, я была готова вступить в государство коммунизма. Я не взяла с собой никаких платьев. Я представляла себе, что я провожу остаток своей жизни в прекрасной фланелевой блузе среди товарищей, одетых с такой же простотой и исполненных братской любви. Отныне я буду лишь товарищем среди товарищей, я выработаю обширный план работы для этого поколения человечества. Прощай, неравенство, несправедливость и животная грубость старого мира, сделавшие мою мечту несбыточной. Вот он, новый мир, который уже создан!...»

Валентина ЮДИНА

* * *

На рассвете росы крупны
На капустных грядках лиловых...
Выйду в сад до захода луны,
Погляжу: снова ведра полны,
У колодца следы видны
Или мамыны, или отцовы.

* * *

Тот дачный домик долго будет помниться —
К нему тропа от станции вела.
Счастливейшая солнечная горница
Оклеена открытками была.

Там до сих пор в саду малина греется,
Листва не облетает на тропу...
А мне, а мне осталось лишь надеяться,
Что я еще вернусь в твою судьбу.

* * *

Гроздья орехов и ягоды радуют,
Много в природе добра.
Летние молнии в озеро падают
Ветками из серебра!
Гром отгрохочет,
Появится солнышко,
Высушит желтый покос.
Взять бы цветок,
Да и выпить до доньшка
Розовость утренних рос!
К ночи разжечь костерок под калиною,
Искры, как пчелы, помчат...
Вот бы узнать
В эти ночи былинные,
Что ж это звезды молчат?

* * *

А честно говоря, и нам пора
На мир взглянуть добрей, светлей и проще.
Остановилась осень у двора,
Последний рыжик затерялся в роще.
Еще тепло. Еще по вечерам
С лугов, пыля, бредет коровье стадо,
Еще в домах не утепляли рам,
Еще в садах не слышно листопада.
Еще в колхозе сторожат бахчу,
Но ласточка под крышей не смеется,
И даже эхо, если закричу,
Помедлит, а потом уж ответится...

* * *

Выплывают машины
Из утренней мглы.
В городской
Оглушающей гуще
Я порою не слышу
Жужжанья пчелы
На дворовой рябине цветущей.
Век моторов,
Будь трижды могуч и крылат,
Только дай мне
И видеть, и слышать,
Как весенними листьями
Шепчется сад,
Как снежок
Опадает на крыши.

150 000 — НА ВЫСТАВКУ

Владимир КАБАНОВ

Ни одно историческое здание не может похвастаться верностью одному владельцу. Революции выселяют одних из двorcов, других — из подвалов. На фоне современной массовой застройки здание «Станции вольных почт» по проспекту Ленина, 11 в Свердловске вполне может сойти за дворец; а на дворе революция... По традиции дворец и подвалы поменяли владельцев: обитатели дома выехали в многоэтажные благоустроенные дома, из подвалов во дворец ворвались художники, а подвалы заняли кооперативы. Все устроилось, жизнь пошла своим чередом.

Здание решили передать Свердловскому отделению Союза композиторов. Но пока суть да дело, экспериментальное художественное объединение провело в нем за свой счет текущий ремонт, выбросило перегородки вместе с коренными клопами и открыло в здании свободный выставочный зал. Во дворце даже заработали выставки. И опять же, по установившейся революционной традиции, эти выставки называются экспериментальными.

Новых соседей оказалось так много, что окрестные аборигены плынули на попытку запомнить всех и завязали отношения с незабываемым с первой же встречи Махотиным. Виктор Махотин — свердловский художник, большой энтузиаст, и вообще — явление значительное; ну, сами представьте, что значит общаться с человеком, для которого минута молчания кажется последней в жизни. Таков Махотин. Таким он и интересен, таким и нужен. Когда искали человека, способного закрутить дело, а затем возгладить выставочный зал, то проблема поиска заключалась исключительно в том, чтобы уговорить на это Махотина. И зал заработал в кратчайшие сроки. Причем, кратчайшие — даже по «буржуйским» понятиям.

А дело было так. Пока Махотин гонял строителей и заводил дружбу с соседями, пока будущий искусствовед выставки Марина Азанова и другие энтузиасты разгребали строительную грязь, — уже подбиралась экспозиция. К дню открытия зала выяснилось, что свердловские художники представлены тремя-пятью авторами, и это на свободной выставке... Нехорошо получалось, некрасиво.

«Открываемся», — объявил Махотин. Первые зрители, пребывая в полной уверенности, что выставка — «полу-подпольная», умилились, потом, как водится, оставили отзывы и понесли по городу восторги, что является лучшей рекламой... А вместе со зрителем пошел и художник с картинками и проблемами.

Проблема же нарисовалась сразу крутая. Как не вешивать часть работ типа портрета Майкла Джексона, не нарушая при этом принципа: «Выставляем всех!» Поступаться принципами нельзя, но и отнимать место в пользу двухметровых «джексонов» было бы просто самоубийством — иной художник никогда не позволит вывесить свои выношенные работы рядом... Он просто заберет их назад, и свердловская изобразительная культура (та ее часть, по крайней мере, что не примыкает к Союзу художников) будет представлена работами самых иммунных к насмешкам художников и не менее иммунных любителей «поба-

ловаться» живописью между чаем и сном. Иммунных художников немного, зато вторых...

Снова выручила эмпирическая мудрость Махотина: «Мы их выставим, но не здесь». Работы изоманов принимались, находили своего зрителя в самых разнообразных местах, которые из деликатности я называть не буду. Но проблема осталась. Потому что желающих выставиться любой ценой в Свердловске оказалось даже больше, чем на Арбате, причем выставиться именно «на вольных почтах». Не обошлось и без жалоб. Жаловался неуклюжий зритель, привыкший видеть сталеваров или вождей с девочкой на руках... Готов был жаловаться художник, сотворивший лик Джоконды размером 50×50 см, задутый из аэрографа... Впрочем, в данном случае жалобы не было: деликатный и задержанный Махотин вывесил шедевр без сопротивления, и только ради обновления экспозиции. Кстати, тоже одна из проблем. Постоянно действующая выставка должна менять экспозицию, иначе потеряет при всем своем хозрасчете зрителя. А хорошие работы — «не пейзаж с природы», каждый день не рождаются...

Внимательный читатель, знакомый с выставочной деятельностью, сразу же поймет, что все эти проблемы выросли на прекрасной почве, и почва эта — все тот же дворец. Действительно: нет выставочного зала — и нет проблем выставочной деятельности.

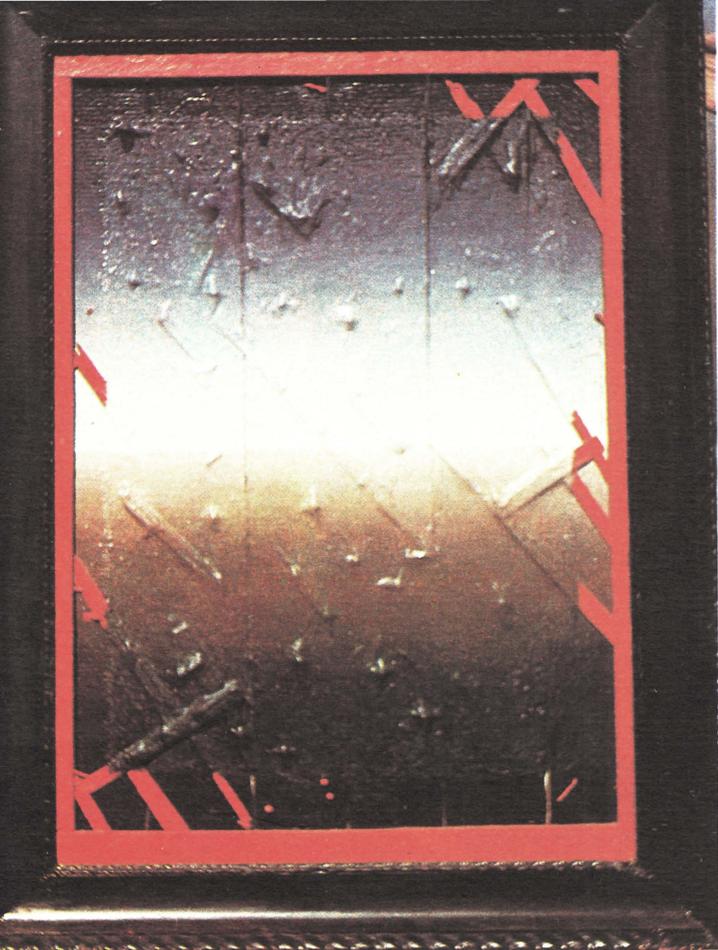
Вот здесь-то мы и назовем эту сумму — 150 000 рублей. Это деньги, необходимые для реставрации здания. Здание обещано, как уже сказано, Союзу композиторов, и все художники и постоянные посетители с тревогой ждут часа, когда композиторы наскребут эту сумму. Что будет тогда со свободным выставочным залом? Разместится ли он в доме купца Агафурова, расположенного по соседству, как обещано городскими властями, или прекратит свое существование вовсе?

Экспериментальное художественное объединение полным ходом ведет работы по проекту реконструкции здания. Весной начнется сама реконструкция. А судьба единственного и первого в стране свободного выставочного зала, к тому же ведущего активную выставочную деятельность, до сих пор скрыта за чьим-то дремотным ожиданием.

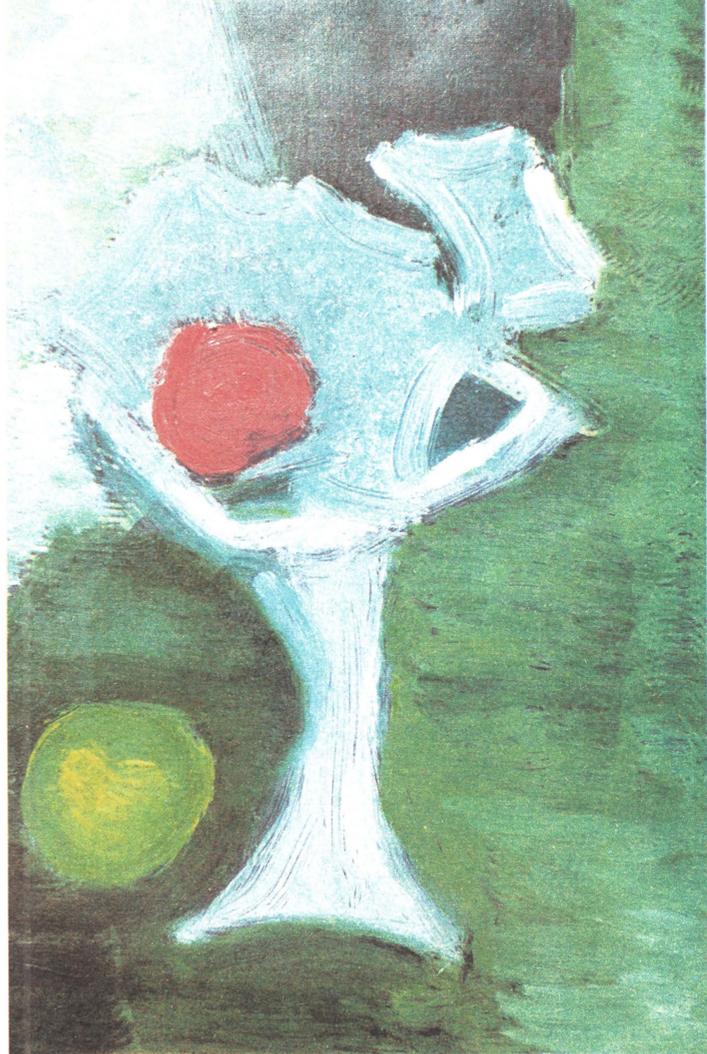
Кстати, о выставочной деятельности. Часть экспозиции выставки постоянно колесит по кинотеатрам и домам культуры. Именно «Станция вольных почт» экспонировала работы на первом Всесоюзном фестивале неигрового кино. Заключены договоры на организацию передвижек с Воркутой, Тюменью, Челябинском, Киевом, Кишиневом и т. д.; предполагается выставка в Чехословакии...

Вопрос: «кому это надо?» уже не встает. Тысячи зрителей в один голос подтверждают, что надо. Один вопрос остается: «где?»

...Может, Министерство культуры даст 150 000 выставочному залу? А горисполком оставит его там, где он есть — на «Станции вольных почт»?

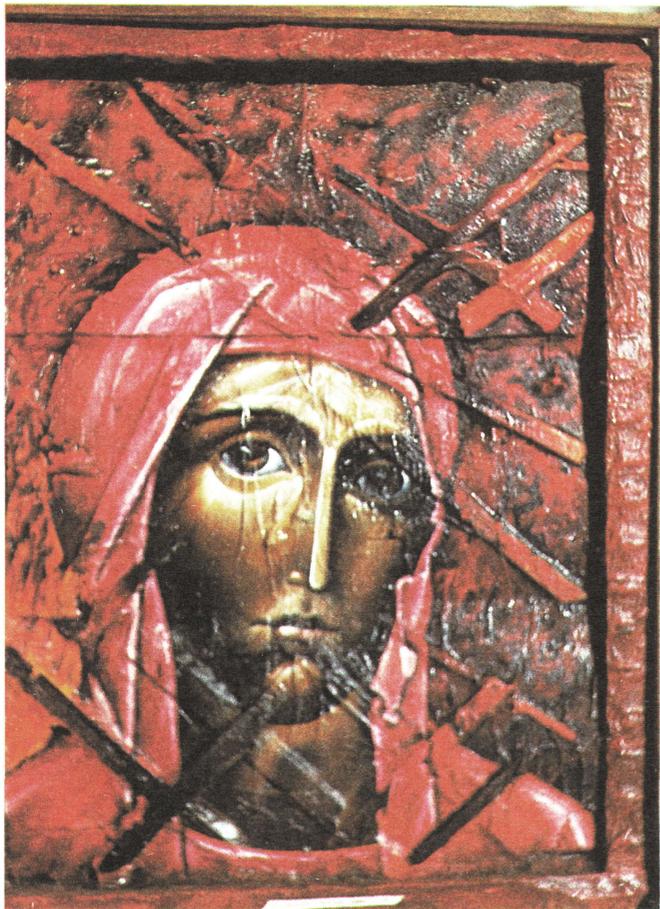
ПРЕДЧУВСТВИЕ ЯНВАРЯ. В. Дьяченко

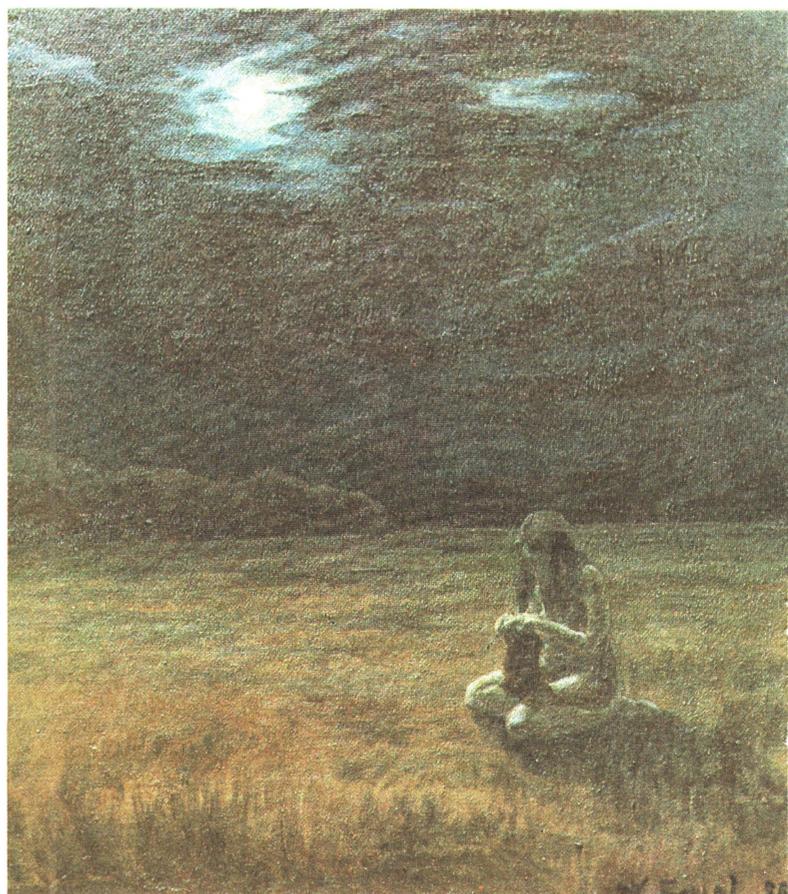
НАТЮРМОРТ. В. Корнелюк

ЖЕНЩИНЫ МИРА. С. Казанцев

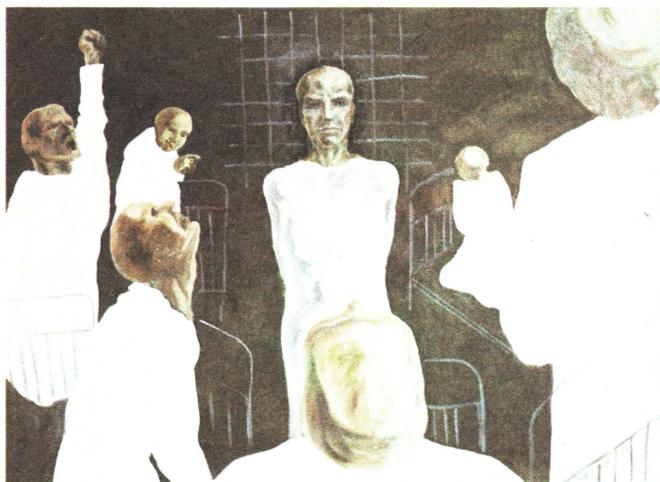

ЯВЛЕНИЕ ВЕРЫ. В. Дьяченко

ПОЛНОЛУНИЕ. В. Кабанов

ОБРЕЧЕННЫЙ СЛУШАТЬ. В. Кабанов

ДАША. В. Кабанов

ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА РЕКЕ ЛЕСНОЙ

Валерий КОБЫЛИН

Рис. Елены Крутских

1.

Легкая круговерть, до этого плавно водившая поплавки взад-вперед под кустом ивняка, пропала, и они, красный и синий, пригорюнились, задремали на неподвижной водной глади маленькой речной бухточки.

— Все, — сказал Мишка, — три-один в мою пользу. Говори: я балда.

Ромка вздохнул и десять раз назвал себя балдой. Все было по закону: Мишка вытащил три плотвички, Ромка одного — с мизинец — ерша. Солнце стояло над головой и щедро отдавало тепло земле и всему, что было на ней. Речка притихла, как бы затаялась. Неумолчная густая стрекотня кузнечиков

наполняла дремотную полуденную тишину. Ребята окунулись в тепловатую, слабо бодрящую воду и растянулись на траве. В чистом, слегка подсиненном небе висел ватный, изорванный след недавно пролетевшего реактивного самолета.

Мишка достал из кармана два сладких коричневых сухаря и дал один Ромке. Сухари дружно и весело хрустнули на зубах.

— Да... — сказал Мишка.

— Да... — ответил Ромка.

Говорить было не о чем. Крупный медный муравей раскачивался на травинке перед Мишкиным лицом.

— А я курну, — объявил Ромка, выскреб из спи-

чечного коробка малюсенький ободранный окурочек, зажег спичку и, чмокая и сопя, стал тыкаться носом в язычок пламени.

— Знаешь, Ромка,— сказал Мишка,— ты лучше не кури, а то превратишься в мумию или умрешь. Вон плотник из общаги тем летом сидел у бани на бревне и курил. Покуривал да посмеивался, а потом — раз! — курнул, сказал «Ой!» и умер. Лежит мертвый, а у него из носу дым идет.

— «Ой» он не говорил, не ври,— возразил Ромка.

— Ну может, что и другое сказал. При чем тут... Вон какой ты синий и на борьбу слабак. Вот скажи мне: повалил ты меня хоть разик?

— Чего синий? Сам ты огурец зеленый,— огрызнулся Ромка.— Я только третий раз курить пробую. А когда наперегонки — ты меня хоть раз обогнал?!

Да, бегал Ромка быстро, особо стремителен был его старт. При всем желании ни убежать от Ромки, ни догнать его Мишка не мог.

— Может, ты, Ромка, чемпионом мира по бегу можешь стать,— вздохнул Мишка.— А чемпионов-куряк не бывает.

Ромка испортил две спички, поморщился и стрельнул окурочек в воду.

— Давай, Ромка, лучше в небо смотреть,— сказал Мишка.

Когда Мишка долго-долго смотрел в небо, в одну точку, у него сладко кружилась голова и начинало казаться, что он не на земле, а летит, поднимается в небо, выше и дальше: куда хочу, туда лечу.

Что-то плеснуло. Ребята развернулись на животы. Из-за поворота выплывала лодка с двумя мужчинами. Один, в полосатой футболке, сидел за веслами, другой, высокий, в темных очках, стоял, полусогнувшись, в носовой части лодки и внимательно вглядывался в берега. Дядьки были незнакомые. Что-то заставило ребят замереть, пригнать головы.

— Тут, что ли? — спросил сидящий за веслами.

— А что, подходяще. Здесь редко кто бывает. Давай еще чуть вниз. Стоп! Елочка-метелочка...

Лодка с низкой посадкой, борт в три засмоленные доски, остановилась почти напротив кустов, за которыми прятались Мишка с Ромкой. Гребец померил веслом глубину:

— Метра полтора тут.

Лодку медленно разворачивало на середине речки, ширина которой не достигала здесь и тридцати метров.

— Вроде разговаривали тут.

— Да нет! Это дальше, у песка, там пацаны купаются.

— Нет, ты погляди получше, не ленись,— сердито сказал дядька в футболке.

— Эй, ты, хмырь! Чего там спрятался? Вылезай! Я ведь вижу тебя,— негромко крикнул дядька в темных очках. Вообще-то это был, пожалуй, не дядька, а взрослый парень.

— Не шевелись,— ткнул локтем Ромку Мишка,— это он нарочно, проверяет.

— Сам знаю! — прошипел Ромка и больно лягнул ногой в Мишкин живот, да так удачно лягнул, что Мишка даже тихоночно охнул. «Ну, погоди,— сердито подумал Мишка,— ты у меня получишь». Подумал, но глубоко задумываться не стал, не до этого было. И потом: в драке для Ромки не существовало ни правил, ни разумных пределов, и конечный

результат даже при явном силовом преимуществе Мишки не мог быть предсказуем.

Зимой Ромка обратил в бегство пятиклассника, когда тот сдуру задумал показать ему «где раки зимуют».

Очкастый склонился в лодке спиной к ребятам, напрягся и перевалил что-то громоздкое за борт. Раздался тяжелый глухой всплеск, несколько раз крупно булькнуло.

— Тише ты! — громко прошипел сидящий за веслами.

— Порядок. Как в аптеке. Елочки-метелочки,— распрямились над речкой «темные очки». — А достать — всегда достану. Поехали.

Весла ударили по воде. Лодка прошла немного вверх по речке и причалила у противоположного заболоченного берега с темно-зелеными гребнями попуры и жесткой осоки, припавшей к самой воде.

— Ромка, чего это они? — спросил Мишка.— Ловушку поставили или чего?

— Не шевелись! — зашипел Ромка.— Ловушку поставили... Как же. Балда. Они покойника утопили. Во, длинный чего-то из лодки вылезает.

— Покойника?! — поразился Мишка и вдруг почувствовал обнаженным животом прохладу прибрежной травы.

— Сперва убили, а теперь утопили. Привязали груз, чтоб не всплыл.

Они переглянулись. Надо было как-то незаметно сматываться отсюда. Очкарик торчит на том берегу, головой, как филин, крутит, а вдруг на этот берег надумает: веслами три-четыре раза махнуть — и здесь. Они осторожно отползли на животы ногами вперед, а потом скатились до усеянной желтыми кувшинками влажной ложбинки. Красиво скатились, как разведчики, подумалось Мишке.

Тут их уже нельзя было заметить с того берега, они выбрались на тропинку, сразу же нырившую в лес, и припустили во все лопатки. У Ромки, бежавшего впереди, даже пузырилась застиранная до серости, с увядшей красной крапинкой рубашка. Выскочили на широкую, укатанную лесовозами дорогу, отсюда поселок был весь на виду. Присели на обочине. Поселок небольшой, молодой, не очень приглядный, как говорят взрослые, а Мишке лучше не надо. Худенькие березки еще только начинают робко заглядывать в окна первых этажей, да и не больно нужна зелень, считает Мишка, когда с трех сторон леса.

В поселке контора леспромхоза, магазины промтоварный и продовольственный, детсад, библиотека, клуб, мало чем уступающий объемом и красотой районному кинотеатру, и дюжина двухэтажных 12-квартирных домов со всеми удобствами: и газ, и водяное отопление, и ванны с душем. В кухнях на всякий случай поставлены небольшие белые печки заводского изготовления, которые можно топить короткими сосновыми поленами. Ближе к железной дороге, немного в стороне, завод по лесопереработке. В основном в поселке живут те, кто связан с лесозаготовкой и разработкой древесины. В километре от их деревнянского поселка расположен большой, даже немного похожий на город поселок Североонежск, все дома там кирпичные. Там и школа, куда совсем недавно, до каникул, бегали Мишка и Ромка во второй класс. Мишкиным родителям недавно предлагали квартиру в Североонежске, они отказались, папа ска-

зал, что в дереве душа есть, дерево дышит, а камень мертвый.

— Вот это да! — сказал Мишка. — Неужели же...

— А ты думал что?! — взвился Ромка. — Думал, и бандитов уже не осталось?

Говорить было о чем. Рождались страшные догадки и фантастические предположения, особо усердствовал Ромка. Он настойчиво выдвигал версию о покойнике. Мишка склонился к мешку с золотом, по крайней мере, с серебром.

— А помнишь, очкастый еще сказал: «Захожу — всегда достану», — вслух размышлял Мишка. — Если покойника в речку бросили, зачем его снова из воды доставить?

— Мало ли... — замылся Ромка, подыскивая веский аргумент.

— Вот ты весной в болоте слепых котят утопил, — развивал свою мысль Мишка. — Стал бы ты их оттуда через неделю вытаскивать? Зачем они тебе нужны, дохлые котятка?!

— Не нужны они мне, — согласился Ромка и добавил: — А котят отец велел утопить.

Они решили завтра все разведать и поклялись, что, пока сами не раскроют тайну, никому ни слова.

— Вперед, джигиты! — крикнул Мишка, и они побежали в поселок. И опять пузырилась рубашка на спине у Ромки, и Мишке никак не удавалось догнать его.

2.

Мишка летел. Не на самолете, а сам по себе, раскинув руки, легко и свободно парил над крышами домов. Переворачивался в воздухе, как акробат, очень жалел, что не видит его сейчас Ромка, дрыхнет без задних ног. Завтра расскажешь — не поверит. Ни за что не поверит. Сделав ладошки лодочкой, Мишка брыкнул ногами, нырнул вниз, а когда стала видна каждая выемка и трещинка на шиферном листе крыши, а печная труба черным жерлом угрожающе надвигалась на глаза, резко взмыл вверх.

Мишка вынырнул из сладкого сна. Бодрая мелодия и мужественный голос певца сотрясали воздух и приглашали к оздоровительной деятельности. Папа, как всегда по выходным, делал физзарядку.

Если вы в своей квартире,
Лягте на пол, три-четыре...

Вообще-то папа не гимнастикой занимался, а исполнял замечательный дикарский танец. Мишка взвизгнул от восторга, взмыл с дивана и стал копировать отца. Из кухни, вытирая руки о фартук, выскочила румяная улыбающаяся мама и стала выпендриваться, ну совсем как Люська из 8 «А».

— Стиляга! — крикнул папа. — Тут не дискотека, тут спорт.

— Тут тебе не танцуйки! — поддержал папу Мишка.

— Не сбивайте дыхание, мальчики! — отозвалась мама, подпрыгнула и повисла на шее у папы. Папа рывкнул по-медвежьи и упал на палас.

Мишка прицепился сзади мамы, и папа с седоками на спине совершил два почетных круга на четвереньках. Потом Мишка с папой приняли холодный обжигающий душ, надраили мохнатыми полотенцами кожу до полыхающей сладким жаром красноты и сели завтракать. Макали пышные оладьи в сметану и запивали черным кофе.

— И жизнь хороша... — сказал папа, отправляя очередную оладью в рот.

— И жить хорошо! — поддержал его Мишка.

— Ну вот что, — сказал папа, — в следующую субботу едем на Ундозеро. С ночевкой. Нету больше моей моченьки.

— Ура! А Ромку возьмем?

— Давай до кучи и Ромку.

— И я хочу, — сказала мама.

Папа смешно закрутил головой, даже заглянул, удивляясь и недоумевая, в кофейник, не сидит ли кто там.

— Кто-то чего-то сказал или нам почудилось?

— Нам почудилось, — сказал Мишка, с удовольствием включаясь в игру.

— А это кто? — спросил папа, удивленно тарашась на маму.

— А это хныкалка, которую очень любят кусать комарики.

— А! Помню, помню...

— Высмеивать единственную женщину в доме! — воскликнула мама и схватила папу за ухо, а Мишку за нос. — Ну как?! Это вам тоже чудится?

— Нет, это бо-бо, — сказал папа.

— Бо-бо, — прогундосил Мишка. Мама отпустила Мишкин нос и папино ухо.

— Хватит, натерпелась. Куплю девочку. Вас двое, нас двое, тогда еще посмотрим, кто кого.

— Без нашего разрешения... — начал папа.

— Ничего не выйдет, — закончил Мишка.

— Вышло уже! — засмеялась мама и такими хорошими-хорошими глазами посмотрела на папу.

«А красивая у нас она, — подумал Мишка, — вырасту, найду жену такую же, как мама. Хотя где такую найдешь. Таких уже и не бывает. Нет уж, лучше не жениться...»

Папа у Мишки веселый, он так и сказал за столом:

— Ты у меня веселый, а вот дядя Федя все сердитый ходит. Я с ним здороваюсь, а он даже не смотрит.

— У него печень, — сказала мама.

— У него совесть, сынок, перебой делает. Его за махинации убрали с теплого места, он и сердится, — сказал папа.

— Он что — вредитель? — спросил Мишка.

— Вредитель, — ответил папа.

— А тогда почему он не в тюрьме?

— Да вот не в тюрьме... А надо бы ему годик-другой подлечиться там.

Но тут рассердилась мама, велела папе не болтать ерунду и вообще думать и соображать, о чем можно, о чем нельзя говорить с ребенком.

— А мы соображаем! — папа подмигнул Мишке. — Соображаешь?

— Еще бы, — охотно согласился Мишка, хотя похвалиться в данную минуту каким-то определенным соображением не мог.

А папа стал рассказывать, что две новенькие бензопилы — ох! как они нужны на лесосеке — вроде как в дороге, не дойдя до склада, пропали, как в воду канули, бумаги есть, а пил нет.

— Без этого самого дяди Федя, я думаю, тут не обошлось, — нахмурился папа.

— На то ты и народный контролер, — сказала мама. Папа приобнял Мишку, ласково вздохнул ему волосы.

— Веселый я, говоришь. Верно — веселый. Так и время-то интересное, веселое. Сегодня зеленая улица веселым, а не сердитым и злым. И ты у меня со смешинкой в левом глазу родился.

— А я? — спросила мама.

— Про тебя и говорить нечего, — папа заговорщически подмигнул Мишке и поднял вверх указательный палец. — Светлана Ивановна, обратите внимание!

Мама посмотрела на папин палец и засмеялась. Папа опустил палец, мама замолчала, снова поднял — и мама опять засмеялась.

— Да ну тебя, совсем в лесу одичал, — и она вышла из кухни. А Мишка подумал: «Вот дает... как гипнотизер». И тут Мишке захотелось рассказать папе о том, что они видели вчера на речке. Так захотелось, что даже языку во рту щекотно стало.

3.

Папа пошел поколдовать над мотоциклом, потому что, как он сказал, пропала искра. Мишка увязался за ним.

Мишкин папа — бригадир лесосечной бригады, вальщик леса. Когда приходит с работы, от него всегда вкусно пахнет опилками. Его бригада соревнуется с другими и почти всегда побеждает. У папы много красивых грамот с портретом Ленина. Зимой в поселковом клубе каждому из папиной бригады подарили по кассетному магнитофону. Самый главный начальник с длинной гладкой головой в постреливающих острых желтыми молниями очках и напоминающий одомашненного добропорядочного крокодила, не утратившего, однако, природной способности укусить и даже проглотить, сказал, что бригада заготовила 27 тысяч кубометров леса, в полтора раза перевыполнила годовое задание. Все хлопали в ладоши. Хлопал и Мишка, они с Ромкой были в клубе, потому что после собрания ожидался мировой фильм про пиратов.

Ромка, бледный от зависти, сказал:

— Эх, взял бы твой отец моего к себе в бригаду, он, может бы, человеком стал. Эх! Пить бы бросил. А там, глядишь, и подарок бы какой-нибудь получил...

Мишка с Ромкой дружили, а отцы их, по словам мамы, не сходились характерами. Ромкин отец работал на пиломатериале в лесосече. Его частенько рисовали в смешном виде в газете, которая вывешивалась в коридоре конторы. Он любил пить водку. Пьяный, он обычно ругался с Ромкиной мамой. Ругались они громко, даже на улице было слышно, особенно, когда тетя Вера кричала: «Паразит! Алкаш проклятый!» А тот в ответ сквернословил.

Когда в магазине водку стали продавать только по талонам — а талоны ему не выдавали, — дядя Коля стал варить брагу. Об этом по секрету сообщил Мишке Ромка, но предупредил, чтобы помалкивал, а то отца в милицию заберут.

— А его не тошнит? — спросил Мишка.

— С чего бы?

— Надо, чтобы стошнило. Я вот, когда маленьким был, килограмм, а может, два халвы съел. Меня тогда стошнило, и я халву сейчас видеть не могу. Три дня голодным сидеть буду, а кусочка халвы в рот не возьму. У вас тараканы есть?

— Ага. За батареей на кухне.

— Ты тараканов налови и накидай ему в бражку.

Мишкина идея Ромке пришлось по душе, но результат оказался неожиданным. Дядя Федя хладнокровно выудил всех тараканов из бражки — а их было ровно полтора десятка, — одним махом выпил полкастрюли, отметив вслух, что бражка удалась на славу, а потом долго зудел тете Вере, что она специально развела тараканов, чтоб ему житья в доме не было.

...Папа копался в мотоцикле, а Мишка стоял рядом и приходил к благоразумному выводу, что покойник и золото — это пустая фантазия, глупая выдумка, а раз так, значит, нет настоящей тайны. Значит, можно и рассказать. Он уже было начал: «А знаешь, папа...» И тут появился Ромка, в руках у него был небольшой красный багор, видимо, из противопожарного арсенала. Он почему-то не подошел к ним, издали поздоровался с папой и, кособо-чась и смешно гримасничая, стал жестами подзывать к себе Мишку.

— Ты, Ромка, в пожарники записался или в сплавщики? — спросил папа.

— Нет... Это я донку на щуку поставил, а найти не могу, — начал бодро врать Ромка, — а крючок такой хороший, японский. Отец еще давно подарил...

«Издали легче врется, — подумал Мишка, — вон как ловко про японский крючок выдумал. А чего он за ухо держится?»

Папа отпустил Мишку на речку, но тут выглянула из окна мама и велела Мишке полить грядку с луком. Вместе с Ромкой быстро управились. Мама сунула Мишке пакетик с оладьями: «Сам не хочешь — Ромку угости». А папа спросил, где на речке их искать, потому что он часа через два приедет искупаться, да и мотоцикл помыть надо.

— Помнишь, где у тебя одноглазая щука на ерша взяла? Там и будем.

— Ты что, — зашипел Ромка, упорно держась за левое ухо, — клялись же не болтать.

— А я и не болтаю. За мной, джигиты!

4.

Мишка с Ромкой остановились около своей тропинки, и Мишка только сейчас заметил, что одно ухо у Ромки иссиня-черное, похожее на печеный гриб. Мишка страшно удивился.

— Чего рот разинул? Отец надрал, — признался Ромка.

Оказывается, Ромка позавчера втихаря в шестилитровую кастрюлю с брагой высыпал пакет черного перца, бухнул туда три столовых ложки горчицы и щедро посолил. Ромка проводил дома целенаправленную борьбу с пьянством. А вчера отец налил кружку браги, в два глотка осушил ее, разинул рот и долго закрыть не мог. А когда закрыл, Ромке досталось на полную катушку. Чуть ухо не открутил, спасибо, мать выручила.

— Злой он у тебя, — вздохнул Мишка. Ромка покосился на Мишку, помолчал и сказал:

— Да нет, он не злой. Он хороший, когда не пьет. Помнишь, какой лук со стрелами он тебе сделал? Вот, а ты говоришь — злой... — и Ромка стал высвистывать лихую песенку.

Они вышли к речке. Удилища, забытые ими вчера, лежали у кромки воды. Но красного Ромкиного поплавка не было видно, а леска, туго натянутая, уходила под куст. Ромка, трясаясь от нетерпения,

кряхтя и ухая, вытащил замечательного окуня, граммов на триста, и издал победный вопль.

— Не ори,— сказал Мишка.— Разорался, подумаешь.— Ему радоваться было нечему: даже червяк на крючке не был съеден.

Окуня усыпили, прикрыли лопухами и побежали. Вверх по речке искать плот. Речка Лесная извилистая, спокойная, где-то далеко она впадает в большую реку Онегу. Ширина ее здесь метров тридцать, а самая большая глубина два метра, да и то редко, только по вымоинам на поворотах да в редких ямах. Далеко ребята пробежали, но плота не обнаружили. Вернулись обратно, пошли вниз по течению и за первым же поворотом нашли замаскированный в кустах плот из коротких, но толстых бревен, скрепленных металлическими скобами. Пришлось изрядно попотеть, перегоняя плот против течения до места, где вчера было произведено таинственное затопление.

Мишка вогнал в податливое дно через широкую щель между бревнами шест, и заякоренный плот замер на середине речки. Ромка распластался на плоту и стал проверять дно, почти целиком погружая полуметровый багор в воду.

— Есть! — крило объявил Ромка.

У Мишки в груди даже тесно стало: а вдруг Ромка прав и там покойник...

— Что-то твердое, железное. Вот, звякает. Слышишь? — сообщил Ромка, припадая к воде черным ухом. Мишка перехватил багор, пошевелил им: точно, в воде стыковался металл с металлом. Ну, значит, не покойник! Он повел багор чуть в сторону и вверх и почувствовал, что крюк багра за что-то зацепился.

— Ташу, Ромка!

Ромка стал помогать ему. Что-то тяжелое медленно поднималось со дна. Желтоватая донная муть выплеснулась из глубины и распласталась на по-

верхности. Ромка то ли от возбуждения, то ли от страха лягнул зубами.

Из воды показалось нечто объемное, неопределенное, в мешковине, крест-накрест перехваченное веревкой. Они вытащили груз на плот и посмотрели друг на друга.

Мишка осторожно пощупал сырую мешковину, похоже, там лежали две здоровенные железяки.

— А может, это бомбы,— неуверенно предположил Ромка, и они отодвинулись от таинственной находки. Сидеть просто так было глупо. Мишка достал из кармана походный нож-складенец, собрался с духом и резанул по мешковине. Под мешковиной была грязная черная материя, полоснул и по ней. Расширили брешь, пачкая руки в густой ароматной смазке: бензопила! Две бензопилы...

Ромка разочарованно вздохнул.

— Знаешь, Ромка,— сказал Мишка,— ты напрасно вздыхаешь, их украли и спрятали. Они ведь очень дорогие. Мой папа...

Больше он ничего не успел сказать.

5.

Сверху, из-за поворота, выскочила лодка и стремительно понеслась к ним. Ребята поспешно толкнули мешок в воду, а Мишка стал лихорадочно вытаскивать шест, который держал плот на приколе. Лодка ткнулась в плот, и Мишка едва не полетел в воду.

— Вы чего тут, козявки? Вы чего! — заорал высокий парень.— Чего ищете? Елочки-метелочки! А? — и он прибавил к елочкам-метелочкам грязное ругательство.

Это был вчерашний парень, правда, он был без очков и без напарника. Парень был очень сердит и заметно пьян.

— Мы, дядя, просто катаемся, мы ничего,— ди-

пломатично начал Мишка. Парень ударил веслом по воде, и настоящий водопад обрушился на Мишку. И тут же, перегнувшись через борт лодки, он ловко ухватил Ромку за ухо. Ухватил за больное, черное ухо, поэтому Ромка взревел на всю округу, вырвался и замахнулся багром:

— Алкаш! Вор! Ворюга! Убирайся отсюда, пока в тюрьму не попал!

— В тюрьму? — окончательно рассвирепел парень, выбил веслом багор из рук Ромки и шагнул одной ногой на плот.

— Ромка, прыгай! — крикнул Мишка. Плот накренился, вздыбился, и Ромка неловко скользнул в воду, ударившись головой о бревно. Мишка, по-лягушечьи раскорячившись, успел плюхнуться головой вперед и по-собачьи забухал к берегу, до него было метров десять. Ромка поплыл почему-то не по прямой, а наискосок, к забредшему в воду мелкому кустистому ивняку.

Парень на лодке и Мишка почти одновременно достигли берега. Мишка чертом вылетел из воды, но парень двумя огромными прыжками настиг его, крепко ухватил за шиворот.

— погоди, пацан, не бойся...

Но Мишка страшно испугался и заорал во все горло; рванулся, затрещал ворот рубашки.

— Да не ори ты! — Парень, видимо, тоже немало испугавшись, хотел как-то договориться с ребятами. Парень был обуйн яростно и страхом, но Мишка, насмерть перепуганный, ослепленный, не разглядел заячьего испуга в его расширенных белесых глазах.

— Помогите! — завопил еще громче Мишка, леденя от ужаса и ничуть не сомневаясь в том, что его и Ромку парень сейчас будет убивать.

И тут, как в доброй сказке, из леса вылетел мотоцикл и остановился в пяти шагах. Папа, не заглушив двигатель, метнулся к ним, рука парня ослабла. Мишка увидел перекошенное испугом и злобой белое лицо парня и папины холодные, прямо какие-то колючие, ледяные глаза. Таких глаз он у папы еще не видел.

Потом что-то глухо чмокнуло, парень замахал руками, быстро-быстро задом засеменял к речке и грохнулся в воду. Парень вынырнул, крутанулся в воде, бестолково выпучив глаза, и поплыл к другому берегу. «А чего это Ромка-то лежит», — подумал Мишка и кратко, но довольно вразумительно проинформировал папу о происшедших событиях на речке.

— А! Вот оно что, — сказал папа. — Знакомое лицо. Где-то я его вроде видел. Эй! Парень! Плыви обратно, далеко не убежишь!

Парень не хотел плыть обратно, на карачках выкарабкался по глинистому склону на берег и, не оглядываясь, побежал прочь. Лодка его сиротливо покачивалась на взволнованной людьми воде.

Ромка лежал у самой воды, свернувшись калачиком, его только что вырвало. Папа и Мишка склонились над ним. Он был бледен, глаза сонные.

— Ромка... — растерялся Мишка.

— Рома, что с тобой? — спросил папа.

— В голове больно, — тихо ответил Рома.

— Так, — сказал папа, взял Ромку на руки и понес к мотоциклу. Ромку усадили на передок заднего сиденья и он оказался плотно прижатым между папой и Мишкой. Мотоцикл, недовольно ворча, запетлял по тропинке. Ромка, вялый, безучастный, прижатся к папиной спине, голова с черным топырча-

тым ухом безвольно покачивалась на худенькой шее. Мишке очень жалко было Ромку, а вдруг Ромка умрет. Как же тогда Мишке жить без Ромки... Тропинка наконец выпрыгнула на дорогу, но папа поехал не домой, а повернул в Североонежск. В больницу, догадался Мишка и успокоился. Там Ромке погнать не дадут, вылетат.

6.

У Ромки оказалось сотрясение мозга. Такой диагноз снова разбередил в Мишке опасения за Ромкину жизнь, и на завтра он прибежал в больницу. После настойчивых просьб бабушка в очках сказала: «Ладно, иди уж», обрядила его в длинный, чуть не до пят, белый халат, и Мишка с замиранием сердца вошел в палату № 7.

Там уже сидел на табуретке возле Ромкиной койки его отец, дядя Коля. Он показался Мишке сильно постаревшим. А Ромка ничего, лежал, хорошо так смотрел на Мишку, и по его глазам Мишка понял, что Ромка рад его приходу.

— Это, Ромка, хорошо, что ты не умер, — сказал Мишка и тут же понял, что брякнул что-то не то, потому что больные заулыбались, а их, кроме Ромки, в палате было еще двое. Ромкин отец крикнул, а сам Ромка вроде как сконфузился:

— Я что, дурак, что ли...

— А я тебе твоего окуня принес. Его мамка в сметане поджарила. Вкуснятина! — сказал Мишка, вынимая из сумки завернутого в целлофановый пакет окуня и литровую банку с клюквенным морсом.

Положил гостинцы на тумбочку и стал рассказывать, как папа, дяденька Полуянов из папиной бригады и милиционер доставали бензопилы из воды, и что того парня по описанию многие узнали, его ищет милиция, а может, уже и нашла.

— Я, Рома, пойду, — сказал дядя Коля. — Правляйся, сынок. Завтра с мамой придем...

Он пошел к выходу, но задержался у двери и незнакомым хриплым голосом заговорил:

— Я это... Рома. Всё. Окончательно. Не пью больше! Досыта напился. Всю ес, проклятую, не перепьешь. Вот при Мишке говорю. Всё!

Ромка недоверчиво посмотрел на отца и не то согласился, не то попросил:

— Ты, папа, не пей больше.

— Не буду, сынок. Разве уж когда совсем немного по великим праздникам. А так — всё! — он махнул рукой и вышел из палаты.

С минуту в палате стояла мертвая тишина. Большой дяденька, у которого на лбу почему-то лежала круглая гребка, глубоко вздохнул, и Мишка понял, что Ромкиному папе не поверили.

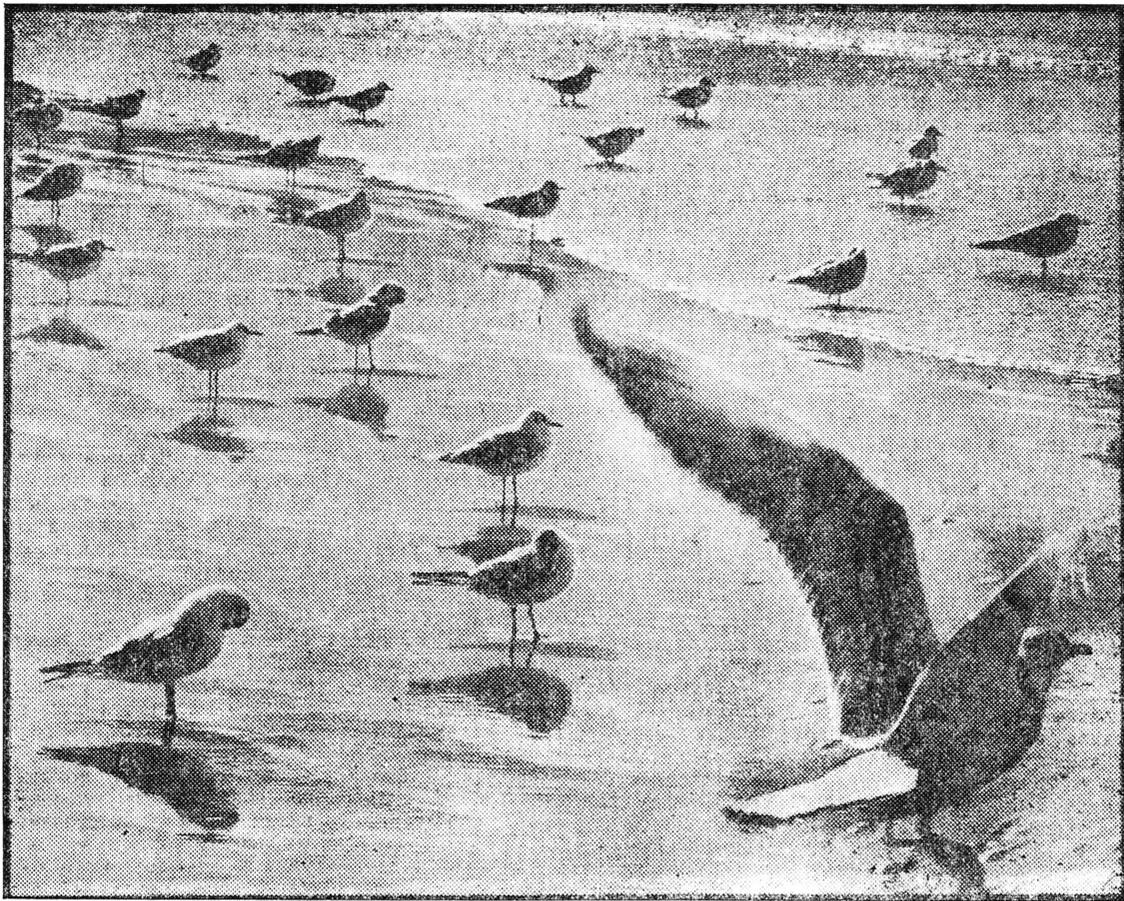
— Мирового окуня я вытянул, — вдруг улыбнулся Ромка. — Десяти твоих плотвичек стоит. Или нет?

— Стоит, — охотно согласился Мишка, хотя в другое время и в ином месте он поставил бы зазнавшегося Ромку на свое место.

— Значит, ты кто?

«Балда», — хотел сказать Мишка, но посмотрел на Ромкиных соседей и смугился, не называть же себя десять раз балдой перед незнакомыми людьми.

— Ладно, потом, — уловил его состояние и смильнулся Ромка. И Мишка понял окончательно, что Ромка пошел на поправку и умереть ему уже никак невозможно.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЧАЙКАХ

Георгий САМАРИН

Фото Сергея Васильева

Мглистое морозное утро в одном из наших северо-восточных портов. Бухта покрыта льдом, но портовики еще работают. Морской буксир, растолкав перемолоченный лед, приткнулся к пирсу. Два его винта остановились, и вскоре небольшое пространство чистой воды затянуло молодым льдом, гладким, как только что залитый каток.

После обеда на палубу буксира вышел человек в телогрейке и выбросил на лед остатки пищи. Тут же со стороны бухты налетели голодные чайки. Разлетевшись, они катились по льду, как на коньках, бежали на разъезжающихся ножках, скользили, падали... Вмиг все было расклевано — досталось далеко не

всем. Человек с буксира усмехнулся, вынес еще немного кусков, но чаек становилось все больше и больше, и, конечно, накормить всех не было никакой возможности.

Снова чайки отлетели в сторону и опять понуро стоят среди торогов в унылом ожидании какого-нибудь корма.

Эти большие птицы из породы серебристых чаек почему-то не улетели вместе со всеми в более теплые широты и теперь «сидят на бичу», слабея от холода и голода. Глядя на них, я вспомнил, как чайки разных видов тучами кормятся в открытом море возле плавбаз и рыболовных судов на осенней селедочной путине.

Однажды, работая в море, я обратил внимание на одну большую серебристую чайку. Она бегала по палубе плавбазы рядом с бункером, наполненным селедкой, и все пыталась, но не могла перелететь через фальшборт. «Большая, что ли...» — пожалел я ее. Но вот чайка остановилась, раскрыла клюв и отрыгнула сначала одну, потом другую селедку. Постояла, посмотрела на рыбу (так и хочется сказать — подумала), потом проглотила одну селедку и легко перелетела через фальшборт.

Кто-то может подумать: «Если каждая чайка утащит из бункера с рыбой хоть одну селедку, а чаек вокруг плавбаз — миллионы... Какой же это ушерб!» Нет, чайки не разо-

рят государство, они слишком пугливы. Эта же чайка осмелилась на воровство лишь потому, что поблизости не было людей: все рыбообработчики ушли обедать. Обычно же чайки довольствуются рыбными отходами, которые смываются за борт, или потерями рыбы, пока еще неизбежными на промысле.

Кроме больших серебристых чаек, способных проглотить селедку, на промысле собираются чайки поменьше — из породы буревестников, чем-то похожие на голубей, — эти могут съесть селедку только в воде, сообщая разорвав ее на части.

Впрочем, для противников чаек, а их немало среди моряков, порода не имеет значения. На разных судах я наблюдал, как по ним стреляют из рогаток, бросают в них болты, гайки и прочие железки. Пытаются ударить палкой. Ловят на крючки. Начиняют селедку гвоздями и электродами. А однажды видел, как моряки устроили между пойманными чайками бой, наподобие петушиного... Большинство все это делает просто ради забавы.

Был такой случай. Проходя по палубе плавбазы, я увидел возле маларки моряков, собравшихся вокруг пойманной чайки. Это была чайка-буревестник, которая вблизи выглядела неожиданно большой. На этот раз затея казалась невинной: выкрасть чайку и отпустить. Парню с кистью в руке то и дело подавались советы: «Поставь кресты на крыльях!.. А теперь покрась голову!.. Разрисуй еще хвост!..» К чести чайки надо сказать, что она пыталась клюнуть кого-нибудь из обидчиков, но люди крепко ее держали.

Я попробовал вступить за птицу: «Что вы делаете! Она же погибнет!» — меня отгеснили, делая вид, что не слышат.

Вскоре чайку потащили к борту и подбросили. Перегруженная тяжелым суриком, птица забила крыльями, одно крыло у нее подломилось, и она упала в воду недалеко от плавбазы. Чайки, которые плавали рядом (плавбаза лежала в дрейфе), шархнулись от нее, как от чумной, и уселись в стороне... И долго, пока течение уносило прочь от стаи обреченную птицу, к ней не приблизилась ни одна из них.

Ребята молча ушли с палубы, понимая, что шутка оказалась невестелой.

...А вот пример вообще бессмысленной жестокости.

На небольшом рыболовном судне, во время вынужденного перекура (судно сдавало рыбу), один из моряков зарядил селедку электродом в надежде на то, что ее проглотит чайка. Брошенная за борт селедка быстро потонула, чайки не успели ее схватить. Тогда его осенила мысль: «А что если зарядить селедку хлоркой?»

— Чайка проглотит селедку, — размышлял он вслух, впихивая хлорку в селедочный рот и тщательно утрамбовывая ее пальцем в резиновой перчатке, — у нее в животе начнется реакция...

Этот моряк был отцом одиннадцатилетнего сына, поэтому я сказал:

— Зачем ты это делаешь? Видел бы тебя сейчас твой сын!

— Он бы сказал, что чаек нужно убивать! — смеясь, ответил «отец семейства», добавляя хлорки в селедку. — Вот когда я был в Атлантике, один рыбак упал за борт, так его еле спасли — чайки чуть не заклевали!..

Нападение чаек на людей в открытом море — пожалуй, самый сильный аргумент в устах противников чаек. Но если бы это и было так (ни одного достоверного свидетельства я не слышал), какой смысл убивать за это одну из тысяч тихоокеанских чаек?

— В чем же вина этих чаек? — говорю я, но он уже отвернулся, не слушает; занят разговором со своим другом боцманом.

Значит, нужно действовать по-другому!.. Я решительно подхожу к нему с намерением отнять селедку. Подмигнув боцману, он отдает мне ее почти без сопротивления. Я бросаю селедку под самый борт, куда чайки боятся подлетать, и там она медленно тонет.

Однако стоило мне отойти подальше, как он снова начал заряжать селедку. Я снова направился в его сторону. На этот раз он ожидал меня и, когда я к нему подошел, перебрал селедку боцману, который стоял по другую сторону деревянного слипа, расположенного поперек судна. Пока я перелезал через слип, боцман перебрал селедку обратно... За нами, улыбаясь, наблюдали ребята. После нескольких неудачных попыток «перехватить передачу», я почувствовал себя в роли Дон Кихота, сражающегося с мельницами...

У кого не вызывал восхищение полет чаек-буревестников, когда они, раскинув стреловидные крылья, боком проносятся над волнами, находящимися в каком-то миллиметре от кончика их крыла, при этом никогда не задевая воды! Но бывает время, когда эти чайки почти лишаются способности летать. Это случается во время сильного бурана. Чайка окатывается в среде, которая плотнее воздуха, крылья быстро устают, и ветер швыряет ее на воду, иногда переворачивая на лету, как сорванный лист. В такое время чайки предпочитают сидеть на воде, прижав голову к туловищу и подрабатывая лапками против волны.

Но бывает, что ночью яркий свет и запах рыбы поднимает чаек на крыло, несмотря на нелетную погоду, и тогда ветер может забросить

ослепленных и беспомощных птиц на палубу какого-нибудь траулера. Так было несколько раз и на нашем СРТМе. Но один случай мне запомнился. В ярком свете прожекторов бешено крутился снег, матросы выбирали трал, подняв блестящие от воды капюшоны. Двух заброшенных на палубу птиц подобрал я и выбросил за борт (там у них больше шансов выжить), одну — еще один моряк, поступивший так же, а еще одну подобрал матрос, работающий поодаль. Он почему-то пошел с ней в шкафут, где освещение было не таким ярким, и через некоторое время вернулся, поглаживая оторванную голову чайки...

Парень молодой, здоровый, остроумный. В мороз и шторм работал, не прячась за других. Не мог же он одичать за два месяца плавания! Так зачем же он это сделал?

Этот вопрос бесполезно было задавать, и я ограничился лишь тем, что перестал с ним разговаривать, хотя мы с ним и жили в одной каюте. Двое других восприняли его поступок как не стоящий внимания, но однажды, когда у него что-то на работе не ладилось, один из моряков сказал: «Этот тебе не голову чайке отрывать!»

— Что может испытывать чайка, попавшая на крючок? — толковывал я молодому практиканту, проходившему практику на плавбазе, увидев, как тот наживляет селедку на крючок, сделанный из гвоздя. — Ничего, кроме дикой боли и страха! То есть то же самое, что испытывал бы человек, получивший вдруг смертельное ранение.

Парнишка оставил свое занятие. Через несколько дней я увидел его на шлюпочной палубе. Было чудесное, слегка морозное утро. Селедочная путина уже закончилась. Селедка была засолена, заморожена и убрана в трюма. Плавбаза стояла на якоре в ожидании перегруза. Чайки по привычке кружили рядом с судном, но свежей рыбы им больше не перепало. Среди них была одноногая чайка. Парнишка бросал кусочки хлеба, стараясь, чтобы их схватила именно она. Чайка быстро это поняла и, пролетая мимо, приостанавливалась, хватая кусочки хлеба на лету. Казалось, еще немного и она начнет склевывать хлеб прямо с ладони. Молодой матрос улыбался, и я подумал, что из него должен получиться хороший человек.

Александр ЧИБИЛЕВ

Пернатым символом среднего и нижнего Урала является орлан-белохвост, или, как его называют местные жители, белохвостый беркут.

Эту огромную птицу с размахом крыльев около двух метров можно увидеть в нарастающем количестве вниз по течению, начиная от села Рассыпного, что находится в Илекском районе Оренбургской области. Несколько пар орланов гнездится на острове, образованном двумя рукавами Урала в месте так называемых Раздоров, около Илека. Ниже Илека — орлан-белохвост обычная птица.

На стокилометровом участке от Илека до устья Иртека мы насчитали с катера до 34 белохвостов. А общее число этих птиц в пойме Урала от Илека до Индера в Гурьевской области может быть оценено в 150—180 особей. Больше половины из них, безусловно, здесь гнездится. Это очень значительное количество, если учесть, что численность белохвоста повсеместно сокращается, и он занесен в «Красную книгу СССР».

Орлана-белохвоста часто можно увидеть парящим над уральскими плесами или сидящим на сухих ветках старых деревьев. Жизнь орлана очень тесно связана с рекой, так как рыба составляет его основную пищу. Рыбу орлан хватает с поверхности когтями, иногда наполовину погружаясь в воду. Не отказывается он от уток и грызунов.

Белохвосты гнездятся в глухих труднодоступных уголках пойменных лесов. Свои огромные гнезда из сучьев и палок они строят на вершинах высоких деревьев, как правило, на осокорях и белых тополях. Для полного комфорта орлану необходимы вблизи гнезда суховершинные деревья-присады — своеобразные наблюдательные пункты.

Таких мест в пойме Урала становится все меньше. И задача лесников, егерей — выявить гнездовья орланов в приуральских лесах. Своеобразным заказником для белохвостов должен стать остров у села Иртек, практически не посещаемый людьми. Таким же уголком покоя для этих крупных хищников является остров на Раздорах выше Илека. Немало орланов гнездится по Уралу в районе сел Крестовка Илекского и Бородинск Ташлинского районов. Местным лесхозам нужно, по возможности, сохранить участки гнездовых, не вырубать сухие деревья-присады.

Обрывистые берега, или, по-местному, яры, следуют один за дру-

ПЕРНАТЫЕ СИМВОЛЫ УРАЛА

гим после каждого песчаного пляжа то на левом, то на правом берегу Урала. Грунт, слагающий яры, мягкий, супесчаный или суглинистый, легко поддается размыву. Ежегодно в весеннее половодье многометровые толщи береговых стенок обрушиваются в реку.

Как только Урал войдет в свои берега, а это случается к концу мая, его яры атакуют тысячные стаи береговых ласточек. Здесь, в отвесных стенках ласточки роют норы для своих гнездовых. Норы роются семейной парой, попеременно, на глубину от 50 до 80 сантиметров. Нора заканчивается расширением, где и оборуждается гнездо.

В кладке береговушек 4—6 белых яиц. Насиживание длится не более 15 дней. Около 20 дней птенцы находятся в гнездах.

На участке село Илек — устье Киндели (менее 100 километров) мы насчитали 17 крупных (от 50 до 800 заселенных нор) и большое количество мелких колоний ласточек. По нашим подсчетам здесь гнездились не менее восьми тысяч пар птиц. Значит, после вылета птенцов население этих колоний превысит 30 тысяч особей!

И мне вспомнилось давнее предположение известного оренбургского натуралиста-краеведа Я. Н. Даркшевича: объявить среди школьников движение по охране колоний ласточек-береговушек. Они могут устраивать норы не только по крупным ярам, но и в обрывах малых рек, в стенках оврагов, карьеров, придорожных кюветов, где опасность разрушения гнездовых еще более велика. Необходимо обеспечить охрану обрывов с колониями от разрушения в течение 35 дней. Это реальный и эффективный путь сохранения численности одного из полезнейших видов наших птиц.

Серая цапля — самая обычная обитательница уральских мелководий. Спокойная птица, она не спешит покидать места, давно освоенные человеком. Известно, например, что

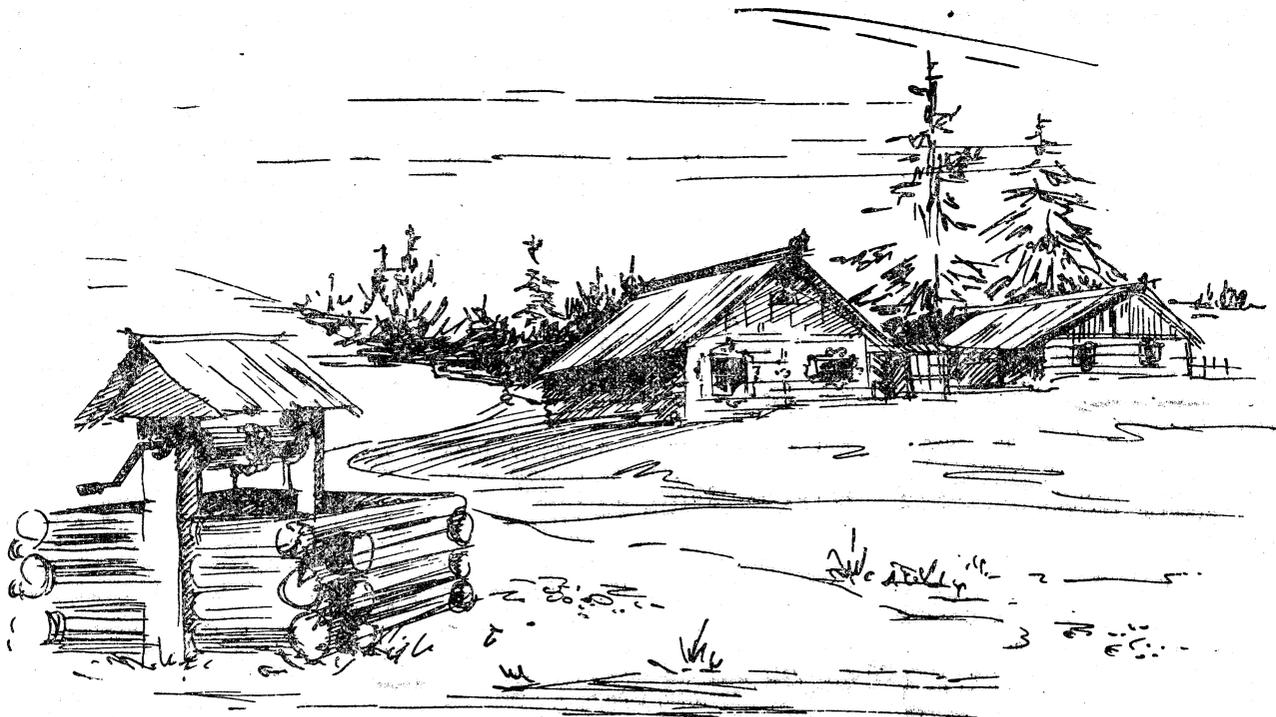
цапли живут на Урале и в черте города Оренбурга.

В условиях уральской поймы цапля редко гнездится на деревьях. Чаще всего она устраивает гнезда в густых ивняковых зарослях, обрамляющих пляжи, и в тростниковых крепях.

Птенцы у цапли появляются в середине июля, а к началу августа они уже поднимаются на ноги. Начинается самый опасный период в их жизни. В это время на пляжи устремляются тысячи горожан. Беспомощные птенцы нередко отсиживаются в кустах рядом с человеком, а их родители не могут подлететь и накормить их.

Но настоящее бедствие приносят птенцам собаки, которых отдыхающие берут с собой на пляжи. У Нижней Павловки в Оренбургском районе приходилось видеть, как один пес, играючи, разорил целую колонию еще не ставших на крыло птенцов цапель.

Серые цапли гнездятся колониями и могут жить в доверии с человеком, украшая и оживляя наши водоемы. Гнездовья цапель легко могут установить работники лесного и охотничьего хозяйства, а с их помощью и школьники. Предупреждающие надписи, перекрытые поездки к гнездовьям могут сохранить покой нужных человеку птиц.

КОЛОДЕЦ

Рассказ

Владислав НИКОЛАЕВ

В свое время для трудов уединенных и для отдыха после оных купил я в деревне избушку на курьих ножках и потом долго не мог нарадоваться не столько приобретенным сельским приютом, сколько теми разнообразными благами, какие вместе с ним свалились на меня совершенно бесплатно.

Что это за блага? В зеленых берегах речка, синеюшая перед самой станцией, где мы выходим с электрички. Узенький, в три доски, пешеходный мостик через эту речку. Мягкая торфяная тропинка вдоль просеки, на которой после Петрова дня косят сено и ставят конусообразные копны. Смешанный лес, пересекаемый тропинкой дальше. Грибы

и ягоды в том лесу. И птичий гвалт над головой. И сочные запахи цветов и трав на солнечных полянках.

Моя избушка стоит на краю деревни, и если оглядеться с пристроенной к ней застекленной веранды, то увидишь вокруг один только лес. Сплошной хвойной стеной дыбятся он по левую руку вдоль забора, подходит к самому огороду на задах. По правую руку — соседская усадьба. На ней много берез, и они воспринимаются тоже продолжением леса. Никаких деревенских построек с веранды не видно и не надо иметь большого воображения, чтобы замечать: избушка твоя — не избушка, а кордон в тайге, где на десятки километров во все стороны ни одной живой души.

На задах в заборе калитка. Она выводит на проселок, огибающий мою усадьбу и занырявающий в лес. По проселку жители деревни ходят метров за двести к родничку — за ключевой водой. Еще для этой цели используются многочисленные тропинки, протоптанные по лесу чуть не от каждого огорода.

Над проселком нависают мохнатые еловые лапы, сквозь них весенними проталинами сияют клочки неба.

Еще недавно, бывало, идя с ведром за водой, на земляных закрайках колен наберешь полную запазуху липких маслят, а завернув в лес под сень берез, добавишь к ним несколько ядреных красноголовиков и парочку несравненных белых.

Не единожды случалось: прежде, чем принести воды, я оставлял где-нибудь пустое ведро и возвращался домой, чтобы разгрузиться от собранных по дороге грибов.

В глубине леса с проселка надо свернуть на выбитую лотком тропинку, пройти по ней и в заросшей крапивой и лабазником сырнике упресться в приземистый кособокий срубик из черных плах, в знойный полдень из него отдает блаженной прохладой — это и есть родник!

Владислав Николаев... Об этом писателе можно было сказать — но мы скупи на добро, откровенное прижизненное слово — он не проживает, а живет! Живет вместе с героями своих рассказов и повестей. Подснежники. Свистящий ветер. Жемчужина гор Саянских. Ледяное небо. Река Сердечная. Две путины. Все это — как нетрудно заметить — не сентенции, измышленные в качестве заглавий литературных произведений, а перенесенные на бумагу реалии нашей земли, то, что увидел писатель, то, в чем он участвовал.

А участвовал Владислав Николаев в геологических походах, в морском промысле, в экологических и краеведческих экспедициях. И при этом являл участливость ко всему, что утвердилось в Отечестве по законам правды и красоты. Собственно, этот сердечный дар — участливость — и зажил в нем писательскую работу.

Надеемся, рассказы и повести безвременно ушедшего уральского писателя Владислава Николаева, набравшего сердце, еще долго будут зажигать новых и новых читателей.

Вода в нем прозрачная. Вогнутое дно покрыто черной трухой, но там, где оно пробурывается витыми ключами, в самой сердцевине, труха разламывается струями по сторонам, и из-под нее просвечивает исподний золотистый песок.

В березовых верхах по-сорочьи трещат дрозды. Часто можно увидеть тут маленького голубоватого поползна. Спускаясь винтом по стволу наклонной ольхи, он то и дело клювиком извлекает из трещин в коре жучков-короедов и щелкает их, точно семечки. На другом дереве так же поспирали, только вверх, движется пищуха, занятая тем же самым, что и поползень,—добыванием хлеба насущного.

Чем не заповедный уголок, чем не благословенная земля? Кстати, все это: и грибной проселок, и родник с живой водой достались мне совершенно бесплатно, впридачу к избе.

Увы, радовался я недолго. Экологический кризис не обошел стороной и нашу деревушку. Если быть точнее, кризис в наши места не пришел, а приехал. Приехал на тракторе «Кировец», который однажды майкем вечером с сотрясением земли и ревом пригнал в деревню Матвей Чуркин, имеющий дом по тому же порядку, что и я. Когда-то в том доме он проживал постоянно, но потом в близлежащем рабочем поселке получил благоустроенную квартиру. Дом стал использоваться лишь в летний период под дачу.

В высоко вознесенной над землей кабиной мостится вся семья: плотный, короткоший, пропитанный зрелыми соками хозяин и двое папанов, таких же краснощеких, как отец. В затененном уголке жмется бледнолицая худосочная женщина — хозяйка. За перенаселение кабины в городе их бы по головке не погладили, а в деревне сходит с рук.

Кто не знает, как выглядит «Кировец» — оранжевый, огромный, с двухэтажный деревянный дом; каждое колесо у него полуметровой ширины и в мужичий рост. В первый же день, хвастаясь, Матвей повесил соседям, что этот зверюга жрет налегке, без груза, по пятнадцати литров горючки в час, а с многотонным грузом — все пятьдесят, полцентнера... Частному лицу такое чудовище не прокормить.

С пятницы на субботу и с субботы на воскресенье «зверюга» ночует перед окнами чуркинского дома. А днем Матвей выезжает на промысел. То приволокет хвостами десятков-другой жердей про запас, то доставит охапку травы для будущей телки, которую купит к концу лета, а к ноябрьским холодам набравшую вес пустит на мясо.

В одну из суббот Матвей пригласил меня вместе с ним поехать на тракторе за грибами. Я полагал: прикатим в лес, поставим машину где-нибудь на прикол, а сами спустимся по отвесной лесенке из кабины и уже на своих двоих займемся поисками грибов. Но как бы не так! Загнав трактор в лес, Матвей и не подумал его останавливать. Крутя баранку вправо и влево, вел его, будто по саломной трассе, меж деревьями, а сам между тем ницно заглядывал вперед и озирался по сторонам. В высокой раскачивающейся кабине я чувствовал себя, как на колесе обозрения. Там и сям мелькали грибы. Красные, коричневые, синие, желтые.

— Засек? — спросил Матвей, остановив, наконец, трактор. — Так и будем охотиться: сначала высмотрим, а потом в кузовок отправим.

Но так собирать грибы я не захотел — спустился из кабины на землю и больше в нее не поднялся.

На улице деревушки дорога довольно крепкая, убитая транспортом, и без видимых потерь выдерживает «Кировец». Но Матвей повалился подвезжать с задов, где промял с проселка отворот к своему огороду и буквально в считанные дни превратил чудесный, поросший муравьей проселок в сплошные карьеры глубиной в метр. Видать, в некоторых из них увязал настолько основательно, что приходилось вылезать из кабины и помогать трактору подручными средствами: в глубинных карьерах никли втисные в грязь, срубленные топором молодые сосенки и ели.

Весной и осенью Чуркин пластался с особенным вдохновением и за каких-нибудь два межсезонья довел проселок до того, что сам уже на своем «Кировце» не мог по нему проехать. Но подтаскивать к дому даровое добро надо, и по лесу, по покосным еланям параллельно проселку пролегали все новые и новые дороги. Грунт у нас повсеместно торфяной, рыхлый — уже при следующей езде и эти дороги пре-

вращались в глубокие карьеры, и надо было прокладывать новые.

Подобной бурной деятельности не выдержал даже многосильный «Кировец», и Чуркин среди лета поставил его на ремонт. Этому событию обрадовался не я один — вся деревня, считай, возликовала. Увы, радость оказалась преждевременной. В следующую пятницу Чуркин привез свое семейство на еще более мощной машине — на сверкающем черным и синим лаками японском бульдозере «Компацу», напминавшем звуком идущий на посадку турбореактивный лайнер. Еще бы: машину распирали четыреста лошадиных сил.

В последние годы на Урале из лета в лето все суше становится земля на огородах, копаешь в мае гряды — пыль столбом. Мелеют речки, обнажаются ручейки, высыхают бо- лота.

В один прекрасный день ни с того ни с сего замутилась в родничке за огородами вода. Побелела, пожелтела. Не вода, а кофе с молоком. Может, какой-нибудь пакостник расковырял палкой дно. В таком случае через день-два вода отстоится и снова станет прозрачной, хрустальной, настолько прозрачной, что когда зачерпнешь в эмалированное ведро, ее и не видно. Но прошло несколько дней, а вода в срубке не теряла приобретенного кофейного цвета.

В эти дни у родничка перебивали все жители деревни, и старые, и малые. Точно большого приходили новости.

— В горловинке ходы-выходы засорились. Чистить надо родник, — поставил диагноз самый авторитетный среди поселелян Степан Яковлевич Сухоробров.

Ребра у него действительно были сухие и все на виду, даже сквозь выпущенную поверх брюк, довольно болтающую белую исподнюю рубаху угадывались. Не потому ли в свои семьдесят он все еще скор и легок на ногу, не отказывается ни от каких хозяйственных работ.

В сухой знойный полдень под руководством многомудрого Степана Яковлевича собралось несколько мужиков ремонтировать родничок; среди них был и Матвей Чуркин, трое братьев Синегрибовых и я. Вскоре прибежал четвертый брательник, Сережка, но он не в счет, так как ему нет еще пяти лет, и в работники он не годился.

Все братья сбиты на одну колодку: низкорослые, смуглокожие, черной масти, как грачата; когда они мерзли на ветру, кожа на их лицах и губы синели, и тогда походили они на грибы-сыроежки. Вот откуда, вероятно, и фамилия. Всего же Синегрибовых, не считая отца и мать, насчитывалось одиннадцать человек: еще были братья и сестры, обещали явиться на помощь, если не справимся с работой.

Все мы одеты в резиновые болотники с расправленными до паха голенищами, вооружены кто штыковой или совковой лопатой, кто пилой, кто топором. Принесены были еще два ведра, чтобы вычерпывать из родника воду. Двоих Степан Яковлевич поставил расчищать и углублять родниковое ложе, остальных направил заготавливать лес и рубить новый сруб.

Яму мы углубили метра на полтора, сняли сверху всю труху, а также слой золотистого песка и дошли до серого пльвуна, которым тотчас затянуло все дно. Стенки ямы обложили квадратным — два метра на два — срубом из тяжелых лиственных плах. Несмотря на зной, в сырой, пропахшей лабазником низине толклись комары. Чтобы передохнуть от них, мы не раз устраивали перекур. Одымив себя со всех сторон, Степан Яковлевич принимался срамить Чуркина.

— Совести у тебя, Матюха, ни на волос нет.

— Че опять не так сделал? — всхохатывал Чуркин. — В родник вроде не мочился.

— Коли такую дорогу погубил, можешь и в родник нагадить. С тебя станется. — И раздумчиво продолжал: — Что случилось в нашей жизни? Почему не стало хозяев у матушки-земли? Делай с ней, что хошь — курочь тракторами, копай, мордуй, увози, и никто слова не скажет. Нынче я пришел на свой покос, а по нему машинная дорога проторена, а на самой травянистой елани — ямина размером с волейбольную площадку. Оказывается, на машинах с моего покосу чернозем дачники к себе возили на огороды. Я в

сельсовет — разберитесь, найдите виновных и накажите. Мне отвечают: «Сам разбирайся. Не наша земля» — «А чья?» — «Не знаем». Так я и не нашел хозяина земли. Разве это дело?

Изжелта-светлый сруб радовал глаз, как новенькая игрушка. Чтоб не сыпался с деревьев в воду лист и прочий опад, сверху на две трети мы перекрыли сруб оставшимися плахами. В яме постепенно начала накапливаться вода, молочно-серая, непроницаемо мутная. Ничего, за ночь отстоит, и с утра можно будет уже черпать на чай.

Но надежды наши не оправдались. Наутро вода ничуть не посветлела. Не произошло это и в последующие дни. Дловарок ко всему, вытекавший из родничка ручей полностью пересох, дно его покрылось растрескавшейся корочкой. Значит, не пульсировали больше ключи в родничке, не выбрасывали из глубины хрустальную воду. Иссаяк источник, умер.

О причинах гибели родника долго гадать не пришлось. Вспомнили пересохшие вокруг него болотца. Значит, их водами питалась криница. Теперь пришел черед загаснуть и ей.

А пить-то надо. Огороды поливать надо. И жители деревушки бросились рыть колодцы. Каждый закладывал свой колодец во дворе или в огороде, чтобы в случае удачи стать полновластным хозяином дефицитной воды.

Но удача никому не улыбнулась. Деревенька наша стоит на отлогом всхолме, сложенном из сланца, и сколько в него ни врубались кирками да лопатами, воды все не было. Ретивый Чуркин искуроченным проселком затащил на свой огород буровую установку и углубился в земные недра аж на двадцать метров, однако и оттуда не забил ожидаемый фонтан.

Степан Яковлевич в выгоревшей шляпе с обвисшими полями, в распушенной рубахе ходил по деревне от дома к дому, приглядываясь, принимаясь к земле и бурчал себе под нос:

— Не там роют. Сухо и глухо под всей деревней.

Время от времени он доставал из кармана штанов спичечный коробок, наполненный крупнозернистой сероватой солью, раскрывал его и пристравлял где-нибудь на земле среди травки-муравки. Через несколько минут поднимал коробок. И, поднеся к глазам, внимательно разглядывал соль, надеясь обнаружить в ней некие изменения, но ничего не обнаруживал.

Так Степан Яковлевич добрал до моего дома. Улочка у нас односторонняя, и окошками дом выходит на подкосившийся забор чужого огорода. Под ним росла дремучая крапива, а в одном месте кустилась хваченая преждевременной ржавчиной неожиданная здесь стреловидная осока. Вот среди этой осоки Степан Яковлевич и установил свой коробок. Я вышел на улицу, чтобы посмотреть на его колдовство. Коробок он уже держал в руках. Зернышки соли в нем отпели и будто даже оплавилась по граням.

— Здесь вода есть! — уверенно заявил старик. — И не глубоко.

Я почему-то поверил ему.

В очередную субботу, когда к старику приехали на выходные сыновья, вместе с ними явился он на облюбованное место. Там, где росла осока, срезали квадратный кусок дерна полтора метра на полтора. Под ним открылся чернозем, а еще глубже — красная глина. Через каждый метр являлись новые породы. Наконец землекопы добрались до плавуна платинового цвета, и под их сапогами зажужжала вода. На глубине шести метров Сухоробровы уже стояли в воде выше колен, и она все прибывала, сочась по стенкам и выпирая со дна. Вода была холоднее льда, и в резиновых сапогах от нее судорогой сводило на ногах пальцы.

Через неделю Сухоробровы одели дудку листовичным срубом, выводя его на посажени над землей, поставили на двух столбах ворот, прикрепили к нему цепь с ведром — и колодец был готов. Вода в колодце выстоялась, стала прозрачной и чистой, и с ведрами на коромыслах, с бачками на тележках к нему потянулись люди из всех домов. Скрипел ворот, звенела цепь, брякали ведра, журчала вода, и под

этот аккомпанемент звучала многоустая хвала в адрес Степана Яковлевича.

Отправился с двумя ведрами к колодцу и я. В это время подошли к нему двое туристов — девушка и парень в спортивных костюмах, с рюкзаками за спиной, у девушки в руках еще оцинкованное ведро. Не снимая рюкзака, она заглянула в колодец и вдруг выпустила в него свое ведро.

— Ой, ведро вырвалось из рук! — вскрикнула она.

Снимавший с себя рюкзак парень не видел, что девушка утопила ведро нарочно. Он сказал:

— Обойдемся как-нибудь без него.

— Не обойдемся, — капризно возразила девушка.

— Прикажешь нырять вниз головой?

Я понял, что девушка знает, а парень не знает приметы: кто достанет выпавшее у девушки в колодец ведро, тот станет ее суженым.

Я помог парню — рассказал о примете.

— Если так, ведро немедленно будет наверху. Сейчас опущусь.

— Испортите воду...

— Ну что ж, шестом пошарю. Пойду вырублю шест, а вы меня гвоздиком для крючка вырубите.

Минут через десять девушка держала свое ведро в руках и лукаво поглядывала на своего кавалера.

В один из выходных дней сыновья Степана Яковлевича поставили в колодце электронасос «Кама» и из тонких металлических трубок протянули к дому старика водопровод. Соседи всполюшились: никак только для себя вырыли Сухоробровы колодец? Никого теперь и близко не подпустят. Было решено направить к Степану Яковлевичу делегацию, которой поручили предложить ему деньги — по десять рублей с дома, с тем, чтобы колодец считался общественным.

— Да вы что, мужики? Неужто я совесть потерял, чтоб брать деньги за воду? — серчал Степан Яковлевич. — Черпайте, сколько угодно, а мне только разрешите водопроводиком пользоваться. Нам со старухой уже тяжело вато на коромыслах таскать.

— Мы тебе предлагаем деньги за работу, а не за что-нибудь другое. Как-никак хребет ломали.

Так и не взял Сухоробров деньги. В последнее время, однако, все чаще стал поговаривать о тяготах деревенского житья: вставая ни свет ни заря, скотину обиходь, накорми, печку затопи, а летом дров припаси да сена накоси. А силы уж не те. В общем, присмотрел Степан Яковлевич благоустроенный дом в рабочем поселке. Однажды — тра-тарабах — подкатили к сухоробровскому дому сразу две машины, и грузчики понесли в них столы, шкафы, кровати, перины и прочий скарб. В одну машину была даже завезена корова и поставлена между двух шкафов, чтобы при тряске не вывалилась через борт.

Дом у Сухоробровых купили под дачу горожане. Они не спешили распространять сведения о себе, однако через неделю-другую соседи знали о них все, что хотели узнать. Бездетная пара. Оба чиновные, в должностях. Она — миниатюрная, беленькая, моложавая. Он тоже не крупный, но в отличие от нее изрядно уже потрепанный. На голове — большая плешь, окруженная с затылка и с висков грязно-пегими завитками. Фамилия — Морковкины.

Горожанин, приобретший домик в деревне, первым делом начинает что-нибудь строить подле него или на худой конец — ремонтировать. Так и чешутся руки вбить в личную собственность аршинный гвоздь, чтобы уж навеки закрепить за собой. Морковкин не был исключением и тоже бросился в работу. Видите ли, не понравился ему штакетник, которым была обнесена сухоробровская усадьба — низенький, тоненький, ненадежный, к тому же сквозь него все видно. Морковкин вкопал новые столбы — железобетонные, неподъемные, прикрутил проволокой толстые жерди и стал прибывать к ним чуть ли не трехметровые тесины. На щель между двумя тесинами нахлестывалась третья, и никакой глаз теперь не проникал в его усадьбу. Одетый в дырявое трико и фетровые боты с застежками, он работал всегда в одиночку, а жена в это время в желтом купальнике загорала, сидя в шезлонге, или гуляла под цветным зонтиком по тропинке,

протоптанной вдоль огорода. Скоро сплошной заплот скрыл ее от посторонних глаз.

Покончив с забором, Морковкин с пустыми руками появился у колодца. Ну-ка, что он там будет делать? Обойдя раза два вокруг сруба, новоиспеченный дачник сдвинул с него крышку и свесил внутрь голову, увенчанную сивыми кудрями. Пробежав мимо колодца, заскочил в мою избу Матвей Чуркин.

— Че он собирается делать, не знаешь? — заполошно спросил он, кивнув через окно на колодец. — Нароняет в воду перхоти да волос — пить нельзя будет. Неужто он считает колодец своим?

Морковкин вскоре ушел за свои высокие непроницаемые заборы и воротился оттуда с длинной лестницей, которую еле волочил на загорбке. Неужели надумал в колодец спускаться? Это уж совсем ни к чему.

Чуркин снова зачастил возмущенной скороговоркой:

— Хоть кол теши на лысой голове — ничего не понимает. А еще, говорят, ученый, в шляпе... Сейчас всю воду испортит. После него, как после мыши, сорок ведер надо будет выплеснуть на землю, чтоб только сорок первым пользоваться.

Вскоре Морковкин вылез из колодца, вытащил лестницу и унес ее в свой огород. В колодце, наверно, Морковкину делать было нечего. Спускаясь в него на глазах у всего деревенского люда, он просто хотел утвердить свою собственность на водный источник. Но никто не внял его символическому поступку. Пришел час вечернего полива, и снова потянулись к колодцу люди с поскрипывающими ведрами на коромыслах, с позванивающими бачками на тележках...

Зато утром пришедший первым к колодцу человек увидел припиленный кнопками к воротному столбу лист твердой бумаги, с которого пустыми глазницами страшно смотрел человеческий череп, стоящий на двух перекрещенных берцовых костях. Надпись под рисунком гласила, что колодец находится под напряжением и любое прикосновение к нему смертельно опасно. Не подходи! Не тронь! Вот так!

Люди робко отодвигали крышку сруба; еще опасливее брались за железную рукоятку ворота — но ничего страшного с ними не происходило. От колодца шли с водой, уже смеясь: ишь, запугивать вздумал, но мы не из пугливых, нас много...

А когда солнце разогнало утреннюю дымку, прибежали к колодцу младшие Синегрибовы: гэгэтушки Витька, Борька, пятилетний Сережка и школьницы — двойняшки Катька и Валька. Пятеро — сила!

— Гляньте-ко! — в восторге завопил кто-то из них. — С самого себя срисовал!

И впрямь, с запавшими щеками череп на ватмане смахивал на лысую, сужающуюся книзу голову мрачно-загадочного Морковкина.

Ребятишки сорвали со столба квадрат ватмана, разорвали в белые хлопья, бросили на землю, босыми ногами долго втоптывали обрывки в грязь, покамест сами те не стали грязью. Молодцы, ребята-босята!

Как и следовало ожидать, хозяин колодца не оставил без ответных действий посягательства на свою собственность, однако предпринял их не в открытую и не тотчас, а втихомолку и под покровом ночи, закутанной глухими облаками. Пришедшие спозаранку за водой люди обнаружили: прежде отодвигающаяся крышка сруба ныне с одной стороны пришта на шарниры, а с другой заперта на тяжелый хитрый замок, для которого в верхнее бревно и в крышку вбиты граненые железные скобы.

Перед колодцем разыгрывалась немая сцена. Кто в недоумении скреб затылок, кто, не веря глазам, ощупывал и обнюхивал замок. Были и такие, которые не молчали, и воздух сотрясался крепчайшим русским матом. Уныло позвякивали удаляющиеся пустые ведра.

Без Матвея Чуркина в происшедшем, разумеется, не разобратся. Он блистал красноречием перед соседями:

— Сегодня ночью в нашей деревне пала Советская власть. Замок на общественном колодце — это контрреволюция! Это... — захлебнулся он на мгновение, не находя

слов, — черт знает что! Из щелей повыползла новая явленная буржуазия. А истинные приверженцы Советской власти в данные минуты сопят в обе ноздри — дрыхнут и не подозревают, что отечество в опасности. Пойду-ка вдарю в колокол — разбужу молодцов.

Под «приверженцами» Чуркин подразумевал младших Синегрибовых. Явились они вооруженными до зубов: кто с топором, кто с гвоздодером, кто с одноручной пилой. Девчонки еще тащили толстую витую веревку.

Остервенело завизжали вырываемые из дерева скобы, вызывающе застучал по железу обух топора, и вот крышка глухо шлепнулась на покрытую муравью землю. Старший из Синегрибовых, Витька, что ли, обмотавшись веревкой и засунув за нее рукоять топора, решительно полез в колодец. Упершись ногами в землю, другой конец туго натянутой веревки держал Чуркин. Из колодца донесли глухие удары топора. Что он там рубит? Наконец Чуркин потянул веревку на себя. Из зева колодца показалась грациная Витькина голова. К груди мальчишка прижимал электромотор с обрубленными с одного конца разноцветными проводами, с другого — резиновым шлангом.

Вся деревня в тот день без передышки таскала воду. Скрипел ворот, брякали ведра, заливались про запас емкости, заполняемые обычно дождевой водой, скачывающейся по стокам с крыши: сварные баки, цистерны, бочки. Мало ли как еще дело обернется — ночью навестит Морковкин новый замок, и без полива зачахнут на огородах овощи...

Анатолий
СИГОВ

ЗОЛОТО ВСЕВОЛОЖСКИХ

Избранниками судьбы, открывшими золото на Северном Урале, стали два антипода общественной лестницы: помещик Никита Всеволодович Всеволожский и его крепостной человек Петр Федорович Сигов. Семья Всеволожских пользовалась известностью в России, и неспроста их именами названы уральские поселки: Всеволодо-Благодатское и Никито-Ивдель (ныне г. Ивдель).

Никита Всеволодович был человек просвещенный и весьма прогрессивно настроенный, дружил с А. С. Пушкиным. Первый сборник своих стихотворений А. С. Пушкин в начале 1820 года проиграл в карты Всеволожскому, и эта рукопись, так называемая «тетрадь Всеволожского», вернулась к поэту только в 1825 году. Ходили слухи, что Никита Всеволодович состоял даже в тайном обществе декабристов, но его участие не было раскрыто.

Из семейства Сиговых, кроме упомянутого Петра Федоровича, надо назвать его отца Федора Петровича и внука Павла Сергеевича Сигова.

Федор Петрович был подобен былинному богатырю: на борьбу с ним выходило все взрослое мужское население Майкорского завода, принадлежавшего Всеволожским. Будучи кричным мастером, он легко вращал под механическим молотом многопудовые крыцы железа.

Благодаря необыкновенной силе и профессиональному умению, он приобрел такое благоволение со стороны владельца завода, что тот взял на воспитание его сына Петра и дал ему медицинское образование.

Петр Федорович воспитывался вместе со своим сверстником — помещичьим сыном Никитой Всеволодовичем, а впоследствии ездил с ним за границу, подолгу жил в Париже, где почти безвыездно обитала жена Никиты Всеволодовича.

Внук Петра Федоровича — Павел Сергеевич Сигов оставил интересные мемуары, хранящиеся у автора этих строк. В них записано такое предание:

«В праздник Преображения 6 августа Петр Федорович Сигов нашел золото своему помещику на многие миллионы рублей. Дело происходило таким образом: дед мой повздорил из-за чего-то со своим помещиком (Никитой Всеволожским) и в азарте спора дал ему пощечину, за что был немедленно закован в

цепи и сослан в рудники. Вскоре финансовые дела у помещика стали совсем плохи. Жена его, первая красавица в парижском свете, жила там постоянно; для поддержания ее блеска нужны были большие деньги, с которыми она обращалась, как со щепками. Помещик посылал и посылал в Париж деньги без конца, пока не перезаложил все, что можно было заложить. Дошло до того, что нечем было платить проценты по закладным; положение становилось безвыходным: впереди предстояла опись и продажа имущества с молотка и полное разорение».

Мемуарист упоминает о крупной расходной статье бюджета Никиты Всеволодовича. А какими предприятиями создавались его доходы? Обратимся прежде к отцу Никиты — Всеволоду Александровичу. Пожевский завод, купленный им в 1773 году у Строганова, был сначала медеплавильным. Руда для него добывалась за хребтом Уральским в Заозерской даче Всеволожских площадью свыше 2500 квадратных километров. Краевед Н. К. Чупин писал в 1873 году: «Теперь еще существует пешеходная тропа из Всеволодо-Благодатского села на р. Вишеру, это остатки конной дороги, протяжением 87 верст». На Вишере Всеволодом Александровичем была построена пристань, где медная руда грузилась на речные суда и отправлялась на Пожевский завод. Путь по рекам составлял приблизительно еще около 400 километров.

Месторождения меди были довольно капризны. В 1794 году ее добычу прекратили: богатые участки медных руд были отработаны, а далекая доставка стала нерентабельной. Вместо меди Пожевской завод стал обрабатывать железные руды, для чего были поставлены две домны, а на соседнем Майкорском заводе того же владельца организовано железодельное производство.

Перевозка железной руды тоже ложилась нелегким бременем. Поэтому делаются попытки приискать сырье поближе к заводам, и совер-

шаются транспортные средства. В 1815 году на заводе Берда был построен первый в России пароход. Он стал совершать регулярные рейсы между Петербургом и Кронштадтом. Одновременно еще один пароход был заложен на заводе В. А. Всеволожского (Пожевском) и годом позже стал курсировать по рекам Пожве и Каме. Вскоре по Каме и Волге плавали уже два пожевских парохода. Они показали высокую техническую зрелость уральских судостроителей, руководимых инженером П. Г. Соболевским. Пожву не случайно считают колыбелью российского пароходства.

Но все эти усилия не принесли Всеволожским большого богатства. Окончательно бюджет расшатался при Никите Всеволодовиче. Угроза полного разорения толкает его в авантюрные предприятия. В Пермское горное управление поступает донесение горного начальника Богословских заводов о незаконной разработке Н. В. Всеволожским земель, принадлежащих казенным заводам. Потерпев здесь фиаско, Никита Всеволожский оказался еще ближе к разорению.

Между тем в это время нарастает золотой бум, вызванный находками богатых россыпей в ряде районов Урала. Особый ажиотаж вызвали многокилограммовые самородки, найденные на Цареве-Александровском прииске в Миасской дистанции. «Вот где может быть фарт!» — решает Никита Всеволожский.

«Помещик вспомнил о своем опальном товарище, — продолжает мемуарист, — послал приказ расковать его и привезти. Когда дед мой явился к Всеволожскому, тот принял его милостиво и поручил заняться разведкой золота. И вот недавний колдун снаряжает большую партию и отправляется в лесную глушь на север, чуть ли не к Никито-Ивделю». Еще в 1826 году Никита Всеволожский испрашивал позволения разрабатывать на золото пески на реке Стрелебной в Заозерской даче. В марте 1827 года последовал указ сената министру финансов о разрешении такой разработки. Но в 1826 и 1827 годах оттуда поступала лишь незначительная золотая продукция.

Снова вернемся к мемуарам. «Партия проработала все лето, но не нашла хорошего золота. Шестого августа в праздник Преображения дедушка (Петр Федорович) приказал партии свертываться, чтобы ехать восвояси, а сам, захватив промысловый ковш, пошел побродить вдоль какого-то ключика или ручья, время от времени останавливаясь и делая пробу. Попробовал в одном месте — золотиносные породы; спустился пониже — явные признаки зо-

лота; пошел дальше, зачерпывая в ковш и промывая — всюду оказывался золотиносный песок, встречались даже мелкие самородки. И чем дальше шел дедушка, тем богаче было золото. Пробродив вдоль ручья до вечера и окончательно убедившись, что попал на богатые золотые залежи, дед мой тотчас же вновь поставил партию на работы. Дело закипело, и оказалось богатейшее, небывалое золото, но начались заморозки, и работы пришлось остановить. С весны работы возобновились; с заводов Всеволожского выслались на открытые дедушкой прииска все новые и новые партии рабочих. Золото «гребли лопатами» и нашли его на миллионы рублей. Помещик благодаря дедушке был спасен, и преисполненный чувством беспредельной благодарности подарил ему серебряные часы и восстановил его в прежней должности заводского и «придворного» лекаря, но «вольной» дедушке все-таки не дал. Когда отец мой женился (это было ранее освобождения крестьян), дедушки Петра Федоровича уже не было в живых, так он воли и не получил.

В «Горном журнале» за 1835 год есть ведомость о золоте и серебре, доставленных с казенных и частных промыслов в Санктпетербургский монетный двор за время с 1827 по 1835 год, в том числе с «заводов» камергера Всеволожского. Согласно этой ведомости в 1827 году с его приисков получено 3 фунта 8 золотников (1,3 кг) золота. Но уже в 1828 году добыча возросла почти до одного пуда, в следующем — два с половиною пуда, затем четыре, а потом два года подряд добывалось примерно по 12 пудов золота...

Но где же находятся эти приисковые площадки? Это, конечно же, не ключик, не ручей, упоминаемые в мемуарах. Уверенно можно исключить и современные речные долины. А вот в немногих километрах от реки Стрелебной имеются давно разрабатывавшиеся обширные приiski: это древняя, мезозойского возраста россыпь. Тут, вероятно, и сделал свое открытие Петр Федорович Сигов.

В рукописных мемуарах П. С. Сигова есть фотография, подписанная его рукой: «Помещик Всеволожский». На стуле, облокотившись рукой на небольшой столик, сидит — нога на ногу — человек в меховой куртке, в начищенных до блеска охотничьих сапогах, придерживая великоленное охотничье ружье. Темная шевелюра, высокий лоб, окладистая борода и пышные усы, прямой нос и смелый, властный взор темных глаз. Как фотография попала к нам? Путь только один — это подарок владельца Петру Федоровичу, но уже на склоне лет. Почему нет дарственной надписи? Не много ли будет, чтобы помещик и камергер делал посвящение своему крепостному?..

Евгений ИЩЕНКО,
криминалист

Суд над МЕРТВЫМ

Немногие знают, что А. С. Пушкин был под судом, и только смерть спасла его от угрозы виселицы...

По действующему в XIX веке «Воинскому сухопутному уставу» дуэль преследовалась как тяжкое преступление. Одна из статей устава гласила, что «все вызовы, драки и поединки наихудейше запрещаются таким образом, чтобы никто, хотя бы кто он ни был, высокого или низкого чина, прирожденный здешний или иноземец, словами, делом, знаками или иным чем к тому побужден и раззадорен был, отнюдь не дерзал соперника своего вызвать на поединок, иже с ним на пистолетах или на шпагах биться. Кто против сего учинит, оный, как вызыватель, так кто и выйдет, имеет быть казнен, а именно повешен, хотя из них кто будет ранен или умерщвлен, или хотя б оба неранены от того отойдут. И ежели случится, что оба или один из них в том поединке останется, то их и по смерти за ноги повесить».

Так суров был закон. Поэтому из штаба отдельного гвардейского корпуса ушла секретная бумага. «Государь Император по всеподданнейшему докладу Его Императорскому Величеству донесения о дуэли, происшедшей 27-го генваря между поручиком Дантесом-Геккереном и камер-юнкером Пушкиным, высочайше повелеть соизволил судить военным судом, как их, так равно и всех прикосновенных к сему делу...»

Военно-судное дело о дуэли поэта с поручиком кавалергардского полка бароном Дантесом длилось с 11 по 18 марта 1837 года. Оно являет собой образец фарисейства, типичного для тогдашней судебной системы.

Произнеся перед священником особую клятву, военная комиссия принялась за работу. Судебный трибунал затребовал письменное свидетельство о смерти поэта и допрос его убитой горем жены. Допрашивались свидетели и подсудимые: 25-летний Дантес, приемный сын нидерландского посланника при русском дворе, полковник Данзас и другие. После семи дней разбирательства был оглашен такой приговор:

«...Комиссия военного суда, соображая все обстоятельства, подтвержденные собственным признанием подсудимого поручика барона Геккерена-Дантеса, находит как его, так и камер-юнкера Пушкина виновными в произведении строжайше запрещенного законом поединка, а Геккерена и в причинении пистолетным выстрелом Пушкину раны, от которой он умер,— приговорила поручика Геккерена за таковое преступное действие по силе 139 артикула «Воинского сухопутного устава» повесить, каковому наказанию подлежал бы и подсудимый камер-юнкер Пушкин за написание дерзкого письма министру нидерландского двора и за согласие принять предложенный ему противозаконный вызов на дуэль, но как он уже умер, то осуждение его за смертью прекратить...»

К повешению приговорили и секунданта поэта полковника Данзаса. Николай I смягчил приговор, заменив обоим повешение разжалованием в рядовые. На деле он приписал: «Рядового Геккерена, как нерусского подданного, выслать с жандармами за границу, отобрав офицерские патенты...» Проступок же самого камер-юнкера Пушкина, подлежавшего равному с подсудимым Геккереном наказанию, было всемильостивейше повелено «по случаю его смерти предать забвению».

Так уже мертвого и тайно похороненного на кладбище в Михайловском поэта судили и даже определили ему меру наказания. История, как мы знаем, вынесла по этому делу свой приговор...

г. Свердловск

Анатолий МАЙЕР,
краевед

Отливал колокола в Сарепуле

В начале XX века жители Сарепула обратились к губернскому строительному комитету с просьбой разрешить им сооружение колокольного завода для отливки необходимого городу 300-пудового колокола.

Строительство временного завода было разрешено. При этом губернский комитет назвал имя будущего владельца завода Михаила Ивановича Рябинина, мастера литья колоколов.

Мастер не мог отлить колокола совершенно один. Производственный процесс состоял из множества операций: приготовление глины и толченого кирпича, жиделя, формовка будущего колокола, изготовление «ушей» и «языка», воспроизведение надписей и изображений, приготовление правильного состава бронзы, обтачивание и шлифование тела отлитого колокола и первое его прослушивание.

Начальной операцией была формовка будущего колокола. Форма состоит из трех частей: болвана, или «лица», тела и кожуха, или колпака. Болван делается из кирпича и выводится на кирпичном основании. Перед формовщиком стоит задача сделать наружную форму болвана такой, какой будет внутренняя сторона колокола. Очень важен процесс просушки формы. Для этого в форме делаются два отверстия: одно в основании и второе на месте будущих «ушей». По окончании формовки болвана его обматывают снаружи проволокой и обмазывают смесью глины и песка, которая замешивается на самом крепком квасном сусле. Перед просушкой форма колокола выкручивается с помощью деревянного лекала. «Лицо» формы покрывается жиделью, приготовленной из кирпичной муки, растертой в мельчайший порошок и разведенной квасным суслом. Жидель заглаживает неровности и придает «лицу» глянец.

По окончании просушки «лицо» смазывается салом и на него накладывают слой чистой глины, имеющей форму и объем будущего колокола. Этот слой и называется телом. Вновь идет в ход лекало, и после просушки наносятся элементы орнамента, надписи, изображения святых и т. д. На тело накладывается кожух, толщина которого соответствует давлению жидкого металла. Для 100-пудового колокола — 2,5 вершка (121 мм), для 1000-пудового — от 6 до 7 вершков. Между кожухом и «лицом» формы будущего колокола образуется пустота, в которую и наливается из медеплавильной печи горячий металл — бронза из меди и олова специального состава. Владелец завода всегда оговаривал с заказчиком целесообразность применения той или иной марки меди и олова. При производстве бронзового колокольного металла учитывались погодные условия, температурный режим в самой печи и вне ее, сорт дров и т. д.

После отливки колокол переносят в помещение точильни. Сначала очищают долотом, а потом укрепляют на специальной оси и обтачивают обыкновенными точилами. При этом колокол вращается при помощи конного привода.

Наконец, колокол подвешивается на вешалок, и в присутствии доверенного лица заказчика происходит прослушивание голоса нового колокола.

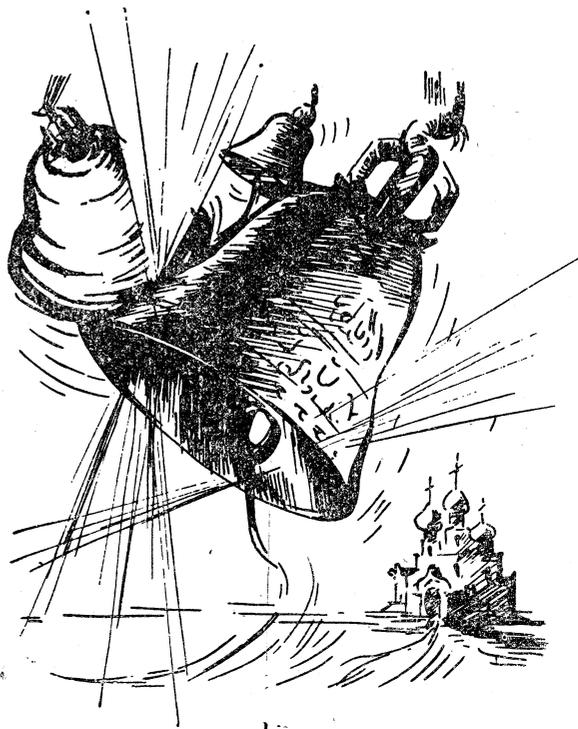
На своем заводе М. И. Рябинин рассчитывал отлить заказанное ему количество колоколов и свернуть завод для переезда на новое место. Отливать колокола можно было только в летние месяцы. Сколько же колоколов отлил сарепульский мастер? Ответ находим в рекламе М. И. Рябинина, помещенной в книге Н. Н. Блинова «Сарепул и Среднее Прикамье. Былое и современность», изданной в 1908 году. Мастер сообщает, что он отлил пять колоколов для Сарепула общим весом до 1100 пудов и 116 колоколов

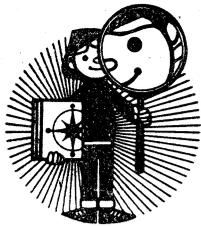
для прикамских сел: Мостовое, Никольское, Мушак и других.

Где и у кого научился Рябинин отливать колокола? В материалах истории Ижевского завода хранится документ, составленный М. И. Рябининым в 1902 году. Мастер сообщает, что отливкой колоколов начал заниматься 25 лет назад, т. е. в 1877 году, строя временные заводы в Рязанской, Пензенской, Саратовской, Костромской и Вятской губерниях. Рябинину было у кого учиться трудному ремеслу — он работал рядом со знаменитыми мастерами колокольного производства в России. С 1833 года в Рязани отливал колокола Н. И. Гучев, в Н. Ломове и Нижнем Новгороде — братья Приваловы, в Костроме — С. Н. Забелин, а в Саратове работала знаменитая мастерица литья колоколов Т. П. Кеменова. Заводчики Бакулевы-Куршаковы, объединив вокруг себя мастеров города Слободского Вятской губернии, на протяжении почти двух веков отливали замечательные колокола.

На территории Удмуртии обнаружены колокола П. И. Оловянишникова из Ярославля (5), братьев Приваловых (2), один колокол Д. А. Шишкина из Елабуги, два — мастеров Бакулевых-Куршаковых и один колокол немецкого мастера Хуннера середины XIX века. Всего в ходе поиска обнаружено сорок хорошо сохранившихся колоколов, ныне выполняющих роль пожарных стражей.

г. Ижевск

МИР

на лагони

Экология и «Энергия»

«Спутники всю погоду испортили», — слышим мы в уличных разговорах. Вряд ли могут привести к глобальным изменениям климата даже несколько десятков в год космических запусков, прокальвающих атмосферу в считанные минуты. Но вот истерзанная нами «окруженная» среда уже болезненно реагирует и на булавочные уколы.

Об экологических последствиях космических стартов долгое время предпочитали помалкивать. Хотя из степей Средней Азии доходили страшные рассказы о полях, выжженных упавшими с неба первыми ступенями ракетоносителей. Многие из тех ран земли уже заросли новыми травами. Серьезнее оказались раны атмосферы. Эту проблему поднимает сегодня журнал «Авиация и космонавтика». Он сообщает об исследованиях ученых, доказывающих, что запуски ракет, прежде всего на твердом топливе, существенно разрушают озоновый слой.

Напомню, что этот слой защищает нас от солнечных ультрафиолетовых лучей, которые при прямом попадании убивают все живое, а при ослаблении озонового фильтра вызывают рак кожи. Напомню также, что разрабатываемая в США программа СОИ, которую еще называют программой «звездных войн», предусматривает массовый вывод на околоземную орбиту военных спутников с помощью ракет в большинстве на твердом топливе.

В Советском Союзе твердотопливные ракеты почти не применяются. Не хотелось бы выглядеть тем куликом, что свое болото хвалит, но научные приборы пока не обладают даром политиков отклонять стрелки в пользу какой-либо идеи, а они показывают, что запуск американского космического комплекса «Спейс шаттл» наносит озоновому слою урон в 7000 раз больший, нежели старт советской универсальной системы «Энергия», топливо которой состоит из экологически более чистых компонентов. Для точности сравнения (чтобы не походить на обманно-бодряческие плакаты застойных времен): в выхлопных газах «Энергии» практически нет хлора — главного убий-

цы озона, одна молекула хлора уничтожает сто тысяч молекул озона, — при запуске же «Спейс шаттла» выброс хлора и его соединений достигает 188 тонн. Обычно не весь выброс вступает в реакцию с озоном, но если даже теоретически предположить стопроцентное влияние ракетных выхлопов на озоновый слой, то потери озона при одном пуске «Энергии» составят 1500 тонн, а «Спейс шаттла» — до 10 миллионов тонн. Всего же в атмосфере Земли содержится около трех миллиардов тонн драгоценнейшего озона.

Как же его сберечь? Очевидно, выбора нет. Надо полностью исключить использование твердотопливных ракет, в абсолютном большинстве построенных для военных целей, прежде всего в США. Сократить количество космических запусков, вывода на орбиту несколько полезных объектов одним ракетоносителем, по возможности, к примеру, «Энергии». Без прежней усмешки еще раз взглянуть на «сумасшедшие» проекты безракетного забрасывания в космос, типа электромагнитных эстакад, гигантских маховиков на земле и на орбите и т. п.

Если мы в интересах экологии не начнем перестраивать тактику космических исследований уже сегодня, то к 2005 году, считают ученые, в общем самоубийственном воздействии человечества на озоновый слой доля вины ракетно-космической техники составит 10 процентов. Кажется, еще терпимо по сравнению с промышленными и транспортными выбросами в атмосферу, бытовым применением фреонов, но вспомним, что один процент потери озона увеличивает возможность раковых заболеваний нашей кожи на шесть процентов. Успеем ли мы защитить себя от самих себя?

С. КАЗАНЦЕВ

Если ты нудист...

Однажды поздним вечером председатель клуба нудистов из южноафриканского города Петермаритсбург Клаас Даниэлиус с женой вернулись домой из театра. К своему удивлению, супруги обнаружили, что из шкафа в их спальне исчезла вся одежда, белье и обувь. А на столе лежала записка следующего содержания: «Уважаемый господин председатель! Надеемся, что Вы с полным пониманием отнесетесь к нашему поступку! Мы абсолютно уверены, что Ваши декларации никоим образом не должны расходиться с практическими действиями. С уважением и преданностью Ваши незнакомые поклонники». Несмотря на активные поиски, полиция не обнаружила воров.

Б. ПИНАЕВ

Воздух XIX века

А разве можно определить его состав сегодня? Да и нужно ли это делать? Оказывается, и можно, и нужно. Ученые обеспокоены постоянным увеличением в атмосфере двуокси углерода, образуемой от сгорания продуктов нефти, каменного угля и природного газа, что в конечном итоге, может привести к изменению на Земле климата. Необходимо знать, насколько изменилось ее содержание в воздухе за последние сто лет. Но таких данных до 1958 года не имеется. И вот исследователи Лос-Аламосской национальной лаборатории (США) пытаются решить эту задачу, причем, весьма оригинальным способом. Химики Аллен Огард и Джейн Потс ищут в музеях страны старинные герметически закрытые предметы (телескопы, корабельные навигационные приборы и даже медные запаянные пуговицы), из которых они могли бы взять пробу воздуха.

Е. СОЛДАТКИН

Ольга ЩЕРБИНИНА

ВИСИМ СТАРЫНЬИ, ПЕСЕНЬИ

Село это как бы провисло меж лесистых гор. Висим, висим — не падаем, — ходит здесь поговорка. Посередине села пруд, радующий глаз простором синевы или белизною снегов. У запруды чернеют останки доменного производства, от него расходятся, взбираются на кручи «три конца» села: «туляцкий», «хохлацкий» и «кержашский». Роман Мамнина-Сибиряка о родном селе так и называется «Три конца». Здесь писатель родился и провел детские годы.

Висим основан в 1741 году вблизи города Нижний Тагил Акинфием Демидовым. Сюда для заводской работы Демидовы вывезли крепостных крестьян из Тульской и Черниговской губерний. Так образовались раз-

ные «концы», разделенные речкой Висимкой. Рабочие-крепостные — чисто уральский феномен — работали еще и на золотых, платиновых приисках. К ним прибавилось кержашское население: старообрядцы, любители селиться в далеких уральских горах, а заводчики охотно их брали, потому что рабочих рук не хватало.

Народный быт, обычаи, творчество Висима складывались, таким образом, из различных стихий, образованных особым сплавом. Село богато преданиями, легендами, песнями, частушками, пословицами и поговорками. Не утратилась любовь к песне, не иссякли сильные, самобытные голоса.

...Сергею Григорьевичу Федуло-

ву 88 лет, песен знает множество. Охотно поет «Сиротинушку», «Ямщика лихого», «На берегу сидит девица» — народную балладу, напоминающую сюжет «Алых парусов» Грина. На берегу девушка шелками шьет платок, мечтая о королевиче. И вот приплывает корабль, сходит на берег матрос и, плененный красотой девушки, зовет ее замуж. Но она отвечает, что ждет королевича и не пристало ей изменять мечте. И тут-то открывается, что матрос и есть королевич...

Здесь по-новому чувствуешь родную речь, она предстает в своей первозданности, образности, краткости. Не устаешь поражаться чувству языка-звука, ритма.

Вот колыдка — веселая песенка, которая пелась ряжеными:

А дай бог тому,
Кто в этом дому,
Ему рожь густа,
Рожь ужиниста,
Ему с колоса осьмина,
Из зерна ему коврига,
Из полужерна пироги...

Вслушайтесь, какая звукопись! Только-только создался ритм литературного русского стихотворчества. А народ в деревнях всю уже пел:

Овсень, овсень,
Ходи по всем,
По закоулочкам,
По проулочкам.

Строки сами поются, так они удивительно музыкальны.

А вот звукопись висимской частушки:

Был у тещи в гостях,
Теща плавала во шах.
Я на лодочке подъехал,
Тещу вытащил, поехал.

...Через пруд, через мост — в другой конец села. В старинном административном центре — каменные особняки бывшей знати, построенные в стиле уральского ампира, двухэтажные деревянные дома купцов, ремесленников. Дома украшены резьбой, слержанной, благородной. Ворота под двускатной железной крышей, с пристройками, со сложной накладной объемной резьбой, похожие на терема.

Дома рядовых сельчан тоже огромные, с крытыми просторными дворами, куда входят и хлев, и дровяник, и сеновал. Дворы с выскобленными до белизны полами, застеленными дмоткаными половиками.

Люди здесь поют охотно, по первой же просьбе. Только чрезвычайные обстоятельства вызывают отказ. Аграфена Федоровна Мякишева недавно похоронила мужа и на просьбу попеть ответила: «Не до песен — рот тесен». И извинилась за отказ.

...С особым нетерпением ждала я встречи с семьей Канонеровых, старожилів села. Константин Саввич Канонеров, ныне покойный, был «висимским Демьяном Бедным». Все село распеваало его сатирические куплеты.

Тамара Ивановна Канонерова встречается приветливо, приглашает в горницу. В избе традиционный деревенский быт смешан с городским. В красном углу — иконостас с тюлем и раскрашенными яйцами, веером от него расходятся лавки вдоль стен. На виду — стеклянная горка с посудой, большие напольные парижские часы в стиле ампира, в том же стиле стенное зеркало с завитушками под черное дерево. Старинные часы в Висиме чуть ли не в каждом доме, есть и мастер-любитель, приводящий в движение старые маятники — Алек-

сандр Илларионович Гущин, местный поэт и мечтатель, поклонник старинной красоты.

Напротив иконостаса, уравновешивая композицию, — разворот семейных фотографий, от старых до недавних, где стоят улыбчивые красивые внуки с женами.

Тамара Ивановна — песенница, говорунья, Красный платочек, слегка подкрашены губы — принарядилась ради гостей. Видно, какая была красавица. Она и сейчас хороша, особенно когда поет. Начинает неспешную речь, говорит плавно, даже о печальном и тяжком: о безвременной смерти сына, нелегкой судьбе трех дочерей.

Счастье — предмет постоянного раздумья для простого человека. Не хочет он жить в сиюминутной, суетной толкотне — думает о смысле жизни, о том, как живет: ладно ли? По совести ли? Счастливо ли?

— А сколько вы с мужем прожили?

— 60 лет.

— И он не обижал вас?

— Нет. Вот только изменил год назад — умер, а меня оставил.

Частушки Тамара Ивановна исполняет вместе со свояченицей Ксенией Канонеровой. Они замужем за двоюродными братьями, тот и другой Кузьма.

Девки вот куда ходите —
Мимо маку серого.

Девки вот кого любите —
Кузю Канонерова.

Тамара Ивановна напела целый песенник частушек — они же наговорки, приговорки, припевки.

Полюблю из-за реки,
Отдам перчаточку с руки,
При одной остануся,
С заречным не расстануся.

Перчатка — символ женственности и одновременно неразрывной парности...

Вспоминаю строки Ахматовой:

Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки...

А вот другая, так сказать, деталь одежды и другая песня:

Это чья такая пляшет
Юбочка бордовая?
У моего у милого
Ухажерка новая!

Всего четыре строки — а какая точная, исчерпывающая обрисовка образа и этой новой «юбочки», и самого юбочника!

Припевку обидно считают у нас «низким» жанром. А между тем неоднозначность, подтекст, включение слушателя в творческий процесс роднят припевку с самой высокой поэзией.

Балалайка, балалайка,
Балалайка синяя.

У меня милого нет —
Тоска невыносимая.

Тамара Ивановна поет без тени смущения перед магнитофоном, только глаза вдруг молодо полыхнут синим огнем.

На просьбу спеть колыбельную звучит неожиданно:

Спи, мой мальчик, спи, малыш,
Тихо в нашей спаленке.
В уголке скребется мышь,
Ты не бойся, маленький.
Не откусит мышка вдруг
Пальчики-мизинчики,
Эта мышка — папин друг,
В нашем магазинчике.
Папа спит на мышей
Фрукты и конфеточки
И накормит до ушей
Маленького деточку.

Тамара Ивановна смеется. Эту песенку сочинил ее сын, Иван Кузьмич Канонеров. Пошел в своего деда, сельского сочинителя.

До чего талантлив народ в Висиме! Не случайно вышел из этого села замечательный писатель. И не один бы вышел — народ-то сплошь литературно одаренный. Просто Дмитрий в прошлом веке был тут самый грамотный: сын священника. Читал толстые столичные книги, а мать вела дневник. Кстати, посмотрев в музее семейные фотографии Маминых, видишь потом на лицах людей с удивительно похожими лицами. Да, Дмитрий Наркисович плоть от плоти этого народа, этих сказочно красивых мест. Именно народное творчество, местный фольклор и питал творчество певца Урала.

На снимках: уголок Висима;
Т. И. Канонерова.

ИГРЫ ПРЕДЖКОВ

Виктор КЛОЧКОВ

Фото Юрия Ильдякова
Рис. Елены Крутских

Записка, поступившая с «камчатки», до адресата не дошла. Новый учитель перехватил ее на третьей парте. Он повертел сложенный вчетверо тетрадный листок, но открывать не стал.

— Кому адресована эта записка?

Шестиклассники молчали.

Владимир Михайлович хмыкнул:

— А куда же вы ее передавали, когда на ней нет адреса? Она вообще могла попасть не тому, кому была написана... Знаете что, если уж вам так хочется переписываться на моих уроках, то я не возражаю — переписывайтесь. Только ставлю два условия: записки посылайте через почтмейстера, то есть через меня, и, естественно, с адресом, чтобы я знал, кому вручать. А так как я — «немецкий» почтмейстер, то и адрес должен быть на немецком языке. А теперь продолжим урок...

Измученные школьники, ранее углублявшиеся лишь в составление предложений типа «Васька ист думкопф» («Васька — дурак»), заперештывались. Перед ними открывалась потрясающая перспектива легальной переписки на уроках!.. Но заманчивость обернулась нештучным трудом. «Почтмейстер» сразу же вернул несколько записок, где были ошибки, и не принял их, пока они не были исправлены.

Другие учителя с недоверием относились к методам преподавания нового коллег, считая их чудачеством. Происходило все это не в Москве, а в небольшом уральском селе Ермия, в которое и не во всякое время года доберешься... Именно там начал учительствовать Владимир Михайлович Григорьев, там стал директором школы, там ввел элементы игры — не только в свои уроки немецкого, но и... в прополку сорняков, например, на которую звал, как «на битву с царем Пыреем», и в другие школьные дела. Именно там впервые и оценил действительные игры. Заинтересовался и народными праздниками, приобщился к миру народных игр. Он еще не предполагал тогда, что этот его интерес затянется надолго — на всю жизнь...

Обстоятельства сложились так, что семье Григорьевых пришлось переехать с Урала в Лесной городок, под Москву. Новая школа, новые люди... Многие и тут недоумевали: зачем это учителю затевать какие-то игры со школьниками? Кое-кто сердито выговаривал Григорьеву, что он подрывает авторитет учителя. Странно: как будто они никогда не открывали А. С. Макаренку... А Григорьев знал его наизусть: «Детский коллектив не играющий не будет настоящим детским коллективом. Игра должна заключаться не только в том, что мальчик бежит по площадке и играет в футбол, а в том, что каждую минуту своей жизни он немножко играет, приближается к какой-то ступеньке своего воображения, фантазии, он что-то из себя немного изображает, он чем-то более высоким себя чувствует, играя. Воображение развивается только в коллективе, обязательно играющим. И я, как педагог, должен с ними немножко играть...»

В 1969 году школа, где работал Владимир Михайлович Григорьев, по его инициативе включилась в поиск народных игр, объявленный «Пионерской зорькой». Одной из первых была найдена хороводная игра «Бояре, а мы к вам пришли!», в нее играли в старину в Лесном городке. Но вот беда — никто не помнил ее правил: слышать все слышали, а как играть — не знают. Помогла школьная нянечка тетя Надя...

За короткое время школьники из Лесного собрали 300 игр. Сто из них были описаны и посланы в адрес «Пионерской зорьки». Надо представить себе радость ребят, когда они узнали, что им присуждено первое место! А пятеро наиболее активных поехали в пионерский лагерь «Орленок».

Работой школьников заинтересовались ученые. Из института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая пришло предложение о сотрудничестве с группой фольклора. Ученые объяснили ребятам, что этнография детства — одна из немногих наук в мире, куда детям, скажем так, не нужен входной билет.

Вот так родился школьный фольклорный клуб в Лесном. Летом 1970 года они отправились в первую экспедицию по заданию ученых. Заранее предвкушали ребята свой триумф — привезут столько, что девать некуда будет!.. Но прошли дни, а на счету была лишь одна игра, да и то всем известные «жмурки»... Даже деревенская детвора не спешила открываться перед приезжими. Лед недоверия растопило соревнование, разгоревшееся само по себе между местной девчонкой и одним из «лесников» — кто больше разными способами перепрыгает через скакалку... Это послужило юным этнографам крепким уроком. Они поняли, что одного желания недостаточно: что надо им всем включаться в жизнь, а не расспрашивать с «академическим» видом, надо находить подход к людям. Постепенно они научились тысяча одному способу, как становиться своими людьми: ходили по дворам якобы за молочком, заглядывали в детские садики, узнавали кое-что о старожилах, прежде чем начать с ними верный разговор...

Пришли первые открытия. Обычные «пятнашки», оказывается, в разных местах называются по-разному: «салки», «салочки», «догонялки», «ловишки», «ловитки», «латки», «сало», «ляпка», «квач»... Есть у этой игры и опасные разновидности — пятнашки по партам, где можно свихнуть ногу, среди прохожих — можно попасть под автомобиль, на льдинах — с огромным риском утонуть.

Поразило ребят внутреннее сходство игр, в которые играют в разных республиках страны. Так, грузины тоже знают и любят играть в «классики», только «классы» у них размечаются палочками, и на них надо наступать при игре. Вместе с древними играми узнавали школьники из Лесного и совсем новые, порожденные нашим временем: в больших городах, например, многие дети играют в «чурики» — кто первый найдет незаасфальтированный участок дороги, тот и кричит: «Чурики!» Немало было открытий, но и огорчений тоже. Больше всего расстраивались ребята, когда попадались им «мертвые» деревни. Деревни, в которых умерли традиции и оборвалась связь с прошлым...

Главное, что вынесли они из экспедиций, — уважение к человеку, к самости его жизни. Ведь каждый несет в себе ни с чем не схожие черты своего рода, времени, места, в котором живет, и где формировались особенности его культуры и быта.

Вот что написал в своем дневнике девятиклассник Сергей Воробьев (сейчас он уже окончил школу):

«Суббота, г. Энгельс Саратовской области. Нашли интересный дом, во дворе девочки семи-девяти лет играли в «Совушки». Женщина-управдом знает здесь очень много старинных игр. Об одной из них — «ярки» — мы договорились, что она подробно напишет...»

Удачной оказалась экспедиция в Полтавскую область. В Диканьке, воспетой знаменитым Гоголем, несколько недель трепетал по ветру флаг экспедиции — большое полотнище с изображением улыбающегося славянского солнца. Тянулись сюда местные жители, кружились в красочных хороводах, выказывали смекалку и умение в играх, рассказывали о народных традициях родных мест.

Из 76 игр гоголевских времен, существование которых в наши дни поручили проверить ученые, сохранилась лишь одна... По-украински она называется «цурки» и представляет собой вариант известного «чижика». В основном же украинские мальчишки и девчонки играют почти в те же игры, что и ребята в Лесном.

В диканьковской экспедиции произошел случай, который заставил о многом задуматься. Один мальчик потерял полевой дневник с описаниями игр — результат большой общей работы. На собрании его долго ругали, потом обратились к Григорьеву — что делать? Но Владимир Михайлович молчал. Он хотел, чтобы ребята сами пришли к выводу. Кто-то вслух вспомнил, что и материалы прошлых экспедиций свалены в беспорядке в школьном шкафу, а как-то открыли шкаф и обнаружили в нем лесную мышь, устроившую себе там уютное ложе...

— Знаете ли вы, дорогие мои, каким богатством мы владеем?! — сказал наконец Владимир Михайлович. — В знаменитом сборнике Е. А. Покровского «Детские игры, преимущественно русские» описано около 500 игр, в своде «Игры народов СССР», составленном В. Н. Всеволодским-Гернгроссом, — более 1300. Мы же с вами собрали 3000!.. А если сюда добавить игрушки — среди них есть просто диковины...

— Музей?.. — несмело догадался кто-то.

— Музей, — подтвердил Григорьев. — И для документов, и для экспонатов.

В Лесном возник музей — музей игры и игрушки. Он требовал большого порядка и организованности. А как их оценивать? Не надоевшими же двойками и пятерками?.. Нужны свои оценки. Может быть... цветные?

* Сбором и описанием народных игр занимаются также энтузиасты из Московского института физкультуры. На их счету — 2000 игр. Среди них — наряду с более или менее распространенными «чехардой», «чижигом» и другими — малоизвестные «летучая мышь», «капканы», «заюшка», «веревочка». На факультете общественных профессий института открыт специальный курс для будущих организаторов народных игр.

Самая высокая — красный цвет: сам горит и других зажигает. Желтый — едва тлеет. И самая низкая — синий: совсем замерз... По ним можно выбирать президента и его помощников. А чтобы «не замерзали», нужно их постоянно переизбирать. Пусть каждый почувствует, насколько тяжело «шпанка Мономаха», пусть каждый внесет в клуб что-то свое, новое.

Благодаря всему этому даже обычные экскурсии в музей, устраиваемые для малышни, превратились в красочное действо. Экскурсоводы одевались индейцами и охотно давали померять головной убор вождя из орлиных перьев. Если рассказывали о военных игрушках — изображали оловянных солдатиков... А то вдруг встречали гостей в смокингах с бабочками... Однажды устроили такое представление. Музей превратился в крестьянскую избу. В ней сидели дед, баба и внучка: не беда, что бабка по возрасту мало отличалась от внучки... Все они были заняты делом — показывали, как в старину изготовляли матрешек, и тут же вручали готовые игрушки посетителям на память.

Работа в клубе преобразила многих ребят. Малоинициативные и ничем не интересовавшиеся вдруг превратились в энергичных и ищущих. Повлияли эти занятия и на выбор профессии. Вот что написал в сочинении «Почему я хочу быть педагогом» Юра Ильдяков: «Все началось для меня три года назад. В школу пришел новый учитель, собрал группу ребят и предложил устроить проводы зимы. Я присоединился к ним, и с этого дня началась у нас новая жизнь... И вот у меня родилась мечта, пока еще не совсем ясная, — попробовать свои силы в работе с детьми. По совету руководителей клуба я начал читать Руссо, Ушинского, Добролюбова, Крупскую, Макаренко. Затем решил взять небольшой отряд ребят, чтобы попробовать заняться с ними тем же, чем и мы в клубе. Сначала было очень трудно: слова вылетали из головы, когда видел четыре десятка глаз... Работа с отрядом дала мне очень много. Мой педагогический опыт еще мал, но я поступаю в педагогический институт».

Нельзя заниматься чем-то серьезно, не зная истории предмета. Ребята свели дружбу с историками, и один из них, Борис Александрович Колчин, пригласил членов клуба на раскопки в Новгород.

Школьники из Лесного теперь знают: самая древняя игра в нашей стране, а может быть, и во всем мире — это «кубарь». Ей свыше тысячи лет. Они отрыли кубарь на раскопках в Новгороде вместе с остатками кожаного мяча и... огорчились. Неужели кубарь останется только экспонатом музея?! Ведь его, по форме и размерам напоминающего гусиное яйцо со срезанной верхушкой, и изготовить несложно... Да и играть интересно! Решили возродить эту игру. На уроках труда изготовили необходимое количество кубарей, составили инструкцию, как играть, и летом снова отправились на Новгородчину.

Эта поездка многое дала им. Ребята почувствовали, как, оказывается, необыкновенно приятно дарить людям радость. По возвращении домой их ждало много писем с просьбами выслать кубарь, научить в него играть. В одном из писем председатель колхоза из Костромской области пригласил ребят на летние каникулы позаниматься с деревенскими ребяташками.

Такое внимание раззадорило. А что, если открыть собственное издательство?.. Раз взрослые выпускают так мало книг по детским играм, то кто-то должен за это взяться?.. Пусть книг будет немного, пусть небольшими тиражами — но зато какие желанные это будут книги!

Поэт Валентин Берестов, изданный одним из первых издательством «Шире круг», очень гордится своей книжкой — ведь его выбрали как автора дети — самые пристрастные читатели. В плане издательства числится «Хрестоматия казачьих игр» по произведениям М. А. Шолохова. Есть замысел — по произведениям уральского писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка составить хрестоматию уральских игр.

На счету издательства клуба любителей игры Лесного городка — и совершенно уникальная книга. Когда она попала в Пушкинский Дом, то ученые ахнули от удивления. Никто из взрослых исследователей Пушкина не обратил внимание буквально на целую россыпь детских игр в произведениях поэта. А школьники, семиклассники и девятиклассники, обратили... В результате получилась отличная книжка, от чести издания которой не отказалось бы и настоящее издательство.

А начиналось все так. Юные этнографы никак не могли найти описание столь любимой когда-то игры в «бабки». Вернее, как играть —

они знали, но хотели понять: почему игра была так распространена и любима в прошлом? Что за внутренняя притягательность в ней?

Кто-то вспомнил, что вроде у Пушкина упоминается эта игра. И точно... Нашлось стихотворение под названием «На статую играющего в бабки»:

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой
о колено
Бодро оперся, другой поднял меткую кость.
Вот уж прицелился... прочь! раздайся, народ
любопытный,

Врозь расступись: не мешай русской удалой игре...

А рядом — стихотворение «На статую играющего в свайку», а дальше — полетели кубари, и еще, еще... Одна игра за другой. Так и получилась книжка.

На этом бы остановиться... Чего еще желать? Вон даже ученые похвалили. Но ребятам этого мало. Летом члены клуба отправились в Михайловское, на Пушкинский праздник — показывали «горелки», «свайку», дарили инвентарь. В Михайловском родилась традиция — принимать в члены клуба на крыльце пушкинского домика.

Открытие Пушкина продолжалось.

Село Захарово под Москвой. Здесь подолгу живал в детстве Пушкин, играл с деревенскими мальчишками; и сейчас можно поговорить со старушкой, приходящейся родственницей няне поэта Арине Родионовне... Школьники из Лесного положили начало Пушкинскому празднику в Захарово.

Заинтересовались они и лицейскими играми Пушкина и его товарищей. Их пригласили в бывшее Царское Село, чтобы в стенах Лицея показать эти игры...

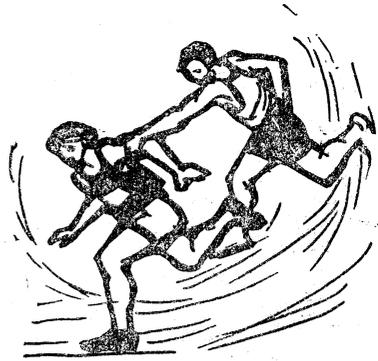
Любители игры из Подмоскovie заняты важным и нужным делом. Но даже они, при всей своей увлеченности, не в состоянии объять необъятное — вести поиск по всей стране. Взять, например, такой интересный с точки зрения детской этнографии район, как Урал. В этом крае сошлись выходы из различных уголков русского государства с местным населением — ханты, манси, башкиры, татары... Все мы школьниками играли в «перышки». Помните?.. Берутся пичие перья и раскладываются в ряд, с промежутками. Один из играющих начинает метать: кладет свое перо впереди разложенных носком к ним и другим пером ударяет сбоку. Если подлетевшее перо падает на одно из рядов, то метавший забирает его и получает право снова метать. (Эта игра в наше время имеет одну из многочисленных трансформаций — «коробки», с подбрасыванием на плоскости спичечных коробков.) Так вот, перышки были на Урале известны давным-давно. Называлась эта игра «ладыжки», играли в нее дети вотяков. Только вместо перьев использовали овечьи кости.

Ушли в небытие такие старинные уральские игры, как «хозяйство водить», «прудики городить», «кандалы закованы», «о кони...».

Мы забыли такую распространенную игру, как «казаки-разбойники», кстати, любимую игру знаменитого разведчика Николая Кузнецова.

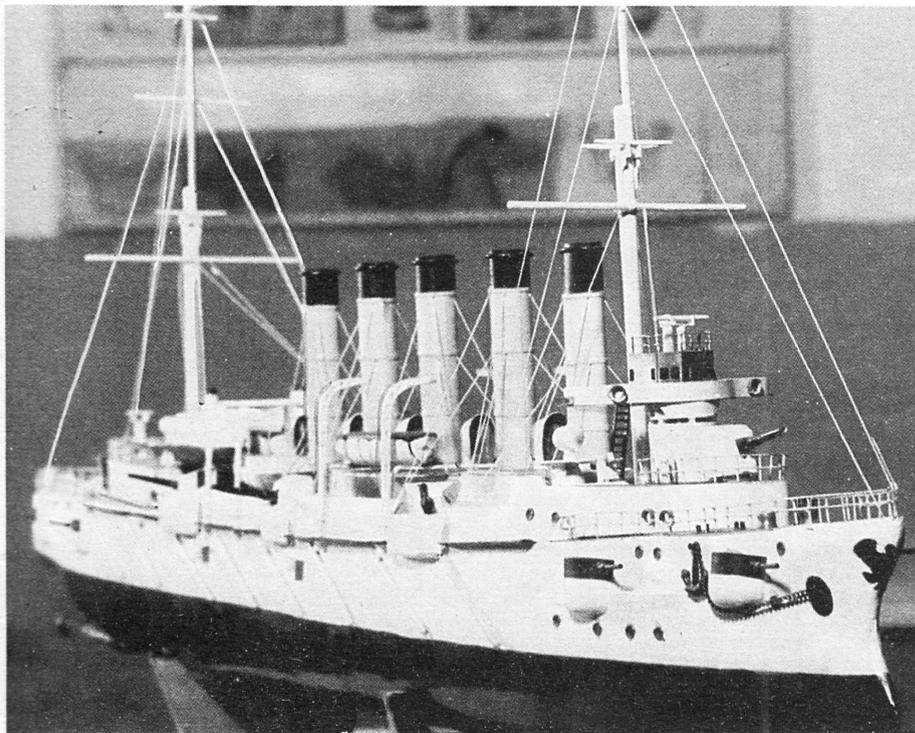
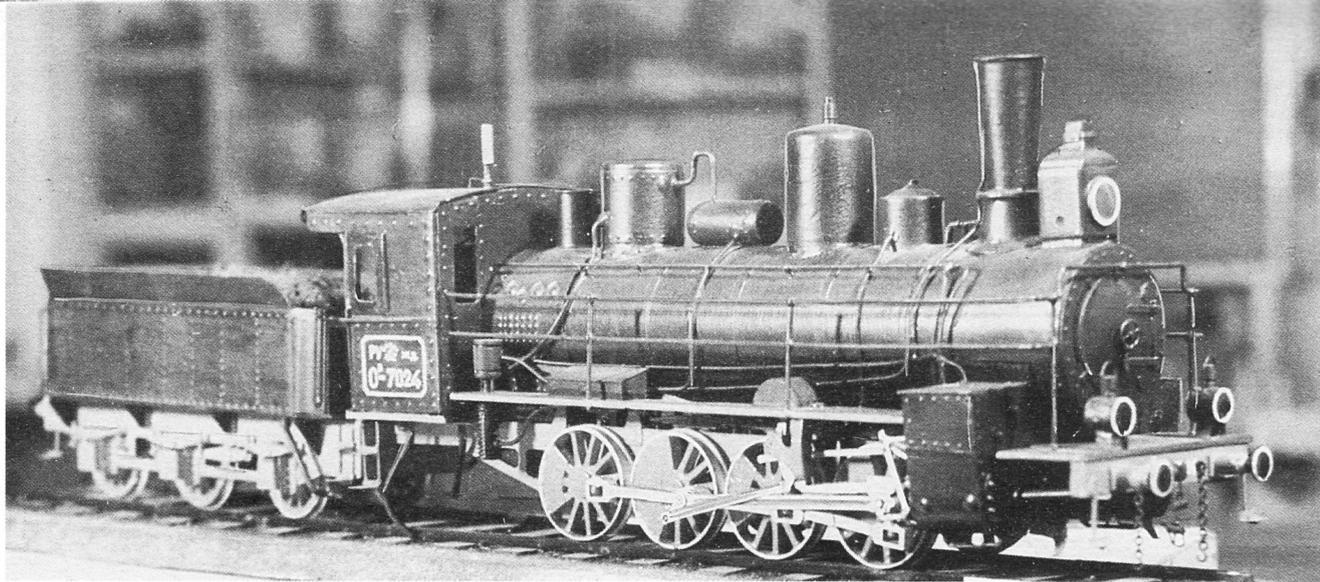
Играющие делятся на две примерно равные команды. «Разбойники» прячутся, задача «казаков» — найти и запятнать их. Прятаться можно, где угодно — залезать на деревья, уходить за штабеля дров, маскироваться в кустах. Но вот «разбойника» запятнали и ведут в темницу. Тут вступает в действие правило, испокон веков бытовавшее на Руси: сам погибай, а товарища выручай. «Разбойника» можно освободить — подбежать и запятнать «конвойного». Но «казак» может оказаться расторопней, и тогда выручавший сам становится пленником. Вырваться пойманному «разбойнику» нельзя... Оставшиеся на свободе товарищи могут напасть на «темницу» и освободить всех; только запятнать они теперь должны не сторожевого «казака», а самого пленного. Представляете, какой риск, если пленных охраняет не один «казак», а все пять? Какую ловкость нужно проявить, чтобы обмануть их бдительность?.. Игра продолжается до тех пор, пока не будут пойманы все «разбойники» или все не будут освобождены из «темницы».

...Игры — это тоже народное богатство. И надо бы сберечь его. Ребята из Лесного городка собирают их не для коллекции, а для жизни: Не только для того, чтобы вспомнить игры предков, но и для того, чтобы возродить их.

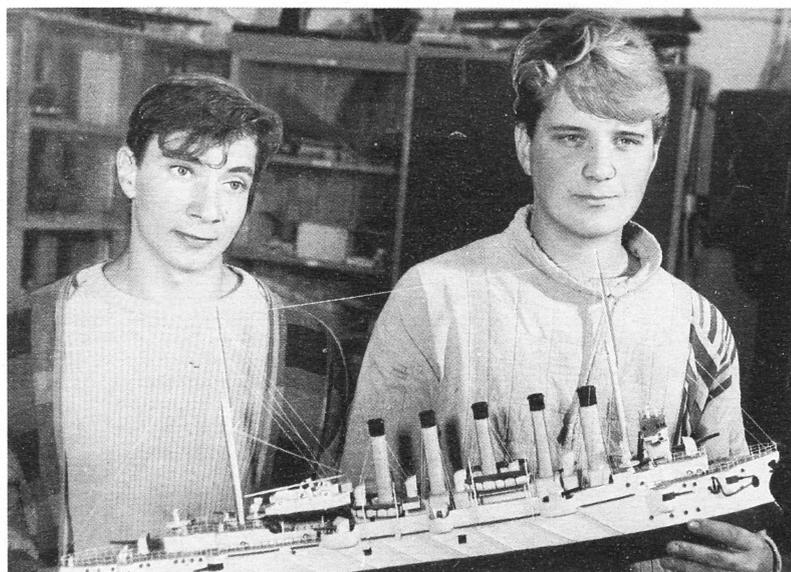
* Гиподинамия становится проблемой нашего века. Морские и воздушные лайнеры, скоростные поезда, метро и лифты в домах ограничивают, как могут, подвижность человека. Конечно, в прошлом веке не было магнитофонов, альбомов для всевозможных видов коллекционирования, гитар в таком обилии... Но вместо всех этих либо шумных, либо кропотливых занятий бытовали везде и повсюду «казаки-разбойники», «третий лишний» и прочие игры. Движение нужно прежде всего детям. Вот почему важно возродить игры предков — еще и потому, чтобы у нового поколения были крепкие мышцы, хорошая реакция, смекалка и выдумка, сильное красивое тело, которое выдерживало бы нагрузки века.

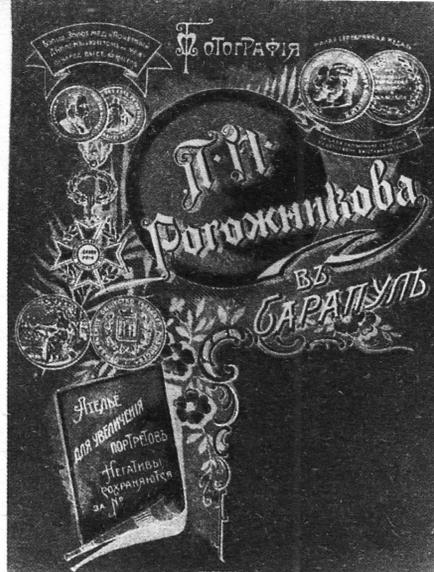

На снимках: модель паровоза, отремонтированного на первом коммунистическом субботнике в 1919 году в Москве; курсанты мореходного училища М. Чиркин и Г. Токарев.

Фото автора

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ФОТОГРАФИИ

Мне принесли выдавший виды фотопортрет — подретушировать и переписать. И вот в руках заказчика новая фотография. Старую можно выбросить. А я как раз собираю старые фотографии.

Раньше у фотографов был обычай указывать на оборотной стороне снимка свою фирму. По бланкам-паспорту можно проследить не только творческую судьбу мастеров, но и узнать их амбиции, художественные вкусы. Это, если хотите, история фотографии, и в частности уральской.

Редкая фирма обходилась без медалей, изображенных на обороте снимка. Давали их чаще всего за участие во всевозможных промышленных и сельскохозяйственных выставках. Непосредственно за фотовыставки медали были только у большого мастера В. Л. Метенкова. А кто не имел заслуженных наград, рисовали сразу три «медали» — с профилями изобретателей фотографии: Ньепса, Дагерра, Тальбота.

Другим почти обязательным символом-знаком было солнце. Фотографировать — значит «светом писать». Раньше это делали буквально: в ателье был стеклянный потолок или стена, и мастер виртуозно «рисовал» светом. Электричество лишь со временем проникло в павильон, но еще долго оставалось «дублером».

Можно встретить на бланках и музу светописи с палитрой художника в руках. Порой подражание живописи заходило так далеко, что само фотозаведение называлось «Рембрандт». Были такие в Челябинске и Екатеринбургe.

На всех старых фотографиях стояла пометка: «негативы хранятся». Но и сами снимки, наклеенные на плотный картон-паспарту, оформленные красивым декором, вызвали почтение и бережно хранились. Альбомы для таких фотографий обходились без клея. А иногда дополнялись музыкальной шкатулкой: механика из пружин и молоточков наигрывала популярную мелодию.

Евгений Бирюков

